

В.А. Соснин

ПСИХОЛОГИЯ МАССОВОГО ПОВЕДЕНИЯ

УДК 316.6
ББК 88
С66

Рецензенты:

А.В. Сухарев — доктор психологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Института психологии РАН;
Т.А. Нестик — кандидат философских наук,
старший научный сотрудник Института психологии РАН

Соснин В.А.

С66 Психология массового поведения : монография / В.А. Со-
снин.

Монография посвящена острой проблеме современного обще-
ства — психологии массового поведения людей, их мотивации в
современном мире. Автор проводит анализ теоретических иссле-
дований по данной проблематике и рассматривает прикладные
аспекты управления массовым поведением людей, исходя из со-
временных тенденций и требований к правоохранительным ор-
ганам — выполнять свои профессиональные обязанности в под-
держании стабильности функционирования и развития общества.

УДК 316.6
ББК 88

ISBN 948-5-00091-003-0 (ФОРУМ)
ISBN 978-5-16-010452-2 (ИНФРА-М, print)
ISBN 978-5-16-102434-8 (ИНФРА-М, print)

© Соснин В.А., 2014
© Издательство «ФОРУМ», 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Институте психологии РАН проводится комплексное изучение явлений, связанных с проблематикой массового поведения больших социальных групп (терроризм, влияние психологической угрозы терроризма на разные группы населения, коррупция и др.). В частности, изучаются психологические последствия терактов, связанные с переживанием посттравматического стресса «вторичными жертвами» (непосредственными свидетелями терактов и людьми, узнавшими о них из новостей и других источников). В последние годы большой интерес вызывают проблемы массовых протестных движений населения. Эти социальные реалии непосредственно влияют на сознание, мотивацию и массовое поведение больших социальных групп российского общества.

В связи с изменившейся социально-политической и экономической ситуацией развития России возникает сложнейший вопрос: что может предложить психологическая наука (особенно социальная и политическая психология) для понимания и решения новых проблем функционирования больших социальных групп общества, а также воздействия на их поведение в изменяющихся условиях? Особенно значимыми в этой связи являются проблемы оппозиционных протестных движений в России в новых социально-политических условиях и задачи властных структур по управлению этими процессами с целью сохранения стабильности функционирования и развития российского общества. Социально-политическая ситуация в стране в настоящее время характеризуется тем, что властные структуры не могут рассчитывать исключительно на силовые методы и технологии управления массовым поведением людей.

В данной монографии проблема массового сознания и поведения больших социальных групп (включая протестные движе-

ния) анализируется с новых позиций в современной исследовательской практике, в том числе в связи с применением интернет-технологий.

В работе проанализированы классические подходы к «психологии толпы» (Г. Лебон, Г. Тард, З. Фрейд и др.), а также массовые групповые явления под углом зрения более поздних подходов, прежде всего, с позиции теории социальной идентичности.

Проанализирована социально-психологическая проблематика массового поведения больших групповых образований в связи с возможностями использования интернет-технологий, позволяющих воздействовать на массовое поведение людей, минуя контроль властных структур. Это создает новую информационную ситуацию. Интернет стал источником порождения принципиально новых моделей взаимодействия общества и государства. В интернет-пространстве возникли новые политические практики воздействия на массовое сознание и поведение самых разных групп населения.

Особенно важно понять социальную природу этих новых тенденций и практик с позиции разных отраслей современной психологии. Исследования этой проблематики пока не стали предметом специальных исследований психологической науки, в первую очередь, социальной психологии. Содержание данной книги в определенной мере позволяет заполнить эти «белые пятна» и выстроить ориентиры для дальнейших социально-психологических исследований этой проблематики.

*Член-корреспондент РАН,
профессор
А. Л. Журавлев.
Сентябрь 2013 г.*

Раздел I

ПСИХОЛОГИЯ МАССОВОГО ПОВЕДЕНИЯ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Введение: постановка проблемы

Один из основных вопросов психологической науки состоит в том, что может предложить социальная и политическая психология для понимания и решения новых проблем функционирования больших социальных групп и их поведения в связи с кардинально изменившейся социополитической ситуацией в России.

По проблематике психологии массового поведения в научной литературе есть ряд источников, в том числе классические и современные. Исследования массового поведения больших социальных групп появились в психологической науке на рубеже XIX–XX вв. Вышли в свет классические работы Г. Лебона (1898), Г. Тарда (1902) и З. Фрейда (1925).

Важным вкладом в разработку этой темы стала «Психология масс и фашизм» Вильгейма Райха (Райх, 1933). Эта книга обдумывалась в годы кризиса в Германии с 1930 по 1933 г.; первое издание вышло в свет в сентябре 1933 г., а второе — в апреле 1934 г. Анализ этих и более поздних работ представлен в ряде аналитических монографий (Московичи, 1996; Лебон, Тард, 1998; Ольшанский, 2001; Кабанес, Насс, 1998; и др.).

Властные структуры государства, заявляя о демократичности новой политической системы России, обращаются к принципам и приемам воздействия и управления массовым и стихийным поведением, разработанным в психологической науке. «...Главное отличие нынешней ситуации от ситуации, характерной для

традиционной политической культуры России, состоит в том, что власть сегодня не может исключительно рассчитывать на силовые приемы» (Шестопал, 2002, с. 15). В политической истории нашего государства есть опыт использования психологических принципов управления массовым стихийным поведением властными структурами государства¹. А.П. Назаретян (Назаретян, 2001), исходя из имеющейся у него информации, отмечал, что в рамках КГБ, МВД и Министерства обороны СССР велись исследования по данной проблематике для решения конкретных инструментальных задач. В международном отделе ЦК КПСС существовал закрытый институт общественных наук для теоретической и практической подготовки кадров и практического решения проблем управления массовым поведением людей. Эти разработки использовались при управлении массовыми процессами в нашей стране.

Возникает проблема осмысления особенностей подготовки таких специалистов в новых условиях. Во-первых, необходимо выделение и обоснование новых тенденций в исследовании этой проблематики; во-вторых, «приращение нового знания» о психологии массового поведения социальных групп, определение новых направлений исследований. Представляется, что эти новые направления должны быть связаны:

а) с поиском новых методов изучения данной проблематики с позиций социально-идентификационного подхода и отхода от классических представлений психологии толпы;

б) с анализом технологий Интернета и возможностями их воздействия на массовое сознание и поведение людей.

Естественно, необходима разработка системы социально-психологического сопровождения, воздействия и влияния на социальное поведение больших социальных групп (социальный контроль, психологическая поддержка, противодействие, обратная связь, и т. д.).

Объекты исследований массового поведения остаются неизменными, это различные типы групповых образований (от кон-

¹ В эпоху социализма, которую либеральные исследователи и публицисты называют авторитарной системой, использовались силовые методы как инструмент управления массами вплоть до физического уничтожения оппонентов. Однако силовые методы управления массовыми движениями, когда они выходят за рамки нормативных требований (беспорядки, бесчинства фанатов, этнические столкновения и т.п.), являются нормальной практикой в рамках законности.

венциональных групп до стихийных образований типа «толпа» в различных модификациях).

Основным предметом исследования этого направления являются психологические характеристики «взаимодействующих субъектов», взаимоотношения власти и населения, типологии стихийных групповых образований, механизмы их формирования и детерминанты массового поведения, проблема лидеров и управления массовыми групповыми процессами, а также обозначение новых тенденций в исследуемой проблематике.

Основные задачи

- осуществить теоретико-методологический анализ проблемы с позиции новых тенденций в исследованиях данной проблематики в современной социальной психологии;
- проанализировать и выявить современные психологические мотивации массовых социальных движений в мире;
- выделить прикладную проблематику и тенденции исследований данного направления в перспективе.

Автор анализирует проблематику массового поведения, опираясь преимущественно на зарубежные источники. Это делается сознательно. Задача автора — проанализировать и представить проблематику психологии массового поведения комплексно с позиций современной социальной психологии в целом — и отечественной, и зарубежной. В отечественной социальной психологии эта проблематика в настоящее время фактически не исследуется (см., напр.: Журавлев, 2011).

Глава 1

Формирование направления, классические работы и современные исследования: краткий исторический обзор

Психологическое понимание классических теорий толпы

Этот аспект содержательно отражен в предисловии к работе С. Московичи (Московичи, 1996), написанном А.В. Брушлинским.

Он отмечает: «Основное содержание книги составляет ... детальный анализ и ...разработка психологических трактовок и теорий толпы, созданных Г. Лебоном, Г. Тардом, З. Фрейдом и др. Московичи уделяет главное внимание вариантам объяснения с позиции психологии толп, намеченной Лебоном. Здесь на передний план выступают следующие основания и объяснения массового поведения: 1) массы представляют собой социальный феномен; 2) индивиды растворяются в массе под влиянием внушения; 3) гипнотическое внушение понимается как модель поведения вождя масс» (Московичи, 1996, с. 12).

В целом психологические воззрения классиков на проблему массового поведения, по мнению А.В. Брушлинского, и психология толпы как раздел науки, опираются на систему идей, среди которых главными являются следующие:

1. Психологическая толпа — это не просто скопление людей в одном месте, а человеческая совокупность, обладающая психологической общностью.

2. Индивид действует сознательно, а масса, толпа — неосознанно, поскольку сознание индивидуально, а бессознательное — коллективно.

4. Массы, толпы нуждаются в наличии и поддержке лидера (вождя), который пленяет их своим харизматическим авторитетом, а не доводами рассудка.

5. Пропаганда (или массовая коммуникация) имеет иррациональную основу, опирающуюся не на рациональные доводы, а

больше на эмоциональные составляющие и внешние признаки образа политика.

6. Для управления массами (партиями, классами, нацией в целом и т. д.) политика должна опираться на какую-то высшую идею — национальные интересы государства, безопасности Отчизны и т. д.

Таким образом, психология масс (толп) в классических источниках основана на резком противопоставлении индивида вне толпы и ему же, находящемуся в толпе. Необходимо учесть, отмечает А.В. Брушлинский, что в психологии масс толпа понимается очень широко. Это не только стихийные неорганизованные скопления людей, но и структурированное (в той или иной степени) организованное объединение.

Он делает важный вывод из анализа работы С. Московичи: при всей бесспорной и исключительной важности вышеприведенных соображений можно поставить вопрос о целесообразности и правомерности столь широкого понимания толпы — не только стихийной, но и организованной в виде политических партий, профсоюзов, армейских структур, религиозных организаций и протестных групповых образованиях оппозиции.

А.В. Брушлинский определяет концептуально-терминологические оттенки значения терминов. «Толпа» прочно ассоциируется в исходном и основном значении со «скоплением людей, сборищем» (Ожегов, 1990). В этом контексте, отмечает он, наибольший интерес представляет новаторский анализ С. Московичи фрейдовской версии психологии толп (см.: Психология и психоанализ власти, 1999).

А.В. Брушлинский отмечает главные недостатки работы С. Московичи. Прежде всего, это внутриспсихологический детерминизм, отрывающий психику людей от их истории, социально-экономической основы их жизни. Такой детерминизм означает неоправданную психологизацию поведения индивидов и групп, отсутствие учета того, что психика человека не существует сама по себе.

Оценка работы С. Московичи «Век толп»

Естественно, книга С. Московичи «Век толп» является базовой для большой массы современных работ, посвященных этой проблематике. И в интернет-публикациях ее считают одной из ос-

новных, суммирующих имеющиеся знания классиков по данной проблематике. И вместе в ней есть ряд спорных моментов.

1. Категоричное противопоставление поведения индивида (как автономного существа) и его коллективного поведения (в группе, толпе) не совсем оправданно. В соответствии с идеями Г. Лебона, Г. Тарда и З. Фрейда Московичи как бы отрицает историю социальной (шире — государственно-политической, экономической, идейной) организации людей в сообщества с присущими общественному устройству нормами коллективного поведения.

2. Коллективная жизнь людей — это не обязательно потеря своей индивидуальности и не обязательно в коллективном поведении индивид будет вести себя иррационально. Следует различать поведение в общественно-государственном сообществе, где люди сознательно подчиняются юридическим и социальным нормам поведения и функционирования общества. И совсем другое, когда массы людей (толпа) выступают против проведения политики властных структур. В этом случае и лидеры протестных движений, и массы «заряжены» идеями социальной справедливости.

Естественно, возможны искажения поведения человека в толпе (особенно в толпе протестной), и это поведение отлично от его поведения в индивидуальном плане. Но тотальное противопоставление поведения человека «отдельно» и «в толпе» — это методологически не совсем оправданная позиция.

3. Анализ психологии толпы Московичи осуществляет «как бы в вакууме», как будто до этого в истории человеческой цивилизации не было аналогичных проблем с массовым поведением людей и необходимости управлять им со стороны властных структур.

4. Работа Московичи, хотя и опирается на научные источники, во многом является эмоциональным аналитическим обзором классиков. Изложение строится не в форме строгого научного анализа, а в форме эмоционального эссе с индивидуальным отношением исследователя к проблеме психологии масс. Это, естественно, затрудняет отделение «эмоций исследователя» от собственно его аналитических суждений по исследуемой проблеме.

Глава 2

Проблема типологии массовых групповых образований

Матрица типологий массовых групповых образований на основе представлений о социальной установке

Матрица типологии массовых групповых образований может быть построена, исходя из представлений о социальной установке (рациональный, эмоциональный и поведенческий компоненты), а имеющиеся в литературе классификации типов групповых образований распределены в соответствии с критериями социальной установки с некоторыми дополнениями. Основными признаками типологии массовых групповых образований являются:

- критерий времени существования группового образования: долговременные группы (демографические, политические, профессиональные, религиозно-этнические); кратковременные (митинги, аудитории, толпа, аудитории зрелищных мероприятий, массовые скопления людей в протестных явлениях и т.п.)¹;
- критерий модальности (знак, направленность) массового поведения: социально ориентированное или социально деструктивное, противоправное поведение.

Основными психологическими характеристиками поведения больших социальных групп могут являться:

- рациональные компоненты, т.е. коллективные представления, мнения группы; групповые интересы и цели, другими словами, мотивации;
- аффективные потребности, т.е. коллективные переживания, социальные чувства и настроения группы (толпы), которые не-

¹ Иначе критерий организованности групп: с одной стороны — партии, союзы, ассоциации, с другой — зрители зрелищных мероприятий, толпы по разным основаниям, фанаты, массовые проявления протеста и т.п.

обходимо выражать и которые, как правило, в толпе выражаются неосознанно.

Если говорить о динамических (эмоциональных) признаках поведения человека в толпе, то и классические, и современные исследования выделяют ряд базовых характеристик поведения:

- эффекты психологического заражения (неосознанно действовать, как все);
- эффект анонимности и возможности выражения своих «комплексов» в толпе;
- снижение рациональной оценки своего поведения в толпе;
- «психологическое отключение» от своего социального статуса;
- снижение интеллектуальных способностей при поведении в толпе.

Естественно, все эти эффекты взаимосвязаны.

Исходя из этого, представим матрицу типологий массовых групповых образований в следующем виде (таблица 1):

Таблица 1. Матрица типологий массовых групповых образований

	Когнитивная составляющая (цели, мотивы)				Эмоциональная составляющая (коллективные переживания, чувства, настроения)				Поведенческая составляющая (формы поведения)			
	Долговременные образования		Кратковременные образования		Долговременные образования		Кратковременные образования		Долговременные образования		Кратковременные образования	
В	1		2		3		4		5		6	
М	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–
	1.1	1.2	2.1	2.2	3.1	3.2	4.1	4.2	5.1	5.2	6.1	6.2

Пояснения к таблице:

В — критерий времени (долговременные и кратковременные групповые образования); М — критерий модальности (направленности) поведения (социально ориентированное — «+», деструктивное, криминальное — «–»).

Ячейки обозначены цифрами:

1 — критерии — цели, мотивы, долговременные: партии, союзы, общественные организации, религиозные группы, секты, повстанческие (террористические) организации и движения;

2 — критерии — цели, мотивы, кратковременные: стихийные, ведомые и случайные толпы, конвенциальные группы, панические и стяжательные толпы;

3 — критерии — коллективные переживания, чувства, долговременные: религиозные группы и секты, повстанческие (террористические) организации;

4 — критерии — коллективные переживания, чувства, кратковременные: ведомые и случайные толпы, экспрессивные, агрессивные и экстатические толпы, панические и стяжательные толпы;

5 — критерии — формы поведения, долговременные: партии, союзы, общественные организации, религиозные группы, секты, повстанческие (террористические) группы;

6 — критерии — формы поведения, кратковременные: ведомые и случайные толпы, экспрессивные, агрессивные и экстатические толпы, панические и стяжательные толпы.

В нижней строке таблицы (ячейки от 1,1 до 6,2) групповые образования классифицируются дополнительно по критерию модальности поведения (+ или –):

1.1 — партии, союзы, общественные организации, религиозные группы;

1.2 — секты, повстанческие (террористические) организации;

2.1 — демонстрации, митинги, массовые зрелищные мероприятия, действующие в рамках закона;

2.2 — стихийные, ведомые, конвенциальные группы, протестные движения (толпы);

3.1 — ячейка свободна;

3.2 — секты, повстанческие (террористические) группы;

4.1 — ведомые, случайные и экспрессивные толпы, демонстрации, митинги, массовые зрелищные мероприятия, действующие в рамках закона;

4.2 — ведомые, случайные, экспрессивные и экстатические толпы, демонстрации, митинги, массовые зрелищные мероприятия, превращающиеся в агрессивные толпы, оппозиционные протестные группы;

5.1 — все типы групповых образований, действующих в рамках закона;

5.2 — религиозные секты, повстанческие (террористические) группы;

6.1 — все типы кратковременных групповых образований, действующих в рамках закона — демонстрации, митинги, массовые зрелищные мероприятия;

6.2 — протестные групповые образования, агрессивные толпы, бунты, стихийные и панические толпы.

Как видно из приведенной матрицы, одно и то же название (тип) группового образования может попадать в разные ячейки в зависимости от сочетания критериев классификации. Естественно, в ячейках матрицы приведены типичные названия массовых групповых образований, наиболее часто употребляемые в литературных источниках.

Предложенная классификация, во-первых, позволяет делать дополнения: она открыта для включения в нее других типов групповых массовых образований, во-вторых, данная классификация позволяет системно отразить проблематику типологии массовых групповых явлений.

Однако приходится констатировать, что отечественные исследования и учебные пособия по данной проблематике отражают обзоры классических работ, сводятся к повторению известных типологий массовидных групповых движений и т. д. (А.П. Назаретян, Л.Г. Почебут, Д.В. Ольшанский и др.).

Концептуализация основных типов массовых образований типа «толпа»

Дадим краткую расшифровку определений наиболее известных в литературе типов групповых массовых образований (Назаретян, 2001). По установившейся терминологии массовые групповые образования будем называть «толпами».

Случайная толпа — скопление людей, собравшихся посмотреть на неожиданное происшествие. Это самая обыденная ситуация стихийного массового поведения, которую доводилось в жизни наблюдать любому взрослому человеку.

Конвенциональная толпа (от англ. convention — условность, обусловленность) — групповое образование, которое собирается по поводу заранее объявленного события (митинг, концерт, футбольный матч и т. д. и т. п.). Здесь преобладает направленный интерес, и люди до определенного времени (пока толпа сохраняет качество конвенциональности) готовы следовать в своем поведении определенным социальным правилам (конвенциям).

Часто отдельно выделяют категорию «публика» — собрание людей по поводу культурных мероприятий (театр, концерт и пр.) или аморфная аудитория слушателей СМИ.

Но это разграничение очень условное. Несмотря на то, что люди приходят на эти мероприятия с разными установками, к различным сценариям развития событий, организаторы (в первую очередь, правоохранные структуры) готовятся к ним заранее.

Экспрессивная толпа — групповое образование, ритмически выражающее доминирующие в толпе эмоции — радость, энтузиазм, протестные настроения и т. п. Спектр эмоциональных состояний очень широк (это могут быть и реакции на футбольном матче, и протестные эмоции типа «Манежная площадь»).

Экстатическая толпа — групповое образование, которое заражено экстремальной формой выражения своих эмоций — радостью, гневом, протестной готовностью доказать свою правоту и т. д. Это наиболее опасный вид толпы, требующий внимательного отношения со стороны правоохранных структур.

Действующая толпа — групповое образование, представляющее наиболее опасный вид коллективного поведения (оппозиционного, протестного) для правоохранных структур государства.

В ее рамках можно выделить ряд подвидов:

- Агрессивная толпа — групповое образование, доминантой поведения которой являются злоба, ярость и стремление доказать властям своим поведением свою справедливость и правоту.
- Паническая толпа — групповые образования, которые в ситуации необходимости спасения своей жизни, стремятся избежать личного смертельного исхода. Паническое поведение (индивидуальное выживание) обычно не только является спасительным, но часто становится более опасным фактором, чем то, что спровоцировало ситуацию паники.
- *Стяжательная толпа* — группы людей, которые в критической ситуации стремятся завладеть ценностями людей, находящихся в беде. Доминируют жадность, отсутствие нравственных норм поведения и страх наказания. Однако слово «стяжательная» не всегда следует понимать буквально. Это может быть толпа голодных людей, не видящих выхода из ситуации, кроме приобретения припасов для жизни в погромах и использования ситуации в целях выживания.

И наиболее значимый вид толпы — это, несомненно, повстанческая толпа. Это групповое образование, которое ведет борьбу с государством на основе духовно-религиозных, идейных мотиваций. Показательный пример такой деятельности — террористическая активность в современном мире (см.: Соснин, 2012).

Глава 3

Тенденции исследований массового поведения в современной психологической науке

Приведем краткий аналитический обзор современной международной научной литературы по данной проблематике и постараемся выделить основные тенденции исследований.

Идентификация факторов, относящихся к вопросам общественной безопасности в массовых скоплениях людей, постоянно находилась в фокусе научного внимания.

В научной литературе термины «толпа», «массовое скопление людей» часто использовались без разграничения. Массовое скопление людей определялось исследователями как образование большого числа людей в одном месте (Arbon, 2004, p. 208–212; Milsten et al., 2002, p. 151–167), но нет согласованного определения толпы.

Практически термин «состояние сознания толпы» стал параметром измерения вероятного массового поведения (Zeitz et al., 2007, p. 24–30).

Термины «толпа», «массовое поведение», «состояние сознания толпы», «тип толпы» и «массовое поведение» имеют в научной литературе разное применение.

В подавляющей массе исследований акцент делается на массовом поведении в ситуации конфликта с правоохранительными структурами. Массовое поведение (или поведение толпы, crowd behavior) является главным фактором, требующим оценки и соответствующих акций по управлению этими процессами.

Эволюция теорий массового поведения: теории толпы

Таблица 2. «Теория толпы» в современной научной литературе
(Zeitz et al., 2009, p. 32–38).

Персоналии	Основание теории	Содержание теоретических представлений
Ле Бон и др. классики	Традиция группового мышления	В толпе индивид теряет представление о своей личной ответственности, становится объектом заражения и примитивного поведения.
Олпорт, Миллар, Доллард, (Mc Phail, 1991)	Диспозиционная теория	Коллективное действие объясняется на языке существующих тенденций, насилие возникает от антисоциальных личностей (Reicher, 2001; Drury, Reicher, 1999)
Тернер и Килман (Mc Phail, 1991)	Нормативная теория	Коллективное поведение возникает из существующих норм. Слухи и неорганизованное поведение толпы формируют новые нормы, которые изменяют существующие нормы. Нормативная теория восстанавливает связь между индивидуальным поведением индивида и его поведением в толпе. Теория не смогла объяснить - каким образом большие группы достигают единства в короткий период времени (Reicher, 2001; Drury, Reicher, 1999).
Рейхер и Поттер (Reicher, Potter, 1985)	Межгрупповая перспектива	Потребность в признании социально-когнитивных перспектив в ин-группах и аут-группах (другая группа с оппозиционными установками)
Ваддингтон, Джонс, Криттчер (Waddington et al., 1987).	Модель дезорганизации	Шесть уровней дезорганизации: 1. Структурное – относительное распределение власти и ресурсов; 2. Политико-идеологическое – деятельность политических структур и групп влияния; 3. Культурное – способы, которыми группы понимают социальный мир и свое место в нем; 4. Контекстуальное – динамика временных ситуаций как слухи и информация в СМИ; 5. Ситуационное – конкретный аспект собирания толпы; 6. Межличностное взаимодействие – действия, которые нарушают неформальные правила взаимодействия между группами.
Тернер, Окск, Мак Гартти (Turner et.al., al., 1994)	Теория социальной идентичности	Основываясь на теории самокатеризации, Тернер и др. утверждают, что социальное влияние возможно только на основе самокатеризации или общего чувства идентичности.

Окончание табл. 2

Персоналии	Основание теории	Содержание теоретических представлений
Рейхер (Reicher 1996); Друри, Рейхер (Drury, Reicher, 1999)	Развитие теории социальной идентичности	Акцент – на формировании социальной идентичности временно формирующихся групп. Конфликт возникает, когда две группы имеют не совместимые идейные представления. И когда действия одной группы считаются как нарушающие права с точки зрения другой группы. Развитие конфликта соответствует изменениям в самокатегоризации (идентификации) группового образования и важности межгрупповой динамики в текущем развитии конфликта

Лебон, признанный основатель теории поведения больших социальных групп, вместе с Р. Парком и Г. Блумером разработали и «увековечили» традицию группового сознания (Mc Phail, 1989; Reicher, 2001). Они утверждали, что в массовых скоплениях людей индивиды полностью теряют чувство индивидуальной ответственности, приобретают ощущение непреодолимой силы, становятся объектами заражения и влияния и, как следствие, примитивного поведения.

Данная концепция массового поведения была поставлена под вопрос сторонниками диспозиционной теории (Mc Phail, 1991). В соответствии с этой традицией, коллективное поведение объяснялось на основе заранее выявленных индивидуальных тенденций поведения. Отмечалось, что насилие приносится в массовое поведение асоциальными личностями (Reicher, 2001).

Возникновение нормативной теории (Дж. Тернер). Согласно нормативной теории, коллективное поведение осуществляется на основе возникающих норм. Утверждается, что слухи и беспорядочно движущиеся толпы имеют целью возникновение новых норм, которые обычно являются модификацией существующих. Несмотря на то, что нормативная теория восстанавливает связь между пониманием индивидуального поведения и действиями в массовых скоплениях людей, она оказалась неспособной объяснить, каким образом единство большой группы может достигаться в короткий период времени.

Межгрупповая перспектива (С. Рейхер и Дж. Поттер). Перечисленные выше теории поведения больших массовых скоплений людей были дополнены С. Рейхером и Дж. Поттером (Reicher, Potter, 1985). В частности, они отметили неспособность

прежних теорий объяснить динамику процессов, лежащих в основе массового поведения; неспособность понять мотивы членов массовых групповых образований, а также чрезмерное акцентирование отрицательных аспектов группового поведения. Они отметили необходимость рассмотрения (и понимания) различных социокогнитивных перспектив в развитии динамики, происходящей в ин-группах и аут-группах.

Ин-группа представляет собой совокупность людей, имеющих взаимно разделяемые социальные нормы и общую цель (например, болельщики определенной спортивной команды).

Аут-группы — это люди, которые не входят в ин-группу или которые не разделяют чувства социальной идентичности ин-группы. Аут-группы образуются тогда, когда одна группа массового образования противостоит другой.

Очевидный пример аут-группы — это болельщики другой спортивной команды. Однако более внушительная ин-группа по своему составу и численности может формироваться в массовое скопление людей (толпу), если происходит сопротивление полиции. И, следовательно, полиция является аут-группой по отношению к первой группе.

Модель дезорганизации (Д. Ваддингтон, К. Джонс, К. Критчер). Д. Ваддингтон с коллегами продвинулись дальше в понимании массового поведения и предложили шестиуровневую модель дезорганизации массового поведения, т.е. влияния факторов разного социального уровня на дисфункциональность поведения массового группового образования (Waddington, Jones, Critcher, 1987).

Они выделили шесть уровней дезогранизации (см. таблицу 2). Авторы пришли к заключению, что дезогранизация массового поведения в принципе редко «задумывается» (как цель проведения массовых мероприятий) их организаторами¹. Однако возможность такого развития событий объяснима и, по меньшей мере, частично предсказуема.

¹ Хотя, естественно, экстремистские лидеры протестных движений могут скрыто ставить такие провокационные цели. С другой стороны, сама динамика этих явлений в противостоянии правоохрнительным структурам может спонтанно привести к дезорганизации массового поведения (особенно если правоохрнительные структуры, по мнению членов протестного образования, неадекватно и слишком жестко реагируют на поведение толпы). Кроме этого, среди членов массовых групповых образований могут находиться психически больные люди, которые способны своим агрессивным поведением спровоцировать дезорганизацию поведения массового группового образования.

Модель социальной идентичности (Дж. Тернер, Р. Окск, С. Хаслам, К. Мак-Гарти). Следующий важный шаг в развитии понимания сознания массового группового образования и поведения его членов — разработка модели социальной идентичности массового поведения. Она основывалась на теории самокатегоризации, развитой Дж. Тернером с коллегами, достоинством которой является положение: коллективное поведение и социальное влияние возможны только на основе взаимно разделяемой самокатегоризации, или общего чувства социальной идентичности.

Развитие теории социальной идентичности в приложении к массовому поведению (С. Рейхер, Дж. Друри). Эта модель массового поведения была разработана С. Рейхером (Reicher, 1996) и основательно проанализирована и обсуждена Дж. Друри и С. Рейхером (Drury, Reicher, 2000). Модель начинает «стартовать» с положения о том, что массовые групповые образования являются «межгрупповыми встречами», т.е. столкновениями групп с разными ценностными представлениями.

Авторы проанализировали проблему идентичности группы, которая может развиваться как функция межгрупповой динамики взаимодействия. Они считают, что конфликт возникает, когда две группы имеют несовместимые представления о возможных вариантах поведения в конкретной ситуации и когда действия одной группы рассматриваются как нарушающие представления о правильности и справедливости на языке социальной идентичности другой группы.

Авторы рассмотрели также вероятность возникновения конфликта с правоохранительными структурами в связи с изменениями самокатегоризации членов массового группового образования. Главный вывод авторов модели состоял в том, что межгрупповая динамика взаимоотношений между группами является главным фактором в возникновении и развитии межгруппового конфликта. Они считают, что межгрупповая дискуссия и межгрупповые отношения являются важными компонентами в формировании чувства социальной идентичности групп (Dvery, Reicher, 2000).

Ряд других исследователей на основе наблюдений подтвердили положительный объяснительный потенциал модели (Young, 2002; Doosje et al., 2002). Ряд исследований подтверждает возможность использования теории социальной идентичности для объяснения массового поведения (Drury, 2002; Drury et al., 2005; Drury, Reicher, 2005).

Психологические факторы массового сознания и поведения

Анализ современных исследований массового поведения в разных вариантах массовых событий, в которых использовались или подтверждались предлагаемые теории объяснения массового поведения, вскрыл ряд тем.

Сознание и поведение массовых групповых образований были признаны явлениями, зависящими от определенных условий — «зрителей», отдельных личностей, а также от динамики ситуационных массовых изменений окружающей среды (Slepicka, 1995).

Например, К. Янг (Young, 2002) пришел к выводу, что потребность болельщиков в установлении норм групповой идентификации (основанной на широком спектре факторов), по-видимому, является важным фактором массовой дезорганизации поведения.

Б. Дози с коллегами (Doosje et al., 2002), исследуя развитие групповой идентификации в ответ на предполагаемые или актуальные изменения в межгрупповой иерархии (в лабораторных условиях), пришли к выводу, что степень и природа выражения солидарности зависит от степени идентификации со своей группой.

Исследователям стало ясно, что массовое поведение необходимо понимать как феномен межгруппового взаимодействия с учетом различных перспектив динамики в ин-группах и аут-группах. Массовые скопления людей (толпы) с большей вероятностью вовлекаются в конфликт, когда конфликтное поведение считается законным, поскольку внешняя группа, по их мнению, нарушает должные нормы и практику социального поведения, или когда конфликт считается эффективным средством достижения желаемых целей ин-группы. Распространение конфликта было связано со степенью изменения в самокатегоризации социальной идентичности ин-группы и с неспособностью внешней группы дифференцировать наличие разных подгрупп в массовом групповом образовании (толпе). Межгрупповая динамика оказалась решающим фактором возникновения и развития массового конфликта (Reicher, 1996).

Феномен возникновения «чувства силы» (*phenomenon of empowerment*) в ин-группе, внутри массового группового образования (в толпе в целом) также был идентифицирован исследователями как важный фактор, оказывающий влияние на массовое поведение ин-группы (Vider, 2004; Drury, 2002). Силовые

(конфликтные) действия членов ин-группы (толпы) опирались на представления о «должной/правильной практике взаимодействия» (социальной норме) и ее нарушениях представителями аут-группы (на практике — представителями правоохранительных структур).

Дж. Друри и С. Рейхер на основе наблюдений отметили, что поскольку члены массового группового образования (толпы) воспринимали поведение аут-группы как «незаконные», границы толпы начинали расширяться, и в ин-группу начинали включаться те индивиды, которые формально считались аутсайдерами (т.е. сторонними наблюдателями) (Drury, Reicher, 2000). Расширение границ массового группового образования приводило к возникновению феномена «чувства силы» в массовом сознании толпы, другими словами, толпа становится более сильной.

В последующих работах исследователей феномен «чувства силы» толпы как фактор массовых коллективных действий был подвергнут дальнейшему анализу (Drury et al., 2005; Drury, Reicher, 2005).

Коллективная (групповая) самообъективизация как процесс, с помощью которого индивид приобретает представление о себе как личности, является ключевым фактором в формировании феномена «чувства силы», возникающего из групповых действий (Drury et al., 2005).

Этнографическое исследование двух типов массовых групповых образований (толп) подтвердило, что возникновение «чувства силы» в толпе является функцией степени коллективной самообъективизации (Drury, Reicher, 2005).

Проблема наблюдения и фиксации параметров массовых групповых образований

В литературе есть масса рекомендаций и подходов к проблеме наблюдения и фиксации параметров массовых групповых образований (см., напр.: Milsten et al., 2002; Zeitz et al., 2007).

Например, в Англии матрица для оценки возможностей правоохранительных структур при наблюдении и обеспечении безопасности массовых мероприятий использует профиль состава толпы как совокупность ряда индикаторов (Health and Safety Executive, 1999). Дескрипторы массового группового образования включают параметры участия семейных групп, молодых

людей, детей и подростков, пожилых людей и представителей конкурирующих групп.

Таблица 3¹. Типы массовых скоплениях людей с выделением ключевых дескрипторов

Тип толпы	Дескрипторы поведения
Движущаяся толпа (различные типы шествий, очереди, религиозные ходы и т. п.)	Спокойное движение и эмоциональное состояние участников
Ограниченная в своих движениях толпа	Наблюдение общественных мероприятий, необходимость дополнительной организации со стороны правоохранительных структур
Связанная общим интересом наблюдающая толпа (напр., зрители, болельщики спортивных мероприятий)	Наблюдение конкретной активности
Экспрессивная/отдыхающая толпа	Поведение характеризуется эмоциональным расслаблением (напр., аудитория, болельщики, наблюдающие за массовыми городскими мероприятиями, включая кроссы, гонки, массовые выезды на природу и т. п.)
Действующая толпа	Члены толпы являются участниками конкретного события (напр., пикеты, марши и т. п.)
Агрессивно-враждебная толпа	Наличие вербальной агрессии, готовность к противоправным действиям
Демонстрирующая толпа	Наличие определенной организации со стороны Лидеров (протестные толпы, пикеты, марши и т. п.)
Паническая толпа	Поведение членов толпы обусловлено наличием реальной или воображаемой опасностью для жизни
Плотная/стесненная толпа (типа давки)	Уменьшение индивидуальных физических движений, возможность превращения в паническую толпу
Стяжательная толпа	Попытки, используя ситуацию, незаконно приобрести, получить или украсть что-либо
Насильственная толпа	Физическое нападение/террористические действия

¹ Сравнение этой классификации типов массовых групповых образований с классификацией, представленной выше, показывает, что взгляды отечественных и зарубежных авторов на принципы классификации мало отличаются друг от друга. С другой стороны, матрица классификаций, представленная выше, позволяет интегрировать и данную типологию.

В руководстве Австралийской ассоциации управления чрезвычайными ситуациями (Emergency Management Australia) описаны типы массовых скоплениях людей с выделением ключевых дескрипторов, включающих физические движения, степень участия, поведение (таблица 3) (Australia EM, 1999).

Другой инструментарий был предложен Э. Пайнсом и К. Маслачем (Pines, Maslach, 1993). Их подход включал сбор информации по таким параметрам, как уровень вербальной активности (возбуждения) толпы, физическое движение, участие сторонних наблюдателей (Health and Safety Executive, 1999).

Э. Пайнс и К. Маслач считали, что необходимо разрабатывать матрицу параметров измерения массового сознания толпы (Zeitz K. Zeitz C., Arbon, 2005).

Основываясь на идеях этих авторов, К. Зейтц с коллегами выполнил прикладное исследование для служб экстренного реагирования (полиция, медики, пожарные и т.д.) по измерению (фиксации) параметров массовых групповых образований. Оно включало разработку качественной матрицы для оценки (измерения) состояния массового сознания толпы (Zeitz K. Zeitz C., Arbon, 2005). Состояние сознания толпы характеризовалось как пассивное, активное и энергетическое (активно-агрессивное) (таблица 4).

Таблица 4. Матрицы для оценки состояния массового сознания толпы

Психологическое состояние толпы	Дескрипторы описания массового поведения
Пассивное	Невступление в обсуждение событий, в конкретные физические действия, в физические контакты, слабое взаимодействие между участниками массового мероприятия
Активное	Нормальный уровень общения, средний уровень физических взаимодействий между участниками массового мероприятия, средняя степень участия аудитории в участии мероприятия, возможное агрессивное противоправное поведение
Активно-агрессивное	Возрастание активного вербального взаимодействия, возрастание интенсивности физической активности, существенное усиление психологического контакта, возрастание влияния аудитории и возможное наличие ситуаций насилия

Исследования подтвердили, что групповое сознание массового образования (толпы) является важным фактором, которому следует уделять более пристальное внимание в практической деятельности структур экстренного реагирования (Zeitz K. et al., 2009).

Выводы

1. Современные исследования проблематики массовых групповых образований и их поведения поставили под вопрос идеи классиков о тотальной неуправляемости и зависимости индивида в толпе.

2. Объяснительный потенциал теории социальной идентичности в применении к массовому сознанию и поведению массовых групповых образований оказался достаточно перспективным в прикладном плане. Психологические исследования подтвердили, что участие членов толп в массовых мероприятиях требует от людей модификации существующих норм поведения и формирования общего чувства социальной идентичности.

Современные теории психологии массового поведения в целом опираются на две предпосылки:

1) на положение изменяющихся норм поведения людей в толпе;

2) на идею формирования ин- и аут-групп в процессе взаимодействия. Многие исследования фокусировались на проблеме взаимодействия между группами.

Возник опыт разработки данной проблемы в прикладном аспекте — анализа массового поведения как противоправных действий ряда членов массовых групповых образований, не поддающихся правовому описанию (Kemp, 2006). Появилась проблема понимания внутригрупповой динамики как внутри толп, так и между ин-группами и аут-группами, особенно во взаимодействии со службами безопасности и полицией.

3. Поскольку возможность возникновения противоправных действий в массовых групповых образованиях существует всегда, активность правоохранительных структур имеет решающее значение. Подготовка и планирование массовых мероприятий дает возможность правоохранительным структурам идентифицировать группы риска. Как следствие, существует потребность для правоохранительных структур развивать подходы взаимодействия с массовыми групповыми образованиями и перспективного проектирования своих возможностей по управлению ими. Необходимы подготовка персонала экстренных структур, разработка соответствующей техники и механизмов управления и ограничения возможностей агрессивного массового поведения толпы.

В целом обзор литературы по проблеме позволил констатировать, что существуют два важных элемента группового поведения в массовых скоплениях людей:

1) массовое поведение подвержено изменению в направлении к экстремистскому поведению;

2) люди вынуждены участвовать в возможных противоправных акциях в силу своего присутствия. Это дает возможность правоохранительным структурам эффективно вмешиваться в управление поведением массовых групповых образований, для чего необходимы:

1) оценка мониторинга предстоящего события;

2) идентификация и управление возможным противоправным поведением;

3) выявление содержания (цели) сбора массового мероприятия.

Глава 4

Современные технологии воздействия на массовое сознание людей: эпоха пропаганды¹

Рассмотрим современные психологические средства ведения борьбы идей, основными из которых являются *психологические операции*.

Психологические операции (ПО) — это спланированное использование средств массовой коммуникации для воздействия на установки и поведение людей, политические, военные и идеологические действия, направленные на сознание и эмоциональное состояние потенциального противника, чтобы вызвать у него поведение, эмоции и установки, способствующие реализации своих целей (Paddock, 1989, p. 45).

Термин «психологические операции» означает «операции тактического или стратегического плана, осуществляемые на полях войны или в потенциальном театре военных действий, в мирное время или во время боевых действий и направленные главным образом на сознание противника, а не на его тело» (Bernstein, 1989, p. 145).

В истории психологические операции в военное время в основном использовались на тактическом уровне. Мало внимания уделялось проведению стратегических психологических операций перед непосредственными военными действиями. Должным образом подготовленные, они должны «предшествовать, сопровождать и следовать после всех форм применения силы» (Bernstein, 1989, p. 45).

Психологические операции должны быть главным оружием в воздействии на массовое сознание и поведение.

Изложим базовые представления о *психологических технологиях*, которые лежат в основе всех психологических операций (см., напр.: Журавлев, Нестик, Соснин, 2011). Эта проблематика подробно изложена во многих работах и зарубежных, и отечественных авторов (Ольшанский, 2001; Назаретян, 2001).

¹ Подробнее см. главу 10 монографии автора (Соснин, 2012).

Механизмы массового поведения: динамика и психологические детерминанты

Представление о толпе рождается из личного опыта людей. Поддавшись простому человеческому любопытству, заражаясь общим настроением и любопытством, люди постепенно превращаются в неорганизованное скопление масс, или толпу. Толпой современные исследователи считают бесструктурное скопление людей, лишенных общности целей, но связанных сходством эмоциональных состояний и общим объектом внимания (протестные толпы могут иметь четкие идеологические цели своих выступлений).

Основные механизмы формирования толпы

Основной психологический механизм образования толпы — это механизм циркулярной реакции и коммуникации. Циркулярная реакция — это взаимное заражение, т. е. передача эмоционального состояния на психофизиологическом уровне между членами толпы.

Процесс кружения. Это обострение эмоций в толпе и готовность эмоционально реагировать на информацию, излагаемую лидерами движений.

Появление нового объекта общего внимания. Это важный элемент формирования и консолидации толпы. И лидеры движений хорошо используют этот механизм для консолидации поведения толпы.

Активизация членов толпы через возбуждение. Это последний этап формирования толпы как психологического целого, дополнительное стимулирование через возбуждение представлений и эмоций, соответствующих воображаемому объекту или достижению целей собравшегося группового образования, транслируемое лидерами движений.

При формировании массового группового образования возникает ядро толпы — субъекты, задача которых сформировать, психологически консолидировать толпу и использовать ее разрушительную силу в своих интересах.

- *Участники толпы* — субъекты, примкнувшие к ней либо в силу идеологических соображений, либо вследствие идентификации своих ценностных ориентаций с направлением действий

толпы. Особую опасность представляют агрессивные личности, которые примыкают к толпе исключительно из-за возможности дать разрядку своим невротическим и часто садистским наклонностям.

- *Добросовестно заблуждающиеся* присоединяются к толпе из-за ошибочного восприятия обстановки. Они могут быть движимы ложно понятым принципом справедливости.

Кроме этого, в толпе могут быть повышено внушаемые люди, которые поддаются общему заражающему настроению. Это контингент, который легко поддается стихийным чувствам и поведению. К толпе примыкают обыватели. Они не проявляют особой активности, просто воспринимают ситуацию как зрелище.

И, наконец, участниками толпы могут быть просто любопытствующие — наблюдающие со стороны. Они не вмешиваются в ход событий, однако их присутствие увеличивает массовость группового мероприятия и усиливает влияние стихии толпы на поведение ее участников.

Проблема психологических технологий в современной психологической науке и прикладной практике

Категория «технология» по своему названию подразумевает наличие какого-то «устройства», «механизма», «способа», «метода», «ресурса» (физического, ментального или комбинированного) для успешного осуществления той или иной *целенаправленной деятельности*.

В психологии этот концепт имеет отношение к *использованию* психологических знаний для эффективного воздействия на рациональную, эмоциональную и поведенческую сферу субъекта взаимодействия/воздействия (индивидуального или группового) *для достижения конкретных целей*.

С точки зрения прикладного аспекта, эта тематика имеет отношение к обеспечению руководства страны и социальных институтов государства психологическими знаниями в социальной практике управления обществом.

С научной точки зрения, изучение психологических механизмов взаимодействия, воздействия и противодействия как направление исследований может способствовать более глубо-

кому пониманию процесса формирования убеждений личности, группы, общества.

Существует *проблема нечеткости* использования психологических понятий и категорий для описания манипулятивных технологий и их воздействия на массовое сознание политологами и специалистами по информационным технологиям, это «затемнило и затемняет» чисто научный (в том числе и прикладной) аспект проблемы.

Научные исследования по данной проблематике осуществляются преимущественно в сфере социальной психологии (см., напр.: Гостев, Соснин, Степанов, 1996; Грачев, 2008; Доценко, 2003; Журавлев, Соснин, Красников, 2011; Левицкий и др., 2006; Соснин, Лунев, 1996; Соснин, 2010; и др.).

Концептуально-терминологический анализ описания проблематики «психологические технологии»: основные концепты

С научной точки зрения, базовыми концептами, используемыми в психологической науке и в исследованиях различных направлений социальной психологии, являются категории «личность», «группа», «взаимодействие», «социальная установка» и «психологические механизмы». Эти концепты лежат в основе исследований в современной психологической науке.

Концепт «*взаимодействие*» по своему содержанию отражает «субъект-субъектные» отношения между взаимодействующими сторонами (будь то отдельная личность или групповое образование). Это означает, что при взаимодействии не может быть одностороннего влияния на психическую сферу только одного участника — это обязательно двухсторонний процесс.

Концепт «*социальная установка*» (как готовность субъекта реагировать конкретным образом на социальную ситуацию) отражает основные сферы психики взаимодействующих субъектов, которые подвергаются изменению в процессе целенаправленного взаимодействия, — *рациональную* (ценностные представления, взгляды, убеждения, нравственные оценки), *эмоциональную* (психологические состояния) и *поведенческую* (предпочитаемые формы поведения) сферы.

Концепт «*психологические механизмы*» отражает психические процессы, с помощью которых субъекты общения осуществляют

взаимодействие. Это процессы восприятия, внимания, памяти, идентификации, эмпатии, рефлексии, формирования образных и абстрактных представлений и др.

Теперь о концепте «психологические технологии». Концепт «технология» заимствован из области естественных наук. Вот как определяет этот концепт энциклопедический словарь: «... это совокупность методов изготовления, изменения состояния, свойств, формы сырья, материала или полуфабриката, осуществляемых в процессе производства продукции. Задача технологии как науки — выявление физических, химических и др. закономерностей с целью определения и использования на практике наиболее эффективных и экономных производственных процессов» (Советский энциклопедический словарь, 1987, с. 1330).

Для нас важно зафиксировать следующее: концепт включает объект воздействия, совокупность методов воздействия (и их изучение), выявление закономерностей для достижения поставленных целей. Эти параметры концепта «технология» в естественных науках послужили основанием для его использования по аналогии в общественных науках.

Исходя из сказанного, можно предложить следующее операциональное определение концепта «психологическая технология»: совокупность методов психологического воздействия, основанных на данных психологических исследований в социальной психологии, ориентированных на изменение рациональных, эмоциональных и поведенческих сфер субъектов взаимодействия/воздействия для эффективного достижения поставленной цели или целей¹.

Теперь вопрос о возможных классификациях психологических технологий. В этом плане необходимо сказать следующее.

В психологической, социологической и политологической прикладной литературе существует огромное количество определений и терминов, которые фактически обозначают концепт «психологические технологии». В психологическом инструментарии существует также масса противоречивых и некорректных употреблений психологических терминов и понятий.

¹ Данное определение в концептуальном плане можно последовательно уточнять: что считать объектом воздействия (а не взаимодействия), что такое методы воздействия, что такое данные психологических исследований из различных сфер социальной психологии, что означает психологическая эффективность. Но представляется, что предложенный операциональный концепт может служить основанием для дальнейшего анализа.

Представляется оправданным рассмотреть не просто имеющиеся многочисленные классификации и определения концепта «психологические технологии», но *обозначить базовые критерии, основания и уровни их группировки.*

Основными критериями анализа проблемы классификации являются следующие критерии:

- объект(-ы)/субъект(-ы) взаимодействия/общения (личность, группа, общество);
- уровни анализа (личностный, групповой, социетальный);
- «психологические ресурсы», используемые для реализации целей взаимодействия (техники, виды, типы, способы, формы, приемы реагирования);
- цели использования психологических технологий.

И еще одно замечание, касающееся использования термина «информационные». Дело в том, что с психологической точки зрения все взаимодействия между субъектами общения — *это всегда обмен информацией*, ее восприятие, оценка и интерпретация. Другое дело, когда проблематика взаимодействия и психологических технологий рассматривается в сфере СМК. В этом случае исследователи, как правило, вкладывают в термин «информационные» именно тот смысл, что психологические технологии используются в массовых информационно-коммуникативных ситуациях.

Типы коммуникативных ситуаций. По направленности коммуникаций и соотношению их субъектов и объектов все коммуникативные ситуации, в которых на человека оказывается информационно-коммуникативное воздействие, можно разделить на три основные группы:

Ситуации межличностной коммуникации: непосредственное общение и обмен информацией «лицом к лицу», а также опосредованные (телефон, почта, телеграф и другие системы связи). По содержанию в соответствии с основными сферами жизни они могут подразделяться на общественно-политические, профессионально-деловые, семейно-родственные, социально-бытовые, включая различного рода переговоры и конфликтные ситуации;

Ситуации публичной коммуникации: в них осуществляется в основном односторонняя непосредственная коммуникация по типу «коммуникатор — общность людей». Это ситуации проведения собраний, совещаний, митингов, зрелищных мероприятий и т. п. (коммуникатором может быть отдельная личность или группа);

Ситуации массовой коммуникации: это ситуации просмотра и прослушивания теле-, кино- и радио передач, чтения газет, журналов, различных печатных изданий, взаимодействие с различными информационными системами и т. п. (Грачев, 2008)¹.

С точки зрения критериев межличностного и группового уровня анализируемой проблематики, следует признать, что концепты «психологические технологии» и «психологические практики» по своему содержанию являются синонимичными.

Проблема психологических технологий в некоторых направлениях социальной психологии

Рассмотрим кратко основные элементы психологических технологий, основываясь на данных исследований в различных направлениях *психологии общения* (см., напр.: Соснин, Лунев, 1996; Доценко, 2003; Журавлев, Соснин, Красников, 2011). Приведем операциональное определение общения как базового концепта. Общение — это процесс взаимодействия, по крайней мере, двух субъектов (индивидуального или группового), направленный на взаимное познание, установление и развитие отношений, оказание взаимовлияния на состояния, взгляды и поведение, а также на регуляцию совместной деятельности.

В общении как *процессе последовательных, взаимоориентированных во времени и пространстве действий, реакций, поведенческих актов* происходят обмен информацией, ее интерпретация, взаимовосприятие, взаимопонимание, взаимооценка, сопереживание, формирование симпатий или антипатий, характера взаимоотношений, убеждений, взглядов, психологическое воздействие, разрешение противоречий, осуществление совместной деятельности.

Основными психологическими механизмами взаимопонимания в процессе общения являются процессы *идентификации, эмпатии и рефлексии*.

¹ Необходимо четко понимать: основой всех технологий социального взаимодействия в обществе (социальных, гуманитарных, манипулятивных, информационных и т. п.) независимо от названий/обозначений, уровней и сфер их прикладного использования для реализации поставленных целей является категория «психологическая технология». Поскольку все они основаны на информационном обмене/коммуникации/взаимодействии/общении между субъектами — носителями психики на основе закономерностей, приемов и способов психологии общения и взаимодействия.

Идентификация — это мысленный процесс уподобления себя партнеру по общению с целью понять его мысли и представления. Под *эмпатией* понимается мысленный процесс уподобления себя другому человеку, но с целью «понять» не рациональные представления, а эмоциональные состояния субъекта. *Рефлексия* — это осмысление одним субъектом того, как он воспринимается и понимается другим субъектом общения.

Результаты исследований позволяют выделить так называемые *техники общения* как базовые концепты взаимодействия.

Основными параметрами эффективности общения являются умения и навыки субъекта(-ов) взаимодействия в использовании двух техник общения: понимающего общения и директивного общения. Параметрами неэффективности практического общения являются склонности и привычки человека использовать так называемые принижающе-уступчивые и защитно-агрессивные формы поведения как неадекватные заместители понимающего и директивного общения¹.

Техника понимающего общения — это совокупность установок субъекта общения, правил и конкретных приемов реагирования, направленных на понимание партнера и его проблем, установление психологического контакта, изучение его личностных особенностей, на выяснение его точки зрения по обсуждаемой проблеме и т. п. Главное в технике понимания — это ориентация субъекта общения на внутреннюю систему ценностей, оценок, мотивов и проблем другого партнера (субъекта), а не на свою собственную.

Техника директивного общения — это совокупность установок субъекта общения, правил и конкретных приемов реагирования, направленных на оказание прямого психологического воздействия на партнера для достижения своих целей (см., напр.: Соснин, Лунев, 1996; Журавлев, Соснин, Красников, 2011).

Перейдем к вопросу о возможной классификации психологических технологий с позиции критерия «цели взаимодействия».

¹ Принижающее-уступчивое общение — это целенаправленное взаимодействие, ориентированное на понимание субъекта общения, но содержащее реакции принижения своих чувств, стремлений и целей, а также неоправданные уступки в его адрес. Защитно-агрессивное общение — это целенаправленное взаимодействие, ориентированное на оказание психологического воздействия на субъекта общения для достижения своих целей, но содержащее отрицательные оценочные реакции в отношении субъекта воздействия и игнорирование его потребностей и интересов (см.: Соснин, Лунев, 1996).

Как в психологической и социологической литературе, в политологии, так и в литературе по теории и практике управления общественными процессами можно условно выделить *две метатегии* использования психологических и иных общественных технологий:

- достижение позитивных целей *для всех субъектов взаимодействия* (как индивидуальных, так и групповых), т.е. удовлетворение потребностей и интересов всех участников взаимодействия (развитие личности, совершенствование взаимоотношений, повышение эффективности функционирования организации, эффективное решение социальных проблем и развития общества, снижение международной напряженности и т.п.);
- достижение позитивных целей *только для одного субъекта* взаимодействия в ущерб потребностям и интересам других субъектов взаимодействия.

Все психологические технологии (как и другие социальные технологии) можно распределить на *две метатегии*: *позитивные (или созидательные) технологии*, ориентированные на достижение целей взаимного развития и совершенствования взаимодействующих субъектов, *манипулятивные технологии*, ориентированные на достижение целей одних субъектов взаимодействия в ущерб интересам и целям других субъектов взаимодействия.

В этой связи кратко обозначим психологическую специфику манипулятивных психологических технологий с позиций психологической науки (см., напр.: Соснин, Лунев, 1996; Доценко, 2003).

Операциональное определение концепта «манипулятивные технологии» (часто в прикладной литературе их называют тактиками): манипулятивные технологии — это совокупность психологических приемов и способов воздействия на объект взаимодействия (индивидуальный или групповой), ориентированных на введение его в заблуждение и побуждающих его к формированию представлений, эмоциональных состояний и поведенческих реакций, наносящих ущерб его интересам, для реализации целей субъекта манипуляции.

Общим знаменателем всех манипулятивных технологий являются скрытое искажение информации, ложь, обман, увод объекта воздействия в сторону от собственных потребностей и интересов, получение выгод за его счет, стремление поставить его в подчиненное положение и т.п. Если обобщить ряд представлений исследователей этой проблематики о содержательном пони-

мании психологических манипулятивных технологий, то можно выделить следующие позиции в технологиях манипулирования:

- скрытое одностороннее воздействие,
- отношение к объекту воздействия как средству достижения своих целей,
- стремление получить односторонний выигрыш.

Главный признак всех манипулятивных технологий — внесение дополнительных побуждений в контекст желаний адресата, навязывание нужной манипулятору дополнительной мотивационной нагрузки, модификация его базовых первоначальных мотиваций и намерений. Другими словами, субъект манипуляции «придумывает» за адресата мотивации и цели, которым тот должен следовать, и «внедряет» их в его психику в соответствии со своими собственными целями.

Теперь обозначим исследования психологических технологий и их практическое использование в *психологии конфликта/переговоров* (см., напр.: Левицкий и др., 2006). В этой сфере исследований необходимо выделить *две базовые стратегии* (или технологии) ведения переговоров и разрешения конфликтов.

Первая технология — это стратегия и тактика распределительной сделки. Суть распределительной стратегии в переговорах — ведение переговоров с целью получения максимальных выгод от спроса и предложения объекта приобретения, какого-либо товара или услуги (т. е. стратегия «выиграть — победить» или «победа — поражение»).

Вторая технология — это стратегия и тактика интеграционных переговоров. Суть этой технологии — ориентация по принципу «победа — победа» или «выиграть — выиграть».

В этой связи рассмотрим кратко концептуально-понятийный язык описания исследований в психологии конфликта/переговоров и соотнесем его с концептом «психологические технологии».

Применительно к переговорам *стратегия* означает общий план по достижению поставленных целей в переговорах и последовательность действий, которые приведут к достижению этих целей. Основное различие между стратегией и тактикой заключается в размерах, перспективах или неотложности действий (Quinn, 1991).

Тактика — это соответствующие моменту действия на краткосрочную перспективу для реализации стратегических решений. Соотношение стратегии и планирования состоит в том, что

планирование — это неотъемлемая часть стратегического процесса, его процессуальный компонент.

Процесс планирования содержит все варианты выбора, которые имеют стороны в переговорах. Встает вопрос, как эти концепты соотносятся с категорией «психологические технологии», рассмотренной выше. Констатируем главное: концепт «психологические технологии» — это тот психологический инструментарий, который используется для реализации всех стратегий и тактик ведения переговоров в прикладной исследовательской практике.

Еще одним направлением социальной психологии, в котором исследуется и практически используется концепт «психологические технологии» (хотя и в других терминах и определениях), является *психология управленческого взаимодействия* (см., напр.: Журавлев, 2004; Журавлев, Позняков, 1993; Грачев, 2008; и др.).

В рамках исследований психологии управления существует ряд направлений, в которых применяется концепт психологических технологий:

- психологические вопросы организации и управления исполнительской деятельностью и психология личности исполнителя (объекта управления);
- психологические проблемы трудового коллектива как субъекта и объекта управления;
- психологические особенности организации как объекта и субъекта управления;
- психологические проблемы изучения и оценки психологических качеств руководителя;
- проблематика психологической подготовки руководящих кадров.

Одной из фундаментальных проблем в исследованиях психологии управления является *проблематика роли личности* в организации совместной деятельности. В этой сфере главной составляющей является концепт «профессиональная компетентность руководителя». Сюда включаются организаторские способности руководителя, его педагогические и коммуникативные качества.

В целом концепт «психологические технологии» в этом направлении исследований используют как критерий для экспертной оценки эффективности руководства коллективом, оценки личностных качеств руководителя трудового коллектива, в том числе для оценки и тренинга коммуникативных качеств личности руководителя и эффективности руководства трудовым коллективом.

Проблема психологических технологий в исследованиях и прикладной практике информационно-коммуникативных процессов

В последней четверти XX в. благодаря достижениям в области информационных технологий средства массовых коммуникаций стали непосредственными носителями и распространителями знаний и социально значимой информации.

Приведем обзор работ, относящихся к этой сфере, в которых присутствует концепт «психологические технологии».

В работе «*Политическая война и психологические операции*» под редакцией Ф.Р. Барнетта (Barnett, 1989) анализируется (главным образом военными аналитиками) современное представление о важнейшем компоненте политики национальной безопасности США, обозначаемом как «психологические операции» (ПО). Вот как определяется концепт психологических технологий по этой проблематике: это спланированное использование информационных коммуникаций для оказания воздействия/влияния на эмоции, установки и поведение представителей социальных групп — объектов воздействия, которые соответствуют достижению национальных целей. Главными целями использования психологических технологий являются — деморализация, дезориентация и возникновение конфликта представлений у представителей объектов воздействия (социальных групп, государств) как потенциальных противников.

В работе Э. Вальтца «*Информационная война: принципы и операции*» (Waltz, 1998) анализируется концепция информационной войны и ее формы. Информационная война определяется как форма конфликта из трех составляющих — информационного доминирования, информационной защиты и информационного нападения. Базовым концептом в исследовании проблематики информационных войн является концепт «информационные технологии, информационные, информационно-психологические операции», которые разделяются на защитные и нападающие (включают политические, стратегические и психологические аспекты). В проблематике этих исследований показательным является использование концепта «психологические технологии» (хотя и под другим названием). Вот как определяется этот концепт в контексте этих исследований (Waltz, 1998, p. 209): психологические операции (ПО) — это спланированная совокупность целенаправленных действий, чтобы транслировать

специально отобранную информацию и ее признаки для международных структур с целью оказания влияния на эмоции, мотивы, причинное объяснение событий, а главное — на поведение иностранных правительств, организаций, групп и отдельных индивидов. Целью ПО является управление восприятием (как следствие — эмоциями, представлениями и поведением) населения стран — объектов психологического воздействия для достижения стратегических целей.

В монографии «*Пропаганда и информационные войны в XXI веке: измененные образы и операции по введению в заблуждение*» (Macdonald, 2007) С. Макдональд исследует проблему формирования искаженных образов в международных отношениях. Особое внимание он уделяет исследованию *психологических операций* и их целенаправленное использование в СМК. Вот как определяется концепт ПО в данной работе: это использование всех средств коммуникации для распространения или подкрепления конкретных идей, представлений, убеждений для реализации политических (Macdonald, 2007, p. 32–116).

В работе П.Д. Аллена «*Планирование психологических операций*» (Allen, 2007) исследуется роль психологических технологий в обеспечении безопасности и разрешении конфликтов, в проведении военных операций, включая противодействие терроризму.

В отечественной социологической, политологической и военной науке также проводятся исследования, которые имеют отношение к проблематике психологических технологий.

Так, А.В. Бедрицкий в диссертационном исследовании «*Реализация концепции информационной войны военно-политическим руководством США на современном этапе*» (Бедрицкий, 2007) провел анализ основных направлений развития концепции информационной войны как средства разрешения международных и межгосударственных конфликтов военно-политическим руководством США. Помимо военно-технических направлений (борьба с системами управления, разведывательно-ударные операции, радиоэлектронная борьба, кибернетическая борьба, осуществляемая хакерскими методами) для нашего анализа важно выделение автором концепта *психологическая борьба* (Stein, 1996). Вот как определяет автор этот концепт: *психологическая борьба* — это метод информационного противоборства, направленного не против информационных систем противника, а непосредственно против социальных установок населения страны — как объекта манипулятивного воздействия. Выделяют четыре основные

категории информационно-психологических операций, проводимых в рамках психологической борьбы:

- операции против структур государственного управления;
- операции против структур военного командования;
- операции по деморализации личного состава вооруженных сил;
- война культур («культуркампф»).

Задачей диссертационного исследования Т.Б. Мельницкой «Информационно-психологическая безопасность населения в условиях риска радиационного воздействия: концепции, модели, технологии» (Мельницкая, 2009) являлась разработка концепции, принципов, структурно-функциональной модели и технологий обеспечения информационно-психологической безопасности индивидуального, группового и общественного сознания в условиях риска радиационного воздействия.

Для целей нашего анализа представляет интерес исследование Т.Б. Мельницкой проблемы теоретико-методологических основ информационно-психологической безопасности в целом. Это готовность личности к принятию решений в ситуациях противостояния реальным или потенциальным информационно-психологическим угрозам, самоорганизация личности, состояние защищенности индивидуального, группового и общественного сознания и, соответственно, социальных субъектов различных уровней общности, масштаба, системно-структурной и функциональной организации от воздействия информационных факторов, вызывающих дисфункциональные социальные процессы.

Объективно СМК как социальный институт общества и государства должны в целом реализовывать две основные функции:

1. *Презентационную* — доведение до широких слоев населения и общества интересов, позиций, актуальных проблем по различным проблемам общественных социальных субъектов и, соответственно, формировать определенное отношение к ним и т. д.

2. *Интеграционную* — формирование установок различных субъектов в обществе и создание условий, обеспечивающих их нормальное, бесконфликтное взаимодействие (Грачев, 2008, с. 26).

При подмене ориентиров СМК трансформируются в *информационное оружие*, которое может активно использоваться не в интересах государства, общества и личности, а против них.

В настоящее время наиболее универсальным понятием, отражающим механизм скрытого психологического принуждения,

является термин *манипуляция*. Разнообразие способов скрытого принуждения человека трансформировало это понятие в многообразии близких понятий, отражающих практику их использования. Ограничимся несколькими замечаниями.

Сложные и устойчивые формы тайного принуждения людей могут обозначаться самостоятельными понятиями: политические игры, психологические операции, манипулятивные информационно-пропагандистские и агитационные кампании; манипулятивные приемы, манипулятивные техники, манипулятивные технологии и т. д.

В рамках информационных войн одним из главных направлений является *проведение информационно-психологических операций*, ориентированных на формирование условий принятия выгодных для зарубежных государств и их деловых кругов решений в военной, политической, экономической и других областях в странах-мишенях, являющихся объектами информационно-психологического воздействия.

Технология проведения психологических операций, осуществляемых США, странами НАТО и Японией на тактическом, оперативном и стратегическом уровнях, цели, задачи, способы, методика и уровни их организации и осуществления, а также регламентация их использования детально описаны в ряде нормативных документов этих стран и в отечественных источниках (см., напр.: Лайнбарджер, 1962; Панарин, 1995, 1998; Почепцов, 2000; Психологические операции и противодействие им, 1993; Общая теория безопасности, 1994; и др.).

Итак, объектами социально-психологических операций могут быть: население, правительства и армии враждебных государств, дружественных и нейтральных стран, а в ряде ситуаций — население и армия своей страны.

Главная цель информационно-пропагандистских акций в процессе проведения психологических операций — это дестабилизация и разложение общественной жизни, подготавливающие почву для успешного осуществления политических, экономических и военных действий, направленных против какого-либо государства. Информационно-пропагандистские акции — это наиболее динамичные и агрессивные элементы осуществляемых психологических операций.

Главная задача информационно-пропагандистских акций в процессе проведения психологических операций — повлиять определенным образом на общественное сознание, особенно

на духовную сферу: на общественное мнение и настроение, на ценностные установки, ориентации и взгляды; посеять страх и неуверенность перед будущим, вызвать сомнение и недоверие к деятельности органов власти и государственного управления; создать атмосферу недовольства, тревоги, содействовать возникновению оппозиционных групп и стимуляции антиправительственной деятельности и т. п.

Комплексное использование психологических операций является распространенным средством политической борьбы не только во внешнеполитической деятельности, но присуще и внутриполитической деятельности.

В информационно-психологических операциях¹ во внутриполитической борьбе обычно выделяют три уровня: федеральный, региональный и местный (муниципальный). В наиболее явном виде осуществление информационно-психологических операций проявляется на федеральном уровне.

В реализации всех информационно-психологических технологий, операций и т. п. независимо от их обозначений, терминов и определений в практическом плане используются содержательные параметры концепта «психологические технологии».

Проблема взаимосвязи феномена «психологические технологии» с другими видами социальных технологий

Определение социальных технологий. Социальные технологии — это методы решения социальных проблем, направленные на формирование условий жизни и развития общества, общественных отношений, социальной структуры с целью обеспечения потребностей человека, создания условий для реализации его потенциальных способностей и интересов с учетом одобряемой обществом системы ценностей и взаимозависимости между общественным прогрессом и экономическим развитием

¹ В современной терминологии информационно-психологическое противоборство в основной организационной форме проявляется в *информационно-психологических операциях*. Считается, что термин «информационно-психологические операции» в отличие от «психологических операций» более точно отражает специфику воздействия на население оппонентов в политической борьбе, так как в самом названии подчеркивается роль информации и информационного воздействия на человеческую психику.

(Социальные технологии, 1995). По практической направленности различают социально-экономические, организационно-распорядительные, медико-социальные и психолого-педагогические социальные технологии.

Социальные технологии являются технологиями управления:

а) в «широком понимании» – *любыми* общностями людей (начиная с микрогрупп вплоть до больших организаций);

б) в «узком смысле» — социальными институтами (например, такими как семья, реклама, милиция, армия и т. п.) посредством социальных институтов (Интернет, СМИ и т. п.).

Большинство авторов, пишущих на темы социальных технологий, придерживаются, скорее, первого, «широкого» подхода в определении этого понятия (Марков, 1997; Аронсон, 2003; Кара-Мурза, 2000).

Социальные функции массовых социальных технологий. Базовая функция социальных технологий — сохранять статус-кво в обществе. Важнейшими образующими системного порядка являются институты семьи, образования, СМИ, связей с общественностью. Однако главнейшая, системообразующая роль в современных обществах принадлежит пропаганде.

Другой важнейшей социальной функцией современных социальных технологий является *изменение* статуса-кво: дестабилизация имеющихся социальных порядков и установление взамен них новых.

Теперь вопрос о концепте «гуманитарные технологии». Гуманитарный технолог Е. Островский дает следующее определение гуманитарных технологий:

«Гуманитарные технологии — это набор тщательно выверенных и научно обоснованных приемов и специальных техник непрямого воздействия гуманитарных технологов на общество через управление социальным поведением» (Островский, 2000). В отличие от манипулятивных стратегий, гуманитарные технологии направлены на развитие «позитивной», непосредственной коммуникации.

Гуманитарные и социальные специалисты спорят об отличии гуманитарных технологий от социальных.

Социальная технология — это «оперативное и стандартное средство деятельности социолога — практика в сфере управления» (Энциклопедический социологический словарь, 1995, с. 823). Отличительным свойством социальных технологий являются их оперативность и стандартный набор процедур. Гумани-

тарные технологии, напротив, имеют стратегический характер, т.е. направлены на решение проблем в долгосрочной перспективе и, как правило, эксклюзивны, т.е. разрабатываются под конкретный проблемный блок или проект (Энциклопедический социологический словарь, 1995; Бодрийяр, 1999).

Концепты «социальные технологии» и «гуманитарные технологии», несмотря на споры приверженцев той или иной концепции, по сущности являются социальными технологиями, ориентированными на решение социальных проблем развития общества.

Проблема обеспечения информационно-психологической безопасности личности и общества

Прежде всего, сделаем ряд предварительных замечаний. *Под информационно-психологической безопасностью* понимается состояние защищенности психики человека от действия многообразных информационных факторов, препятствующих формированию и адекватное функционирование социального поведения и жизнедеятельности человека в современном обществе или их затрудняющих.

Под психологической защитой личности (информационно-психологической или социально-психологической) *понимается* предотвращение или нейтрализация угрожающих факторов, способных нанести ущерб человеку посредством использования различных средств и способов изменения процессов его информационно-психологического взаимодействия с различными социальными субъектами и информационной средой в целом.

Все источники угроз в сфере информационно-психологической безопасности можно разделить на две группы: *внешние и внутренние*. Можно выделить три относительно самостоятельные группы внешних по отношению к отдельному человеку источников такой угрозы¹.

1. *Государство — органы власти и управления*, государственные структуры и учреждения, включая и иностранные государ-

¹ В данном случае речь идет не о тотальном участии всех анализируемых ниже структур в создании информационно-психологических угроз, а лишь об отдельных элементах или представителях этих структур, которые и репрезентируют данный источник.

ства. Угрозы возникают тогда, когда представители властных структур, реализуя собственные интересы, отражающие лишь интересы незначительной части общества, используют мощь государственного аппарата для оказания информационно-психологического воздействия на людей, маскируя свои действия и истинные цели, не соответствующие интересам большей части общества и населения страны.

2. *Социальные организации*: различные политические объединения и партии, общественно-политические движения, националистические и религиозные организации, финансово-экономические и коммерческие структуры. Их деятельность может представлять информационно-психологическую угрозу тогда, когда для достижения своих корпоративных целей они используют различного рода информационные и манипулятивные технологии, изменяя поведение людей в необходимом направлении таким образом, что наносится ущерб и отдельному человеку (например, в форме подмены жизненных ценностей и ориентиров), и интересам всего общества (см., напр.: Грачев, 2008).

3. *Отдельные личности*: персонифицированные субъекты общественной и политической элиты, которые ради достижения собственных целей используют систему манипулятивных воздействий современных информационных технологий и средств массовой информации на общественное сознание¹.

О содержании и структуре психологической защиты личности. В системе психологической защиты личности можно выделить три основных уровня и, соответственно, три основных направления ее формирования: социальный, или макроуровень; социально-групповой, или мезауровень; индивидуально-личностный, или микроуровень.

На социальном уровне субъектом психологической защиты выступает государство через деятельность своих социальных институтов.

На социально-групповом уровне субъектами психологической защиты выступают различные группы и организации (семья, производственные структуры, политические, общественные, религиозные и иные объединения и организации).

На индивидуально-личностном уровне субъектом защиты выступает сам человек, а защита реализуется посредством фор-

¹ Например, деятельность Б. Березовского, осуществлявшаяся из Англии и ориентированная на российское общество.

мирования специфической регулятивной системы — комплекса защитных механизмов и алгоритмов поведения, образующих индивидуальную психологическую защиту и самозащиту личности.

Особенности алгоритмов психологической защиты в контакт-коммуникативных и масс-коммуникативных ситуациях. При обнаружении признаков манипуляции в масс-коммуникативных ситуациях активным компонентом психологической защиты личности может быть *стратегия скрытого пассивного противодействия*. Остальные стратегии — открытого, скрытого активного конфронтационного противодействия — не могут быть использованы отдельным человеком самостоятельно. Как правило, для их реализации требуется вмешательство специальных структур (на групповом уровне, на уровне общества и государства).

Основным содержанием защитной стратегии личности является использование разных комбинаций базовых форм защитного поведения в масс-коммуникативных ситуациях¹:

«Уход»: инициативный отказ человека от использования определенной информации, просмотра конкретных радио- и телепрограмм, отказ от чтения некоторых газет, статей, рубрик, от рекламной информации и т. д.;

«Блокировка»: повышение негативизма и критичности, эмоциональной отчужденности, принижения источника информации (внутреннее отстранение и т. п.);

«Отсрочка реакций»: отказ от поспешных выводов и оценок, задержка или отказ от действий и поступков, вызываемых информационным воздействием и т. п. (Грачев, 2008).

Во введении работы был поставлен вопрос: что может предложить психологическая наука для управления массовым поведением людей в связи с кардинальным изменением социополитической и идейной ситуацией в России.

Современные психологические технологии и психологические операции позволяют разрабатывать системы социально-психологического сопровождения (воздействия и влияния) при управлении поведением больших социальных групп — осущест-

¹ Для реализации этих ориентиров в психологической защите личности в современных условиях необходимо проведение на уровне государства определенной политики воспитания населения, направленной на сохранение базовых ценностных ориентаций своей собственной культуры. Это тема отдельного исследования, а для спецслужб — актуальная проблема их стратегической деятельности.

вление социального контроля, психологической поддержки, противодействия, получения обратной связи и т. д.

Психологические методы управления не исключают использования силовых методов управления массовыми явлениями, когда они выходят за рамки нормативных требований и приобретают противоправный характер (беспорядки, бесчинства фанатов, агрессивное поведение с использованием силы, этнические столкновения и т. д.). Это является нормальной законодательной практикой во всех государствах мира. Другой вопрос — неправомерно или неоправданно жесткое использование силовых методов подавления массовых выступлений людей правоохранительными структурами. Средства массовой информации в своих информационных программах почти ежедневно сообщают о таких событиях в том или ином регионе мира.

В этой связи при подготовке и разработке социально-психологического сопровождения и управления конкретными массовыми акциями правоохранительным структурам необходимо учитывать:

- влияние психологических факторов, воздействующих на массовое сознание и поведение людей;
- влияние психологических установок самих представителей полиции (т.е. проблема взаимодействия полиции и массовых групповых образований).

Глава 5

Влияние СМК на психологию массового поведения: как СМК изменяют массовую психологию и ценностные представления людей

Исследования, посвященные анализу влияния СМК на сознание и поведение больших масс населения, результаты которых опубликованы, достаточно многочисленны. Предпринимаются попытки теоретического объяснения социальных процессов в обществе, связанных с влиянием СМК на общественное сознание населения (Perse, 2001, р. 1). Какие эффекты воздействия на сознание и поведение больших масс населения имеют СМК в современных условиях? Приведем мнения исследователей.

Мак-Гури (McGuire, 1986) выделил широкий спектр воздействий СМК на сознание и поведение населения. Отметим только те сферы, которые связаны с психологией массового поведения больших социальных групп:

- воздействие на политические кампании и голосование на выборах;
- эффекты пропаганды в идеологической сфере;
- эффекты социального контроля;
- протестные движения.

Кроме этого, возникают «побочные эффекты» влияния СМК на сознание и поведение населения:

- влияние показа сцен насилия и агрессивного поведения в СМК;
- влияние на образовательную политику государства;
- влияние на формирование эмоциональных реакций населения на повседневное поведение.

Аналитический обзор Мак-Куили (McQuail, 1994) дополняет перечень воздействий СМК. Это получение знаний от СМК, формирование социальных норм поведения и культурная адаптация в обществе.

Например, Либер со Спрафкином (Liebert, Sprafkin, 1988) убеждены, что ряд проблем связан со следующими вопросами:

- как ТВ побуждает детей к антисоциальному поведению;

- как ТВ культивирует специфические социальные установки и стереотипы поведения, которые «не вписываются» в общепринятые нравственные нормы поведения.

Есть и другие аспекты воздействия СМК на сознание и поведение больших масс населения, особенно на подрастающее поколение.

Учителя и родители озабочены тем, что просмотры программ ТВ детьми отрицательно влияют на их способности (см., напр.: Corteen, Williams, 1986; Hornik, 1978). Педиатры озабочены тем, что ТВ рекламирует нездоровые практики употребления пищи (см., напр.: Dietz, 1990).

Есть данные, свидетельствующие о возрастании насилия в семейных отношениях, связанные с просмотром спортивных передач по ТВ (Caruzzo, 1990). Исследователи в юридической сфере настойчиво выступают против рекламы в ТВ, способствующей криминальному поведению (Dee, 1987).

Важно подчеркнуть, что исследователи обращают особое внимание на проблематику солидарности населения во время кризисных событий, например, в ситуациях политического протеста и т. д. (McLeod, Perse, 1994).

В целом влияние СМК на сознание и поведение больших масс населения традиционно описывается как когнитивное, эмоциональное и поведенческое (в соответствии с представлениями о социальной установке).

Когнитивные эффекты сопряжены с получением информации. Аффективные эффекты влияния СМК на сознание и поведение людей связаны с формированием установок, положительных или отрицательных оценок в отношении происходящих событий. Другие сферы аффективного влияния СМК относятся к формированию состояния неуверенности и страха в обществе от просмотра ТВ передач, радиопрограмм и Интернета, связанных с насилием.

Поведенческие эффекты влияния СМК обусловлены просмотром передач ТВ. Наиболее изученные виды поведенческих эффектов относятся к антисоциальному или просоциальному поведению. Представим анализ их воздействия на основные сферы массовой психологии населения.

Средства массовой коммуникации в кризисных ситуациях: проблема информирования населения

Кризисная ситуация в обществе обычно определяется как «...естественное или созданное людьми событие, которое определяет ... угрозу жизни людей и ... нормальному функциониро-

ванию общества» (Grabber, 1989). Кризисная ситуация в обществе может возникать под воздействием разных сил и тенденций — и внешних, и внутренних. Это может быть:

- убийство лидера страны;
- возникновение угроз со стороны внутренних сил, например, захват заложников;
- ситуация массовых естественных катастроф — землетрясения, наводнения и т.д.;
- этнические конфликты и погромы (Кондопога, Манежная площадь и пр.);
- внутренние конфликты (события в Египте, террористическая активность в стране, возникновение массовых протестных движений и т.д.).

Независимо от причин возникновения кризисной ситуации в стране и времени ее возникновения это экстраординарный период, который характеризуется нестабильностью, неопределенностью, стрессовым состоянием общества и эмоциональной напряженностью. В этой ситуации общество начинает опираться на информацию, предоставляемую СМК, которые формируют реакцию населения на ситуацию кризиса¹.

Функции СМК в период кризиса в обществе

Первая стадия — это назревание кризиса или угроза наступления политической нестабильности (на примере потенциальной возможности оппозиционных лидеров мобилизовать большие массы населения и выйти с протестами на площадь). На этой стадии (формирование кризисной ситуации) неопределенность ситуации самая высокая и угрозы последствий трудно прогнозировать. Как ведут себя в этой ситуации СМК? На этой стадии СМК, с одной стороны, реагируют быстро, информируя о разрозненных фрагментах событий, с другой — постоянно откладывают объективное освещение происходящего (подогревая психологическое состояние заинтересованности населения в получении информации). Это особенность функционирования СМК как структуры².

¹ Массовые протестные выступления населения в определенном смысле можно рассматривать как показатель кризиса в обществе, поскольку в такой ситуации присутствуют все признаки кризиса, отмеченные выше.

² Такие же тенденции поведения СМК заметны, например, и в освещении событий противостояния в Персидском заливе (Goldman, Reilly, 1992), и в Украине.

Вторая стадия кризиса — это наступление кризисной ситуации. На этой стадии СМК стремятся полно освещать события (на Болотной площади это видеокадры столкновения протестующих с правоохранительными органами, с определенным скрытым одобрением их поведения и одобрением и интерпретацией действий оппозиции в целом).

В целом во время кризиса влияние СМК на сознание и поведение больших масс населения драматически возрастает (см., напр.: Schramm, 1965).

Э. Венгер (Wenger, 1980) в своем исследовании обнаружил следующее. Представители сообществ, пережившие кризисные события (естественные катастрофы, наводнения, землетрясения и т.д.), опирались на информацию, представляемую СМК в период этих катастроф. Он отмечал, что для многих из них СМК были не только важным, но и единственным источником информации (Wenger, 1980, p. 243). Респонденты главным образом опирались на информацию электронных СМК, считая их наиболее объективными, от 58,3% до 74,6% респондентов называли радио и ТВ основными источниками информации в период кризиса.

Влияние СМК на проблему насилия в обществе

Озабоченность общества и исследователей проблемой распространения насилия в СМК не является новой проблемой. Трансляция страха и насилия сопровождает многие новостные сообщения ТВ и интернет-пространства, драматически влияя на формирование установок и на психологическое состояние больших масс населения (см. напр.: Perse, 2001).

Имеющиеся теоретические подходы к объяснению агрессивного поведения предлагают разные, но в целом взаимно дополняющие объяснения. В когнитивном плане люди могут получать информацию (и получают, и научаются), наблюдая сцены насилия по ТВ, усваивают эти модели агрессивного поведения в своей повседневной жизни.

Кроме этого, население — аудитория ТВ программ, слушатели радио и пользователи Интернета — усваивают принципы агрессивного поведения, транслируемые СМК, и включает их в свой поведенческий репертуар поведения.

Есть исследования, подтверждающие, что «насильственный медиаконтекст» передач СМК отрицательно влияет на психику

детей и может оказывать стойкие отрицательные эффекты на их здоровье, развитие и благополучие (см., напр.: Mares, 1996; Shrum, 1997; Morgan, Shanahan, 1997).

В целом в исследованиях массовой коммуникации ученые в подавляющем большинстве признают, что СМК несут свою долю ответственности за распространение сцен агрессивного поведения среди населения (см.: Perse, 2001, p. 222; Donnerstein, Slaby, Eron, 1994):

- когда насилие вознаграждается и психологически оправдывается;
- когда агрессивное поведение считается нормальным в повседневной жизни;
- когда аудитория ассоциирует себя с агрессором (в соответствии с замыслами режиссера);
- когда насилие мотивировано (восстановление справедливости);
- когда насилие представляется как естественный компонент поведения;
- когда нет достаточного критицизма в отношении насилия в обществе;
- когда аудитория (население) психологически предрасположено в своем поведении к агрессии.

Исследования влияния насилия в медиаконтексте передач СМК предлагают ряд рекомендаций к уменьшению негативного воздействия СМК. Исследования подтверждают, что контроль родителей в отношении просмотра передач ТВ детьми, по видимому, снижают негативное влияние СМК. «Родители могут социализировать своих детей в их ориентации к сценам насилия в передачах ТВ и формированию их установок к негативным эффектам такого влияния» (Nathanson, 1999).

Необходимо отметить, что, по мнению многих западных исследователей, просоциальные воздействия СМК на сознание и поведение больших масс населения намного сильнее, чем негативные эффекты в целом (см., напр.: Hearold, 1986). Он пришел к выводу, что «... просоциальный эффект (воздействия СМК на поведение. — В.С.) намного сильнее на детей. И потенциальное просоциальное воздействие превосходит небольшие негативные последствия антисоциальных программ» (см. также: Perse, 2001, p. 116)¹.

¹ С этим мнением западных психологов трудно согласиться, учитывая современную динамику влияния СМК на массовое сознание и поведение больших

Насилие в СМК — важная психологическая и политическая проблема для исследований (см., напр.: National Television Violence Study, 1997; Harris, 2004). Подавляющее число компьютерных игр (85%) связано с показом сцен насилия (см., напр.: Funk, 1993). Существуют данные других исследований, посвященных анализу этой проблемы (см., напр.: Harris, 2004).

В целом исследования подтверждают, по крайней мере, негативные последствия для психологического развития подрастающего поколения страны (см., напр.: Huston et al., 1992; Gunter, 2001, 2003; Gunter et al., 2000; Harris, Scott, 2002).

С другой стороны, СМК формируют ценностные отношения людей к событиям повседневной жизни, в том числе — и к ситуациям их массового протестного поведения. СМК драматически влияют на массовое сознание и поведение больших масс населения — дают нам идеи, изменяют наши ценностные установки, дают нам «правильное» понимание того, что собой представляет современный мир и как нам следует вести себя.

Но это не что иное, как технологии воздействия на массовое сознание и поведение людей для реализации глобальных интересов основных субъектов исторического процесса. Можно отметить, что в исследовательской литературе, посвященной проблематике психологии массового поведения, есть работы, анализирующие эту проблему с философских и идейных позиций (см., напр.: Ling, 2008).

Выскажем ряд соображений в отношении необходимости фундаментальных исследований проблематики массовой коммуникации:

- исследования психологического восприятия виртуального пространства;
- влияние компьютерных игр на массовое агрессивное поведение;
- влияние Интернета на политическую активность населения.

масс населения, особенно на подрастающее поколение, если рассматривать влияние Интернета на массовую психологию поведения.

Глава 6

Технологии использования скандалов и провокаций в массовой психологии

Исследований проблемы использования скандалов и провокаций в современной социальной психологии достаточно много (см., напр.: Jardin, Tudesq, 1973; Winock, 2004; Castells, 2009). Наша задача — проанализировать проблематику технологий массовых политических скандалов (в СМК, включая Интернет) как инструмент влияния и управления массовым поведением людей. Какие психологические технологии провокаций и скандалов используются как мотиваторы в современном информационном пространстве?

Дж. Томпсон утверждает: «Скандалы — это форма борьбы за обладание символом власти, в которой репутация и доверие (участников скандала. — В.С.) ставятся “на карту”» (Thompson, 2000, p. 245).

Анализ истории политических скандалов и провокаций можно начинать с XIX в.: Париж, 1847 г., революция Ф. Орландского и т.д. (Chen, 2004; Jardin, Tudesq, 1973). Современная политическая динамика скандалов в международном плане проанализирована М. Кастельсом (Castells, 2009, p. 243–253). Рассмотрим проблематику скандала как социально-психологического феномена с позиций социальной психологии.

Феномен скандала

как тип социального конфликта:

социально-психологический подход

Современная ситуация развития России, переживающая трансформацию социально-политического устройства, неизбежно связана с конфликтным столкновением «старого» и «нового». В принципе развитие любого государства и в периоды его стабильного функционирования, и в периоды кардинальных перемен сталкивается с конфликтами и на социально-политическом, и на социально-психологическом (групповом), и на индивидуально-личностном уровне. Это объективная логика развития

общества. Феномен конфликта-скандала в социальной жизни общества — это неотъемлемая и объективная составляющая логики развития любого общества. Этот феномен имеет комплексный характер, функционирует на всех уровнях развития общества.

Исследование этого феномена (и концептуально-терминологический язык его описания) существенно зависит от области науки (философии, социологии, психологии), в которой проводятся исследования этого явления. Естественно, желательно было бы выработать общее понимание концептуально-операционального определения концепта для всех социогуманитарных наук.

Социологи провели концептуально-терминологический анализ этого феномена (см.: Скандал как форма коммуникации, 2012). Они рассмотрели эту проблему с позиций факторов и детерминант развития общества. В целом на основе анализа источников ими предложен вариант определения концепта «скандал»:

«Скандал — это событие, связанное с нарушением общепринятых норм известными людьми (т. е. публичными людьми. — В. С.) и вызывающее острую реакцию социальных групп». Можно добавить: в понимание скандала как конфликта включается «...случай, происшествие, ссора, получившие широкую огласку (нарушающие порядок руганью, дракой и т. п.» — Дмитриев, 2012, с. 11). Но к анализу проблемы скандала возможен другой подход — рассмотреть феномен скандала не просто как «...получивший широкое публичное освещение инцидент, связанный с заявлениями о правонарушениях, позорных и аморальных поступках...» (Дмитриев, 2012, с. 10), а как феномен социального конфликта.

Такой подход позволяет подойти к анализу феномена скандала с системных представлений, использовать методологический аппарат, разработанный в социальной психологии конфликта в целом (см., напр.: Левицкий и др., 2006), и на этой основе проанализировать этот системный феномен с позиции уровневого подхода.

Конечно, этот анализ должен опираться на базовые представления философов, конфликтологов и социологов по этой проблематике, поскольку социальные психологи не могут осуществлять свой анализ «в вакууме». Положения социологов — это фундаментальная основа для анализа социальных психологов.

Основная цель и задача раздела — проанализировать феномен скандала с позиции социальной психологии конфликта:

- выделить общие и специфические функции феномена скандала как формы (типа) социального конфликта;

- обозначить формы регуляции и разрешения скандалов на разных социальных уровнях, делая акцент на социополитических и социально-психологических аспектах феномена скандала в современных условиях развития России.

Скандал как форма социального конфликта: деструктивные и конструктивные функции

Прежде всего, определим конфликт как социальный феномен в социальной психологии. Вот одно из многочисленных определений конфликта:

«конфликт — это резкое несогласие или противопоставление интересов, идей и т. д. участников конфликта ...Он включает в себя осознанное расхождение их интересов или уверенность в том, что наличные желания сторон не могут быть достигнуты одновременно» (Druitt, Rubins, 1986). Для анализа функций феномена скандала можно использовать концептуальный аппарат психологии конфликта.

Прежде всего, выскажем ряд соображений.

Обычно люди считают, что конфликт (скандал) — это что-то вообще плохое или дисфункциональное. И в реальной жизни часто так и бывает. Эти представления в сознании человека (и группы) имеют два аспекта:

- во-первых, это ощущение того, что что-то происходит неправильно (с точки зрения социальной справедливости) или есть ряд проблем, требующих своего разрешения;
- во-вторых, скандал (конфликт) может влечь за собой разрушительные последствия. Это логика здравого смысла и проявление защитных реакций человека и группы на стрессовые ситуации скандала.

Но «... на уровне общества скандалы, когда их слишком много, не только дисфункциональны. В какой-то степени они служат повышению морали... Таким образом, скандалы ...воспитывают политиков и все население...» (Дмитриев, 2012, с. 19). Но, конечно, лучше бы воспитывать население не на отрицательных примерах, а на положительных.

В психологии конфликта исследователи тщательно проанализировали ряд функций, формирующих деструктивное представление людей о конфликте, скандале, споре. Обозначим их.

Деструктивные функции конфликта-скандала:

1. Процесс конкуренции. Стороны (субъекты — отдельные индивиды, политические деятели, представители власти и бизнеса и т. д.) конкурируют друг с другом. Они считают, что их жиз-

ненные цели и задачи правильны и что они не смогут достичь реализации своих целей, не уничтожая оппонента (конечно, не обязательно физически). Таким образом, конфликт, скандал как следствие конкуренции может служить инструментом противоборства и вести к дальнейшей эскалации противостояния.

2. Проблема предубеждения. По мере интенсификации внутреннего психологического противостояния сторон понимание их взаимоотношений начинает искажаться. Этот аспект психологической динамики взаимоотношений потенциальных оппонентов означает: субъект (отдельный индивид или представитель группы) склонен рассматривать ситуацию взаимоотношений с оппонентом в соответствии со своими взглядами. Следовательно, он (как отдельный индивид или представитель группы) начинает интерпретировать события или поведение других людей как оказавшихся на его стороне или на стороне противоположной.

«Следует обратить внимание на то, как скандалы или публично сообщенные факты коррупции влияют на карьеру политика. Вместе с тем систематические исследования данной проблемы на материале развитых стран Запада дали противоречивые результаты. Многие из них показали, что политики могут продолжать пользоваться поддержкой избирателей даже после обнаружения фактов коррупции» (Дмитриев, 2012, с. 21).

3. Проблема эмоционального реагирования. Скандалы и конфликты имеют тенденцию приобретать эмоциональную нагрузку. И это вполне объяснимо. Эмоции начинают превалировать над рассудком. И потенциальные оппоненты скандала начинают вести себя все более и более иррационально, опираясь на эмоции. Происходит сдвиг с обсуждения сущности проблемы на личности оппонентов (один из многочисленных таких примеров — скандал на пресс-конференции Жириновского и Немцова).

4. Проблема коммуникации. При возникновении скандала, конфликта коммуникация между субъектами скандала ухудшается, она может сводиться к попыткам уничтожить, унижить или разоблачить точку зрения противоположной стороны или прибавить весомости своей позиции, как правило, через СМИ.

5. Жесткая приверженность своим обязательствам. Стороны замыкаются на своих позициях. Реагируя на вызовы оппонентов, стороны все более отстаивают свою точку зрения и все менее готовы отступить от нее из страха «потерять лицо». Пример: сто-

роны скандала обвиняют друг друга в коррупции и обычно отвергают претензии оппонентов с помощью адвокатов или СМИ.

6. Проблема минимизации сходства, умножения различий. Когда стороны замкнулись на своих позициях, обсуждение сущности конфликта становится расплывчатым, оппоненты начинают проявлять тенденцию рассматривать друг друга — и позиции друг друга — как диаметрально противоположные. Факторы, отличающие и отдаляющие субъектов скандала друг от друга, становятся главными в их взаимоотношениях, тогда как сходство и общность между ними чрезмерно минимизируются. Подобное искаженное понимание ведет к убежденности сторон скандала в том, что они гораздо дальше друг от друга, чем это может быть в действительности. Поэтому они начинают предпринимать еще большие усилия, чтобы «выиграть» конфликт или достичь победы в возникшем скандале.

7. И, наконец, эскалация конфликта (скандала). Когда перечисленные выше этапы развития конфликтной ситуации (скандала) пройдены, каждая сторона еще больше замыкается на своей точке зрения, становится менее толерантной и более агрессивной, более эмоционально вовлеченной в скандал и менее склонной общаться с оппонентом. Итог: обе стороны конфликта (скандала) пытаются победить, усиливая приверженность своей позиции и увеличивая свои ресурсы, которые они готовы привлечь для достижения «победы». Обе стороны становятся уверенными, что, добавив еще немного (ресурсов, стойкости, энтузиазма, энергии и т. п.), они смогут принудить соперника капитулировать, сдаться и признать свое поражение. Однако, как показывают наиболее деструктивные конфликты и скандалы, такая стратегия заводит обе стороны в неразрешимый тупик.

Конечно, представленная выше социально-психологическая динамика развития конфликта-скандала — это динамика и функции деструктивного развития конфликта-скандала.

Но социальные психологи и исследователи проблематики конфликта утверждают: конфликт (и феномен скандала как одна из его форм) может иметь и конструктивные функции как для развития общества в целом, так и социальной организации и развития личности индивида (см., напр.: Deutsch, 1973).

В принципе конфликт (и скандал как его форма) имеет черты и деструктивных и конструктивных функций, поэтому основная задача — не просто устранять конфликт, но научиться управлять им. Что это означает? Оставлять деструктивные элементы динамики

конфликта-скандала под контролем, а позитивные использовать для конструктивного разрешения скандала. И стратегия переговоров — это самая продуктивная стратегия управления скандалами.

Например, А.В. Дмитриев утверждает: «... позиция, утверждаемая авторами проекта, расценивает скандалы как социально-конструктивные явления и поэтому делает акцент на общественные реакции нарушения правовых и моральных норм» (Дмитриев, 2012, с. 26).

Конструктивные функции конфликта-скандала

1) конфликт-скандал дает членам групп (сообществу в целом) знания и способы для работы с проблемами;

2) конфликт-скандал может укреплять консолидацию отношений в обществе (хотя и не всегда позитивную, но в целом ориентированную на укрепление социальной справедливости в обществе);

3) конфликт-скандал показывает необходимость дальнейшего развития индивида и группы (общества в целом);

4) конфликт-скандал может доставлять удовлетворение человеку. Он позволяет оценить свою жизнь философски, признать ее сложность и противоречивость (см., напр.: Tjosvold, 1986).

Теперь соотнесем общие параметры психологии социального конфликта, изложенные выше, с феноменом скандала как его формы. Эти концепции хорошо «вписываются» в содержание анализа феномена скандала, проведенного А.В. Дмитриевым (Дмитриев, 2012, с. 4–27). Феномен скандала как комплексный феномен можно рассматривать на трех уровнях:

- как социополитический феномен, преимущественно анализируемый философами, конфликтологами и социологами;
- на социально-психологическом уровне — анализ динамики взаимоотношений групп общества;
- на индивидуально-личностном уровне — анализ конфликтов-скандалов между отдельными личностями¹.

В скандале как феномене социального конфликта участвуют несколько сторон:

- сами участники скандала (независимо от целей его инициации);
- средства массовой информации (и Интернет в том числе);
- обобщенный «другой, т.е. общественное сознание и рядовое население страны.

¹ В политической борьбе этот аспект скандалов также «выносятся» на социально-политический уровень.

СМИ в этом процессе играют двоякую роль, с одной стороны, они выступают на той или иной стороне скандала, с другой, объективно на стороне обобщенного «другого», т. е. представителей общества с позиции социальной справедливости.

Эта сложная и противоречивая динамика развития скандала определяет и социально-психологические параметры управления им как социальным феноменом.

А.В. Дмитриев утверждает: «... скандалы и все его проявления чрезмерно морализируются, поэтому его изучение требует от исследователя некой отстраненности и нейтральности в оценках» (Дмитриев, 2012, с. 5).

Управление скандалом как формой социального конфликта

Факторы, осложняющие скандал и способствующие управлению им как формой конфликта

Есть ряд критериев для анализа скандала и определения трудностей его разрешения (см., напр.: Greenhalgh, 1986).

Вот только отдельные параметры этих критериев:

- тема обсуждения (проблема)
 - трудно разрешить — ключевая часть вопроса — «дело принципа»;
 - легко разрешить — спорный вопрос можно разделить на мелкие части;
- структура отношений участников скандала (их сплоченность и организованность как группы)
 - трудно разрешить — группа дезорганизована, не сплоченная, со слабым руководством;
 - легко разрешить — группа организована, сплоченная, с сильным руководством;
- заинтересованность третьих сторон
 - трудно разрешить — третью сторону привлечь на свою сторону невозможно;
 - легко разрешить — возможность привлечь на свою сторону третью сторону, пользующуюся доверием, сильную и авторитетную.

В социальной психологии конфликта существует известная двухмерная схема управления конфликтом. Это так называемая модель «двойственной озабоченности».

В социально-психологической литературе эта схема называется по-разному в зависимости от исследуемых проблем (Rubin et al., 1994, см. рисунок 1).

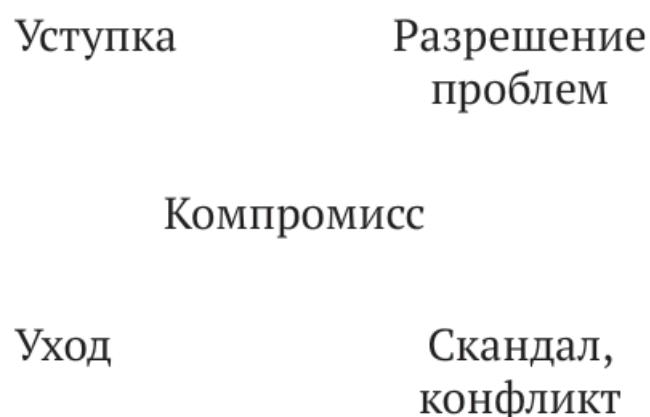

Рис. 1. Модель двойственной озабоченности

Согласно этой модели, у человека или представителя группы, прямо или косвенно участвующего в скандале, возникает две ориентации — озабоченность своими успехами или успехами оппонента.

Чем больше человек (группа) склонен действовать в соответствии со своими интересами, тем больше они будут следовать стратегиям, обозначенным в правой части рисунка. Чем больше человек (группа) склонен действовать в соответствии с интересами другого оппонента, тем вероятнее для него стратегии, представленные в левой части рисунка.

Хотя теоретически можно указать бесконечное множество точек в этом двухмерном пространстве, обычно в этой модели выделяют пять основных вариантов стратегий:

1. Скандал, спор, конфликт (состыязание, доминирование). Субъект (индивид или представитель группы), реализующий стратегию скандала, заинтересован только в достижении своего успеха — дискредитировать своего оппонента (политического деятеля, оппозиционную группу и т. п.) и не озабочен тем, достигнет ли противник успехов. С реализацией этой стратегии связаны тактики угроз, возможных наказаний, публичных оскорблений и т. п.;

2. Уступка (приспособление). Реализующий эту стратегию субъект (индивидуальный или групповой) не проявляет интереса к тому, достигнет ли он желаемого для себя результата в скандале или уступит, чтобы сохранить свои позиции в будущем. Хотя такая стратегия в современных социополитических скандалах в современной России маловероятна, но она возможна (на-

пример, скандал с представителем комиссии Думы по этике В.А. Пехтиным, который, понимая бесперспективность борьбы, снял с себя депутатские полномочия).

3. Стратегия ухода (бездействие). Субъект, реализующий эту стратегию в разрешении скандала, формально не проявляет интереса ни к достижению своего успеха, ни к достижению успеха оппонента. В психологии скандалов и конфликтов это, как правило, рядовые люди, которые не могут принять участия в политике (хотя эмоционально они возмущаются наличием скандалов в высших эшелонах власти и «присутствуют» как бессловесный «другой» — пока как бессловесный субъект или думают, идти ли им, как и либералы, на Болотную площадь).

4. Компромисс. Как стратегия управления скандалом это умеренное и реалистичное разрешение скандала, исходя из учета своих возможностей, ресурсов и возможных отрицательных последствий, если скандал не будет разрешен. Многие ученые считают такую тактику разрешения конфликтов-скандалов наиболее приемлемой и реалистичной, хотя есть и другие мнения.

5. Стратегия разрешения проблем (стратегия сотрудничества). В принципе это самая эффективная стратегия разрешения конфликтов-скандалов. Субъекты, реализующие эту стратегию, заинтересованы как в достижении своих целей, так и целей оппонента. При этом обе стороны максимально стремятся найти выход из конфликтной ситуации, чтобы обе стороны «победили» (типичный пример использования технологии скандала — проведение выборных кампаний).

В современной социально-психологической литературе есть исследования, анализирующие проблематику разрешения конфликтов в разных сферах человеческой активности (см., напр.: Соснин, 1993, 1994, 1997; Гостев, Соснин, Степанов, 1996; и др.).

Как правило, причины скандалов — это коррупция в армии, МВД, спецслужбах, в Государственной Думе, в судебной-юридической системе государства и государственных чиновников разных уровней. Дисфункциональное поведение представителей властных структур, выражающееся в публичных скандалах, наносит огромный ущерб и развитию страны, и ее имиджу на международной сцене. Поэтому борьба с этим злом — это насущная задача и властных структур, и общества в целом.

Рассмотрим и проанализируем ряд прикладных направлений с позиции положений социальной идентичности.

Глава 7

Каждый за себя

или групповая солидарность:

проблема солидарности

в массовых ситуациях риска для жизни

Подтверждаются ли идеи Г. Лебона и других классиков о неуправляемости поведения индивида в толпе или идеи представителей теории социальной идентичности являются более реальным и адекватным объяснительным потенциалом поведения групп в этих ситуациях?

Массовое поведение в панических ситуациях обычно объяснялось либо как явление «массовой паники» и эгоистического индивидуального поведения по спасению своей жизни, либо как следствие существующих социальных связей.

Результаты сравнительных исследований (опросов выживших членов массовых групповых образований в панических ситуациях) свидетельствуют о валидности теории социальной идентичности для объяснения и понимания поведения членов массовых групповых образований в ситуации паники (см., напр.: Drury, Cocking, Reicher, 2009).

Во-первых, разделяемая членами панической группы общая идентичность повышает групповую солидарность и снижает уровень эгоистического «панического поведения».

Во-вторых, групповая идентичность членов панической группы может формироваться от общего осознания угрозы жизни. Эти результаты подтверждают практическую полезность нового подхода (с позиций социальной идентичности) в объяснении и понимании массового поведения в стрессовых ситуациях.

Анализ этой проблемы изложим предельно кратко с акцентом на вопросах применения теории социальной идентичности (см., напр.: Canter, 1990; Quantelli, 2001; Chertkoff, Kushigian, 1999; Aguirre, 2005; и др.).

«Массовая паника»

в сравнении с существующими социальными связями

Концепция массовой паники является объяснительной основой для многих аспектов поведения массовых групповых образований и содержит ряд положений.

Во-первых, это идея о том, что поскольку толпа менее интеллигентна и более склонна к выражению примитивных эмоций (идеи Г. Лебона и других классиков), то массовые реакции членов толпы на опасность в панических ситуациях будут в основном инстинктивными и крайне заразительными (McDougal, 1920; Smelger, 1962).

Во-вторых, поскольку инстинкт, как утверждается, намного сильнее социализации, коллективные связи разрушаются, и индивидуальное выживание становится основным мотиватором поведения. Это, в свою очередь, вызывает смертельную конкуренцию за выживание среди членов панической группы.

Концепция массовой паники была в целом отвергнута академической психологией и социологией (см., напр.: Donald, Canter, 1992; Quantelli, 2001), но она сохраняет свои позиции и популярность (Dyer et al., 2008; Tierney, Bevc, 2006).

Эта концепция остается влиятельной и при моделировании поведения толпы, когда предположения о возможном иррациональном поведении толпы учитываются службами экстренного реагирования (прежде всего, правоохранными структурами) для организации территории проведения массовых мероприятий и процедур возможной эвакуации (см., напр.: Helbing, Farkas, Vicsek, 2000; Still, 2007).

В исследованиях чрезвычайных ситуаций критика концепции «массовой паники» возникла как результат наблюдений, свидетельствующих о том, что коллективное поведение в таких ситуациях больше характеризуется признаками социальности, т.е. общественным инстинктом — взаимопомощью, сохранением порядка, уважением к старшим, детям и женщинам, чем индивидуальной инстинктивной конкуренцией.

Для объяснения этих фактов были выдвинуты два подхода — нормативная теория¹ и модель социальных связей. Последний подход опирался на следующие положения: а) в ситуации угро-

¹ О применении нормативной теории к объяснению поведения в чрезвычайных ситуациях см., напр.: Johnson, 1988; Mawson, 2005.

зы для жизни мы больше мотивированы оставаться с близкими людьми, чем просто индивидуально исчезнуть с места катастрофы для спасения своей жизни; б) присутствие близких людей имеет «успокаивающий эффект», препятствующий реакции инстинктивного исчезновения и спасения своей жизни (Mawson, 2005). Однако эти модели оказались не совсем адекватны для объяснения новых форм поведения в панических толпах, таких как взаимная поддержка между незнакомыми людьми, иногда даже с риском для собственной жизни (см., напр.: Ripley, 2005).

Модель «массовой солидарности»

Появилась необходимость разработки модели «массовой солидарности» (mass emergent solidarity), которая объясняла бы возникновение социальных связей между незнакомыми людьми в массовом групповом образовании в ситуации риска для жизни¹. И исследователи обратились к теории социальной идентичности.

Социальная идентичность и групповая солидарность в панических групповых образованиях

Исследователи предположили, что теория самокатегоризации (социальной идентичности) может объяснить, по крайней мере, ряд аспектов нового массового поведения в ситуациях риска для жизни.

Теория самокатегоризации предполагает, что когнитивные представления о себе как о личности располагаются на континууме от индивидуальной самоидентификации до групповой, коллективной (см.: Журавлев, Соснин, Красников, 2011). Рассмотрение себя как личности, связанной с другими членами ин-группы, означает не только принятие общей социальной реальности с другими членами группы, но и восприятие их как часть самого себя. Это означает, что индивид способен координировать свое поведение с другими, не только с близкими, но и с незнакомыми. Теория

¹ В целом логика рассуждений исследователей для объяснения поведения в ситуациях риска для жизни соответствовала общей логике разработки «теорий толпы», обсужденной ранее.

социальной идентичности предполагает, что взаимопомощь и проявление аспектов солидарности являются функцией совместно разделяемой идентичности¹.

Работа Кугихара (Kugihara, 2001, p. 575–598) — одной из первых, где применен социально-идентификационный подход к проблематике эвакуации в чрезвычайных ситуациях. В моделируемой ситуации было показано, что кооперативные или агрессивные реакции можно объяснять и интерпретировать на языке социальной идентичности.

При развитии модели социальной идентичности (Drury, Reicher, 2000; Reicher, 2001; Stott, Reicher, 1998) выявляется различие между физическими и психологическими толпами. Физическая толпа (как простая совокупность индивидов) может превращаться в психологическую толпу, когда члены ин-группы воспринимают действия внешней группы по отношению к себе (например, полицейских структур) как дискриминационные.

В целом социально-идентификационный подход стал доминирующей объяснительной основой во внутри- и межгрупповых процессах². Результаты эмпирических исследований однозначно свидетельствуют о теоретическом и прикладном потенциале социально-идентификационного подхода к объяснению и управлению массовым поведением людей в чрезвычайных ситуациях с риском для жизни (в панических толпах)³.

Естественно, есть ограничения применимости этих эмпирических исследований. Это, во-первых, проблема моральная (следовательно, проблема мотивации самопредставления в интервьюировании). Во-вторых, интервьюируемые опрашивались об оказании помощи в стрессовой ситуации после проявления группового единства и солидарности. И интервьюер не знал, был ли выживший в стрессовой ситуации ориентирован на высокую или низкую степень проявления солидарности в реальной ситуации опасности для своей жизни. Эта проблематика исследова-

¹ Положения теории применялись для объяснения широкого спектра социальных явлений от групповой сплоченности (Hogg, 1987), приверженности коллективным действиям (Levine et al., 2005) до использования групповых ресурсов в стрессовых ситуациях (Haslam et al., 2005).

² Хотя начиная с 1960-х годов проблематика поведения в чрезвычайных ситуациях (в том числе и в панических толпах) опиралась на идеи клинической психологии (см., напр.: Aguirre, 2005).

³ Показательным в этом отношении является исследование Друри с соавт. (Drury et al., 2009) и др.

ний требует, по мнению специалистов, дальнейшего исследования (Drury, Cocking, Richer, 2009)¹.

В целом исследования подтверждают опасность индивидуального поведения в ситуации риска для жизни. Чем в большей степени индивид действует инстинктивно, индивидуально, тем сильнее будет блокирована возможность его спасения в чрезвычайной ситуации действиями других членов панической группы (Mintz, 1951).

С другой стороны, проведенный анализ позволяет заключить:

- паника — это характеристика отдельных индивидов, а не группового поведения;
- массовая солидарность, возникающая в массовых групповых образованиях, — это следствие возникающих норм идентификации толпы, а не просто следствие ранее существующих социальных связей.

¹ Однако, несмотря на все ограничения, эти исследования свидетельствуют о применимости социально-идентификационного подхода для объяснения более общих проблем теории и практики в управлении массовыми групповыми образованиями. Социально-идентификационный подход к объяснению массового поведения позволил объяснить не только групповые процессы в малых группах (конформность и групповая продуктивность), но также коллективные феномены на макроуровне, такие как национализм, участие в социальных движениях, социальные предрассудки, лидерство и следование за лидерами, психологические аспекты социального изменения (Haslam, 2007; Reicher, 2007) и др.

Глава 8

Проблема взаимодействия полиции и массовых групповых образований: роль психологических установок представителей полицейских структур в понимании, объяснении массовых процессов и возникновении массового конфликта

Какие тенденции исследований в области взаимодействия полиции и массовых групповых образований можно выделить в настоящее время в мировой исследовательской практике?

Социальная идентичность и поведение правоохранительных структур при управлении массовыми процессами

Классические теории массового поведения объясняли возникновение массового конфликта патологией поведения толпы в целом.

Последующая разработка модели социальной идентичности (ESIM) привела к концептуализации конфликтов в массовом поведении как динамического межгруппового процесса, протекающего между демонстрантами и полицией. Английские исследователи К. Стотт и С. Рейхер (Stott, Reicher, 1998) подвергли классическую модель массового поведения критике и предложили другую, основанную на теории социальной идентичности.

Разработка этой модели (Reicher, 1996; Drury, Reicher, 2000; Reicher, 2001; Stott, Reicher, 1998) при объяснении массового поведения и конфликта основывалась на положении, что поведение ин-группы зависит от поведения аут-групп в контексте межгруппового взаимодействия. Более того, эта теория концептуализировала социальную идентичность как непрерывный процесс, зависящий от межгрупповых отношений: нормы и идентичность членов массового группового образования, детерминирующие нормативное поведение членов ин-группы, могут изменяться со временем как функция взаимодействия с аут-группой.

Согласно этим положениям, массовый конфликт может возникать когда:

а) существует расхождение между определением своей идентичности и поведения членами ин-группы и членами аут-группы (тотальное использование силы при массовых беспорядках может считаться законным с точки зрения полиции и незаконным с точки зрения демонстрантов);

б) у членов ин-группы в их групповом сознании возникает феномен «групповой силы», уверенность в том, что ин-группа способна навязать аут-группе свое понимание ситуации (демонстранты могут чувствовать свою способность коллективно сопротивляться действиям полиции).

Однако проблема возникновения массового конфликта и ее анализ с позиции представителей полиции обычно игнорировались в силу ряда объективных трудностей (см., напр.: Drury, Stott, 2001). Современные исследователи групповой динамики начали проявлять интерес к проблеме «массового конфликта с позиции правоохранительных структур» (Reicher, 1996; Cronin, Reicher, 2006; Drury, Stott, Farsides, 2003; Stott, Drury, 1999, 2000) и его управления с учетом психологических установок представителей полиции.

Согласно исследованию С. Рейхера (Reicher, 1996), объяснение массового поведения должно учитывать взгляды представителей полицейских структур для лучшего понимания динамики взаимодействия между ин- и аут- группами. К. Стотт и С. Рейхер (Stott, Reicher, 1998) выделили три важные темы, связанные с пониманием толпы с позиции правоохранительных структур.

Первая тема относится к вопросу состава массового группового образования (толпы). С одной стороны, офицеры полиции признавали, что массовые групповые образования (толпы) являются гетерогенными в целом. С другой стороны, офицеры полиции разделяли толпу (массовое групповое образование) на меньшинство и большинство. Меньшинство — это властная подгруппа, тогда как большинство характеризуется как миролюбивое и состоящее из рядовых людей, которые в толпе теряют способность к собственным оценкам ситуации и, следовательно, сильно подвержены манипуляции.

Исследование К. Стотта и С. Рейхера подтверждает, что описание (характеристика) большинства и меньшинства соответствует двум классическим теориям массового поведения.

Динамика поведения потенциально агрессивного меньшинства и большинства, склонного к внушению и манипуляции, привела к возникновению второй темы — обобщенного восприятия потенциальной однородности угрозы со стороны толпы для представителей правоохранительных структур. Как только люди собираются вместе в массовое групповое образование (толпу), все ее члены для полиции становятся потенциально опасными. Исходя из этого чувства потенциальной опасности, офицеры полиции, естественно, озабочены своей собственной безопасностью.

И, наконец, третья проблема — проблема сохранения общественного порядка полицейскими структурами. Естественно, переживание представителями полиции состояний страха за свою жизнь и за выполнение своих профессиональных функций имеет ряд следствий.

Во-первых, все члены толпы воспринимались как потенциально опасные, в случае возникновения массового конфликта для полицейских структур рекомендовались жесткий силовой контроль и быстрое вмешательство в возникающий конфликт.

Во-вторых, если опасность со стороны массового группового образования воспринималась полицейскими структурами как однородная, то возникали объяснимые причины для полиции относиться к членам толпы как монолитному образованию.

В-третьих, офицеры полиции были склонны отвергать любую свою ответственность за возникновение массового конфликта и возлагали ее только на толпу.

Тенденции поведения правоохранительных структур при взаимодействии с массовыми явлениями и выполнении ими функций по сохранению общественного порядка

В работе Дж. Друри с коллегами (Drury, Stott, Farsides, 2003), включающей опрос офицеров полиции Великобритании, прошедших подготовку для управления массовыми беспорядками, рассматривалась проблема валидности и обобщаемости результатов исследований, проводящихся в Англии. Авторы использовали опросник, содержащий ряд тем, основанных на работе К. Стотта и С. Рейхера (Stott, Reicher, 1998).

По данным опроса, офицеры полиции воспринимают толпы спортивных фанатов и демонстрационные толпы как однород-

ные, но в то же время и как имеющие в своем составе сильное меньшинство и не участвующее и подверженное манипуляции большинство.

Результаты исследований выявили связь между восприятием угрозы и практикой. Доминирующее восприятие потенциальной угрозы со стороны массовых групповых образований (несмотря на восприятие возможной дихотомии между ее членами) приводили к обращению с толпой со стороны правоохранительных структур как с единым групповым образованием без каких-либо различий в составе ин-групп, поэтому офицерам полиции рекомендовался жесткий контроль и быстрое оперативное вмешательство. Хотя представители правоохранительных структур не были склонны рассматривать всех членов массовых групповых образований потенциально опасными, существовали практические причины рассматривать толпу как единое образование.

Восприятие массового группового образования (толпы) с позиции правоохранительных структур и необходимость проведения практических действий по сохранению общественного порядка в ряде случаев создавали условия для возникновения феномена «самоподтверждающегося пророчества». Этот феномен хорошо известен в социальной психологии и приводит к оправданию тотального использования силы по отношению к протестным толпам как единому групповому образованию, потенциально враждебному полицейским структурам.

Исследования случаев демонстраций и массовых конфликтов (Reicher, 1996; Stott, Drury, 1999, 2000) подтверждают эти тенденции (см., напр.: Prati, Pietratoni, 2009). Работы, анализирующие «перспективу полиции», возникли в структурах полицейских органов Великобритании. Существует необходимость проведения подобных исследований (и их валидации) и в других странах, в том числе и в России.

Согласно исследованию С. Рейхера (Reicher, 2001), действия с позиции правоохранительных структур выполняют ряд функций: отрицание «голоса» демонстрантов, так как их требования не имеют оснований; отрицание ответственности общества и законности репрессий. Возникает вопрос: почему полицейские структуры навязывают свое видение групповой динамики противостояния протестным толпам?

Одна из причин — то, что массовые групповые образования действительно имеют в своем составе сильное и потенциально агрессивное меньшинство, предрасположенное к конфликтному

поведению (Stott et al., 2001; Stott et al., 2007; Stott, Drury, 1999, 2000). Однако в связи с этим нельзя считать толпу иррациональным образованием, склонным к влиянию насильственного меньшинства. Более обоснованная причина может заключаться в том, что идеология толпы соответствует массовой культуре (см., напр.: McClelland, 1989), в том числе в полицейских структурах.

Исследования подтверждают, что в стрессовых условиях, обусловленных исполнением обязанностей, офицеры полиции нередко проявляют циничное и подозрительное отношение к людям в целом (Robinson et al., 1997).

С другой стороны, представители правоохранительных структур подвержены синдрому «выгорания» (Maslach et al., 2001) — негативному, бесчувственному и циничному отношению к публике (людям в целом), с которым сильно коррелирует эффект деперсонализации (Stearns, Moore, 1993)¹ и возможность проявления насилия (Kop et al., 1999)².

Прати и Петрантони (Prati, Pietrantoni, 2009) осуществили показательное исследование по этой теме, в котором анализировались валидность и обобщаемость результатов, представленных в работах предыдущих исследователей (Stott, Reicher, 1998; Stott, Adang, Livingstone, 2007; Drury, Stott, Farsides, 2003). Респондентами являлись офицеры полиции из разных стран. В работе подвергался анализу ряд позиций:

а) состав толпы (композиция толпы) — гетерогенна или гомогенна;

б) представляют или не представляют опасность для правоохранительных структур члены массового группового образования;

в) в случае возникновения массового конфликта необходимы или нет жесткий контроль и быстрое вмешательство;

г) есть ли причины рассматривать толпу как единое целое.

¹ Термин «деперсонализация» имеет разное значение при использовании положений теории социальной идентичности. В целом этот термин означает уменьшение осознания себя как индивида и осознание себя как представителя группы с соответствующей идентификацией.

² Хотя Дж. Друри с соавт. (Drury, Stott, Farsides, 2003) не выявили различий между членами ин-группы с низкими и высокими показателями по отношению к возможности возникновения массового конфликта, однако эта проблема как среди представителей полиции, так и среди демонстрантов получила свое развитие в эмпирических исследованиях.

Результаты проведенного исследования в целом подтвердили гипотезы:

Во-первых, исходя из обобщенности потенциальной угрозы со стороны массового группового образования, реакции представителей полиции также будут обобщенными, т. е. недискриминированными.

Во-вторых, опыт переживания массового конфликта со стороны правоохранительных структур будет влиять на восприятие массовых событий.

Итак, исследования в этой области подтверждают возможность анализа массового поведения с применением теории социальной идентичности. Она разработана и позволяет рассматривать анализ массового поведения с позиции правоохранительных структур.

Офицеры полиции признают, что в массовом групповом образовании существует меньшинство и большинство. Меньшинство изначально является потенциально агрессивным и способным к манипуляции большинством. В ситуации возникновения массового конфликта у представителей полиции нет согласованного мнения в отношении опасности поведения массовых групповых образований.

Исследования свидетельствуют о том, что офицеры полиции разделяют мнение: люди склонны к иррациональному поведению в толпе, но не обязательно насильственному. В целом офицеры полиции считают, что поведение массового группового образования (демонстранты, фанаты, протестные толпы и т. п.) имеет тенденцию к переходу в агрессивное состояние, поэтому представители полицейских структур придерживаются жесткой установки — к массовому групповому образованию (толпе) следует относиться как единому целому и использовать самые жесткие методы подавления массовых беспорядков. Они признают, что их собственные действия не являются причиной возникновения и эскалации массового конфликта.

Превалирующее отношение представителей полиции к массовым групповым образованиям (толпам) в соответствии с идеями классиков (Лебон и др.) может превращаться в «самоподтверждающееся пророчество», если эти идеи составляют основу поведения полиции.

Исследования подтверждают эффективность модели «хорошей практики», основанной на теории социальной идентичности (см., напр.: Inozemtsev, 1999; Adang, Stott, 2004; Cronin,

Reicher, 2006; Stott, Drury, 1999, 2000; Stott, Pearson, 2007) в поддержании общественного порядка.

Психологи (Reicher et al., 2004; Stott, Pearson, 2007) разработали ряд стратегических рекомендаций для правоохранительных структур, основанных на следующих принципах:

а) необходимость подготовки (обучения) представителей полицейских структур для дифференцированного понимания социальной идентичности разных подгрупп в массовом групповом образовании (в толпе);

б) необходимость использования целей толпы для управления ее поведением (признание законности целей толпы при мирном развитии событий);

в) необходимость профессиональной межгрупповой коммуникации (взаимодействия) с членами массового группового образования;

г) необходимость четкой дифференциации членов толпы с соответствующим различием реагирования при управлении толпой.

Более того, исследования (Drury et al., 2003; Prati, Pietrantonì, 2009) подтверждают необходимость проведения тренингов для сотрудников полиции с позиции положений теории социальной идентичности и с критикой классических идеологических моделей толпы.

Теоретико-методологический анализ проблематики психологии массового поведения и классических представлений о поведении индивида в массовом групповом образовании¹ позволяет:

а) показать неадекватность классических взглядов на массовое поведение, т. е. психологии поведения толп в представлении классиков и их последователей;

б) выделить исследование данной проблематики с позиции теории социальной идентичности как новое направление.

Выделенные тенденции позволяют строить работу правоохранительных структур в поддержании общественного порядка с учетом обоснованного подхода к управлению поведением массового группового образования.

¹ Термин «массовое групповое образование» использовался в данной работе как интегральный для обозначения разных групповых образований, включая и конвенциональные (долговременные), и групповые образования типа толп в разных вариантах (т. е. кратковременные).

Исследования с позиции теории социальной идентичности имеют большие перспективы для разработки прикладных аспектов воздействия на массовое поведение.

Естественно, в целом данная проблематика требует отдельного серьезного анализа с привлечением других специалистов других областей науки, занимающихся данной проблематикой, включая представителей правоохранительных органов.

Раздел II

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ И МАССОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ГРУППОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Введение

Развитие информационных технологий в конце XX — начале XXI в. привело к образованию глобального информационного общества. В этом процессе главную роль играют СМК и Интернет. Основная проблема — изменение роли государства в этих процессах. Роль СМИ и новых информационных технологий «...в настоящее время является одним из самых перспективных направлений в политической теории и междисциплинарных исследованиях» (Лобза, 2002).

Интернет стал источником новых моделей взаимодействия общества и государства, поэтому в виртуальном пространстве возникли новые политические практики воздействия на массовое сознание и поведение населения. Эти политические практики обусловлены спецификой Интернета (возможность прямой коммуникации, минуя контроль властных структур) и оказывают огромное влияние на тенденции массового поведения массовых групповых образований и на современные политические процессы¹. Особенно важно разобраться с этими новыми тенденциями с позиций социальной психологии.

¹ Например, в начале 2011 г. в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки одновременно произошли уникальные события: средством организации массовых выступлений населения против правительств ряда арабских стран оказались социальные сети в Интернете. Затем последовала аналогичная активность блогосферы в России. Возникает проблема возможности «твиттер-революций» (см.: Тукмаков, 2011).

Влияние Интернета на массовое сознание и поведение общества

Е.В. Лобза (2002, с. 217–218) определяет три точки зрения: Интернет отражает общественные процессы и является их своеобразным зеркалом; Интернет является катализатором общественных процессов; Интернет — это новая область социальной реальности, виртуальное пространство, требующее дальнейших исследований со стороны социальных наук.

«Эта реальность пока не оформлена, поэтому очень сложно говорить о законодательном регулировании информационного пространства... То есть не только национальные государства и не только правительства, не только народ как выразитель суверенитета, согласно прежним теориям, являются политическими акторами, но, благодаря распространению сети Интернет, возникают новые центры притяжения власти, новая элита. Возникает новая модель демократии — электронная демократия или „демократия участия”» (Лобза, 2002, с. 218–219). Появляются новые политические практики, в основе которых — прямая коммуникация между гражданами. В исследованиях этой проблематики специалисты уделяют особое внимание составу интернет-аудитории в нашей стране (Овчинников, 2002; Чугунов, 2000; Вершинин, 2001; Vartanova, 2004, p. 84–98).

Изучать интернет-аудиторию России начали со второй половины 1990-х годов, когда число пользователей Интернета превысило полмиллиона человек. Данные о социальном составе интернет-аудитории в России в настоящее время в целом свидетельствуют о следующем.

Во-первых, это молодые, образованные и обеспеченные в материальном плане пользователи интернет-сети — привлекательный объект внимания организаторов массовых групповых образований по самым разным основаниям (включая протестные).

Во-вторых, совокупное политическое, экономическое и культурное влияние этих пользователей интернет-сетей в разы превышает их долю влияния в общем населении страны.

В-третьих, динамичность и открытость интернет-аудитории позволяет успешно представлять в Сети и реализовать идеи и убеждения, которые не нашли бы поддержки у большинства населения.

«Иными словами, есть основания говорить о том, что состав аудитории и технические возможности превращают Интернет

в уникальную среду с совершенно новым уровнем свободы, открытости и коммуникации» (Лобза, 2002, с. 222). Эти данные имеют важные следствия для использования интернет-технологий в воздействии на массовое сознание и поведение массовых групповых образований¹.

Другой вопрос: почему лидеры протестных движений идут в Интернет? И что получает интернет-аудитория? Первым политиком, который обзавелся собственным сайтом в Интернете, был Б. Немцов. В мае 1998 г. в Сети возник веб-сайт Б. Ельцина, потом С. Кириенко. Затем эти технологии стали использовать и лидеры протестных движений. Преимущество этих технологий — «эффект массовости», возможность воздействовать на массовое сознание населения и создавать образы политической власти и сопротивления ей.

Интернет делает возможным получение информации из «первых рук» (хотя эти «первые руки» могут быть вторичными) и придает ощущение причастности к событиям рядовому населению (что является важнейшим психологическим фактором воздействия Интернета на массовую аудиторию — феномен психологического соучастия).

Можно констатировать, что интернет-события (компромат, политические провокации и т. п.) получают известность и значимость тогда, когда эти события начинают отражаться в традиционных СМИ и становятся известны большим целевым аудиториям.

Выделим ряд аспектов использования Интернета:

- возможность организации массовых мероприятий и групповых выступлений через социальные сети Интернета, минуя официальные каналы;
- возможность прямой трансляции идейных, религиозных и других ценностных представлений, включая оппозиционные (и провокационные), для мобилизации протестных движений, минуя официальные каналы;
- необходимость для властных структур государства управления этими процессами в интересах стабильности функционирования государства в новых условиях.

¹ Важными в этом отношении являются технологии «Модель провокации», «Модель провокационного шума», «Открытого диалога», когда интернет-события подкрепляются и получают соответствующую интерпретацию в традиционных СМИ. Это известные информационные технологии воздействия на массовое сознание и поведение населения, используемые и лидерами протестных движений.

В этой связи для социальных психологов возникает двуединая проблема:

1. Что можно предложить властным структурам с позиции психологической науки в глобальном противодействии двух основных парадигм развития цивилизации — западной и национальной?

2. Какие стратегии будут адекватным ответом на надвигающийся глобальный кризис развития современной цивилизации и что в этой связи может предложить психологическая наука?

Китай проблему доступа к Интернету решил кардинально. В России пока превалируют другие тенденции. Но это не изменяет главного геополитического вопроса: либо Россия будет следовать тысячелетним традициям в своем развитии как суверенный субъект истории, либо она будет поглощена и растворится как географическое пространство под воздействием западного мировоззрения.

Новая проблематика, возникающая на пороге тысячелетий и связанная с использованием интернет-технологий в воздействии на массовое сознание и поведение массовых групповых образований, пока не стала объектом профессионального внимания и исследований представителей социальной психологии (в отличие от западных исследователей).

Глава 9

Геополитические условия проявления мотивации массового поведения и использования интернет-технологий в современном мире

Психология массового поведения людей и управления ими — это вторичный аспект в геополитическом противостоянии «основных игроков» современной цивилизации. Все глобальные исторические субъекты используют технологии управления массовым сознанием людей для своих интересов, в том числе в современных условиях и через Интернет.

Основные геополитические споры в начале XXI в. ведутся вокруг будущего устройства мира — это или унификация и денационализация национальных государств в связи с современными тенденциями глобализации, или сохранение социокультурной идентичности суверенными субъектами. Б. Ключников утверждает: «Великие нации сталкиваются с реальной перспективой уйти с исторической арены, растворится в пришельцах, в других, часто антипатичных этим этносам, сменить язык, растерять остатки веры, все генетические коды, лишить своих внуков истории и будущего» (Ключников, 2013).

Приведем результаты опросов населения, проводимых во многих странах. Первое место по числу людей, озабоченных проблемой, заняла иммиграция — более 1/3 опрошенных респондентов. Второе место — тревоги, связанные с последствиями исламского терроризма и экстремизма — 25%. Третье место — преступность — 17%. Кризис — 16%, рост цен — 14%, безработица — 13%, мультикультурализм — 12%, враждебная правящая элита — 11% (Ключников, 2013, с. 102).

Исследователи задаются вопросом: не превратится ли отвержение мультикультурализма в патологический национализм, в подобие фашизма? Приведем данные английских исследовательских центров. Опубликованный доклад (2011), в котором были проанализированы десятки тысяч интернет-опросов, партий и движений по всему миру, поддерживающих националистические идеи, показал следующее: 63% — это молодые люди до 30 лет, 75% — мужчины, образование — среднее и высшее, 14% из

них — безработные, 32% — состоят в различных париях, 80% — не доверяют правящим властям и партиям (The Rise of Populism in Europe, 2011).

Националистов (или шире — людей, ориентированных на национальные интересы отечества) объединяет протест против мультикультурализма, против глобализации «по западному образцу и по-американски» и ее последствий для народов (см., напр.: Кольцова, Соснин, 2005). Самой влиятельной европейской организацией этого направления является «Национальный фронт Франции», ее приверженцы ставят вопросы: кто подвел европейцев к краю пропасти? почему национальное государство не защищает нацию? почему забота о сохранности нации объявляется противоправной, ксенофобией, узколобым национализмом, а не патриотизмом?

Современная геополитическая ситуация в мире: тенденции и перспективы развития цивилизации

Современный мир, как утверждают многие аналитики, испытывает состояние «бифуркации»: «...человечество находится в транзитном состоянии, не имея четкого видения своего будущего; не сформированы целевые установки развития, философия и смысл жизни, система духовно-нравственных ценностей» (Россия в XXI веке, 2012, с. 5).

«Геополитический анализ истории России с неизбежностью ведется вокруг линии “Запад — Восток” с концентрацией внимания на проблеме ее культурно-цивилизационной самобытности, которая и определяет дальнейшие исторические перспективы нашего государства» (Артюхин, Снигирев, 2009, с. 56–67).

Анализ высказываний отечественных мыслителей по поводу русской геополитической традиции, ее культурно-цивилизационного направления (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, Н.А. Бердяев, Г.В. Вернадский и др.) однозначно показывает, что русские философы рассматривают Россию как особый культурно-исторический тип цивилизации, как особый социокультурный мир. И главной опасностью для России они считают отрыв от своих национальных истоков (Артюхин, Снигирев, 2009, с. 58–59), а духовно-идеологической опасностью для страны — концепцию космополитизма.

Современные протестные движения в мире: базовые факторы мотивации поведения

В мире проявляются признаки отказа от миропорядка, претендовавшего на безальтернативность после распада Восточного блока и крушения СССР. Новый период развития цивилизации отмечен взрывом протестной активности масс. Миллионы людей в разных странах выходят на площади, требуя перемен. В некоторых государствах демонстрации проходят еженедельно. Центральные площади, на которых собираются манифестанты, стали символами народной борьбы — Синтагама в Африке, Пуэрто-дель-Соль в Мадриде, площадь Тахир в Каире, Украина и др.

Современные протесты приобрели всемирный масштаб. Только в один день, например 16 октября 2011 г., демонстрации против экономического неравенства прошли в 850 (!) городах Европы, США, Канады, Австралии и Японии.

Участников вдохновляют разные идеалы. Но общий политический и психологический знаменатель очевиден: рядовых людей — американцев, греков, арабов, украинцев и русских — не устраивает сложившийся порядок вещей. Они требуют перемен.

Важно зафиксировать ряд положений.

1. Современные протестные движения носят глобальный характер.

2. Они порождены кризисом капиталистического устройства мира.

3. Попытки найти решения проблем локально — путем политических уступок или силового подавления «несогласных» (как в Сирии, в Украине) в принципе обречены на неудачу.

М. Хазин (2012) утверждает: «...Мир стоит перед ...радикальным сломом. По силе и размаху он неизмеримо превосходит сломы 1917-го и 1991 годов». Пытаться как-то извернуться и «починить машину, летящую в бездну», утверждает он, бесполезно.

Оснований исключать Россию из этой схемы нет никаких оснований. Рассуждения властных структур России о «стабильности» развития страны, как и патриотов Отечества о ее «особом пути», ситуацию не изменяют. Экономику, политическую систему, государственность современная Россия строит по рецептам Запада. Представление о современных протестных выступлениях в мире читатель может получить в аналитических исследованиях социолога и писателя А. Казинцева (Казинцев, 2013).

Проблемы и мотивация массовых протестных выступлений в России следующие:

- межнациональные и межконфессиональные отношения в стране (последний показательный пример — протестные выступления в Бирюлево);
- критический уровень обнищания основных масс населения (проблема ЖКХ, постоянно возрастающие налоги и т.д.);
- разъедающая страну коррупция;
- нарушения принципа справедливости в выборных кампаниях при формальном соблюдении этих принципов.

Во-первых, прежде всего, протестные выступления народа имели объективные причины (и они сохраняются). Это дисфункция политики властных структур в экономическом, в межнациональном и в межконфессиональном аспекте.

Во-вторых, естественно, власть не может обходиться без оппозиции. Но руководители оппозиционных движений должны нести свою долю ответственности при взаимоотношениях с властью.

Основные геополитические споры в начале XXI в. ведутся вокруг будущего устройства мира. Это — или унификация и денационализация национальных государств в связи с современными тенденциями глобализации, или возврат к их естественной функции — сохранению своей социокультурной идентичности и сохранению стран как суверенных исторических субъектов истории. Протестные движения в мире, наглядно иллюстрирует тенденции:

- крушение мультикультурной политики западных государств;
- необходимость введения законов, требующих учета национальной специфики в любом многонациональном государстве;
- требование учета диалога с протестными движениями;
- протесты населения против засилья транснациональных компаний и устройства мира по капиталистическому принципу.

Геополитические тенденции развития современного мира непосредственно связаны с психологией массового поведения людей (обоснованием причин и психологической мотивации поведения социальных движений).

Приведем выводы по анализу ситуации, проведенному политологом С. Батчиковым (Батчиков, 2014).

«Резкое обострение политической ситуации в Украине дает основания говорить если о не начале цивилизационной войны Запада против православного мира, то, как минимум, о резком

усилении внешнего давления... Сегодняшний вызов для русско-православного мира — это инспирированное и проплаченное Западом фактическое превращение Украины в зону боевых действий... Русско-православная цивилизация всегда находила достойный ответ на внешние вызовы, будь то смутное время, нападение Наполеона или вторжение нацистской Германии. Совершенный в Украине государственный переворот свидетельствует о том, что Запад не оставляет своих попыток. Неразрывно связанная с нами историческими, культурными и кровными узами Украина де-факто превращена Западом в плацдарм для военных действий против России» (Батчиков, 2014, с. 2).

Какие угрозы для будущего развития цивилизации (и России в том числе) несет глобализация по «лекалам» западной цивилизации?

Во-первых, это перестройка массового сознания и мировоззрения людей посредством жесткого воздействия современных средств манипуляции всей духовной сферой человека с применением информационных и социально-культурных технологий. Это мировая информационно-психологическая война.

Во-вторых, это ослабление или разрушение национальных государств с перехватом их легитимности (и компетентности) транснациональным корпорациям, наднациональным органам и организациям, подконтрольным Западу.

В-третьих, это мировая экономическая война, в которой применяются средства создания в национальных экономиках и в социальной сфере стран-противников управляемого хаоса. Это парадоксальное понятие предполагает, что в хаос превращается экономическая жизнь стран и культур жертв этой войны.

Какие же выводы следуют из вышеприведенных геополитических соображений для проблематики психологии массового поведения?

Во-первых, совершенствуются технологии управления хаосом. Значительный «объем» современного хаоса генерируется революциями и «квазиреволюциями», которые возникают «как бы из ничего». Их подоплека остается незаметной для массового сознания населения. К этому типу относятся «революции», порождаемые моментальными политическими повестками, — проигрышем или выигрышем какой-либо стороны на выборах. Мотивацией для массовых социальных движений и возникновения очагов хаоса в обществе является накапливающаяся «усталость» рядового населения от социальной несправедливости

(особенно от тотальной коррумпированности высших эшелонов власти).

Во-вторых, современные социальные процессы характеризуются исключительной скоротечностью. Информационные технологии, в первую очередь — Интернет и мобильная телефонная связь, позволяют осуществлять мобилизацию больших масс населения по любым поводам практически моментально, быстро и технологично манипулировать общественным сознанием.

Сегодня политологи и социальные психологи сходятся во мнении, что XXI в. пройдет под знаком противостояния «исламского фундаментализма» и «европейской цивилизации» (см., напр.: Соснин, 2012). Процессы, происходящие в исламском мире, напрямую затрагивают интересы Европы и США, России и Китая, Индии и стран Юго-Восточной Азии. Но в грядущем глобальном противостоянии Западу ислам и исламская цивилизация в целом — стратегический союзник как России, так и других стран с коллективистской мировоззренческой ориентацией.

Глава Русской православной церкви — Святейший Патриарх Кирилл — в своей речи на XVII Всемирном русском народном соборе сформулировал практически полную идейно-политическую программу развития России в XXI в.: «Является ли Россия особой, уникальной, самостоятельной цивилизацией, равной великой Западу, Индии или Китаю? На наш взгляд, ответ может быть только утвердительным. Едва ли у кого-то из людей, серьезно интересующихся философией истории, это может вызывать сомнения... Поэтому на вопрос, является ли Россия самостоятельной цивилизацией в семье крупнейших цивилизаций планеты, мы обязаны дать утвердительный ответ. Да, Россия — это страна-цивилизация, со своим собственным набором ценностей, своими закономерностями общественного развития, своей моделью социума и государства, своей системой исторических и духовных координат...

Особой национальной идеей, пронизывающей нашу историю и культуру на протяжении многих веков, является идея человеческой солидарности... Стремление к солидарности определяет весь путь развития России, связывая воедино разные эпохи. Солидарные ценности пронизывают все пространство отечественной культуры. Поэтому нашим проектом будущего должно стать солидарное общество как альтернатива обществу перманентного конфликта...

Мы отвергаем позицию тех, кто считает, что Россия должна быть страной только и исключительно для русских. Но мы также никогда не согласимся с теми, кто хочет видеть ее «Россией без русских», лишенной национального и религиозного лица, потерявшей чувство солидарности и единства. Подобный сценарий чреват катастрофическими последствиями не только для нашего государства, но и для всего мира...

Мы знаем: духовные и ценностные ресурсы, которые вручены нашему народу, нашей стране, и всей семье народов России, не раз определяли путь человечества на решающих исторических перекрестках, в осевые моменты времени. Так было прежде, так должно быть и в будущем» (Святейший Патриарх Кирилл, 2013).

И геополитические проблемы развития цивилизации являются базовыми факторами для понимания влияния интернет-технологий в глобальной борьбе основных геополитических субъектов истории. Борьба за умы и сознание больших масс населения — это борьба за дальнейшее развитие цивилизации: либо по проекту западной парадигмы развития цивилизации (унификация и уничтожение национальных перспектив), либо следование своим историческим традициям с сохранением ценностных приоритетов.

Глава 10

Интернет-технологии, сетевое общество и Россия в медиапространстве

Прежде чем обсуждать влияние современных интернет-технологий на социополитическую ситуацию в России, и в том числе на массовое сознание и поведение больших групп новых образований, необходимо, как представляется, высказать ряд общих соображений о возникновении информационного, сетевого общества в России и его влиянии на все социальные, экономические и политико-идеологические процессы. В научной литературе есть ряд базовых работ, посвященных развитию Интернета (см., напр.: Castells, 2004, 2009; Ling, 2008; и др.).

Информационные сети и сетевое общество: основные положения

Представим ряд основных идей об информационном обществе М. Кастельса, одного из первых ученых, который ввел в научный обиход сам концепт «информационное общество» и исследовал тенденции развития современной цивилизации на пороге третьего тысячелетия в различных сферах общественной жизни.

Коммуникационные информационные сети (виртуальные сети) — это контакты людей, которые созданы и рассредоточены во времени и пространстве (Monge, Contractor, 2003). Эти потоки сетевой информации, циркулирующие через каналы связи между индивидуальными пользователями, являются базовыми.

Сетевая коммуникация в Интернете определяется программой, которая задает цели и правила функционирования. Информационные сети могут конкурировать или сотрудничать. Сотрудничество основано на развитии связей между сетями. Конкуренция зависит от способностей одних сетей «преодолевать» функционирование других сетей.

Социальные сети Интернета включают новых пользователей и новые контакты в процессе социальной организации при от-носительной независимости от властных силовых центров.

Виртуальные сети, основанные на современных электронных технологиях, превратились в наиболее эффективную форму организации социальных связей, благодаря главным особенностям сетевых коммуникаций:

- гибкой мобильности и живучести,
- гибкости сетевых структур: они позволяют перестраиваться в соответствии с изменениями внешних параметров среды и с сохранением своих целей при изменении своих компонентов.

Все эти технологии и их возможности используются людьми (глобальными субъектами, государствами, различными социальными группами и индивидуальными пользователями этих сетей) для реализации конкретных целей: политико-идеологических, экономических и культурных, включая межличностные потребности.

Кратко обозначим взаимодействие властных структур и общества как субъектов взаимоотношений. Процессы должны рассматриваться с позиции двух параметров: с одной стороны, сохранение и укрепление властных полномочий государства, с другой — взаимодействие или сопротивление властным структурам на основе интересов, ценностей и перспектив основных масс населения, которые не представлены в политических структурах властей.

Коллективные массовые действия социальных движений в сетевых структурах Интернета имеют целью внедрить новые «инструкции» и «новые коды» в сетевые программы (Castells, 2004, р. 34).

В работе М. Кастельса «Власть коммуникации» (Castells, 2009) рассматривается общая проблематика власти как феномена в сетевой компьютерной цивилизации в начале XXI в. Приводятся выводы и обозначаются тенденции развития мировой цивилизации на перспективу в сетевом компьютерном сообществе. В работе приводятся обширные статистические данные состояния общественного сознания и психологических установок народов более 60 стран мира.

Сфера властных взаимоотношений в современном мире изменилась в двух аспектах:

- это проблема транснациональной глобализации, нивелирования культурных особенностей, с одной стороны, и сохране-

ния национальной и культурной самобытности государств как субъектов исторического процесса — с другой;

- кроме этого, властные структуры организованы и функционируют в сетевых структурах Интернета, несмотря на продолжающееся доминирование авторитарных структур управления.

В этой связи возникает вопрос: как властные полномочия реализуются в сетевых структурах, какие акторы включены в базовые структуры общества и во властные взаимоотношения? (Castells, 2009, p. 51).

Способности участников виртуальных сетей (и государств, и оппозиции в широком смысле) разрабатывать, обосновывать и транслировать властные установки генерируют основные цели сетевых программ, которые формируются в различных вариантах и культурных контекстах.

Это особенно важно в контексте глобальных сетей, поскольку культурное разнообразие мира должно быть преодолено, по мнению М. Кастельса, посредством метапрограмм на основе общей глобальной ценностной парадигмы. Другими словами, автор является сторонником создания глобальной культуры, которая объединит национальные культуры отдельных государств, но, как он утверждает, «...не подавляя их» (Castells, 2009, p. 51–53)¹.

Иначе, по мнению современных глобализаторов, есть потребность создавать глобальную культуру, которая внесет свой специфический вклад в «культурные идентичности» государств. Например, сторонники глобализации по западному сценарию С. Лаш и К. Лури (Lash, Lury, 2007) утверждают: для того, чтобы глобализация мира осуществилась и стала доминирующей, необходимо оценить различия отдельных культур и включить их в глобальную культуру.

Выразителями противоборства влиятельным тенденциям в сетевом обществе в настоящее время выступают представители социальных движений за глобальную справедливость, выразители альтернативных ценностей и интересов народов мира на локальном и национальном уровне.

¹ Но этот принцип глобализации в реальной международной политике и идейном противоборстве основных исторических субъектов означает доминирование цивилизационной парадигмы развития западной цивилизации, ориентированной на разрушение национальных идентичностей традиционных коллективистических государств, к которым принадлежит Россия.

Информационное общество, виртуальные сети и Россия в медиапространстве: современные тенденции

Аналитический обзор проблематики, связанной с развитием интернет-технологий в России представлен в работе Е. Вартановой «Русское сетевое общество» (Vartanova, 2004). Она отмечает, что концепт «информационное общество» в применении к российским обстоятельствам помогает лучше понять существующую ситуацию.

Основной конфликт, возникший на рубеже тысячелетий, вызван противоречиями политики центральной российской власти и необходимостью выживания страны, удовлетворения базовых интересов народа. Он связан с размерами страны, экономическими противоречиями, мультикультурной спецификой и тенденциями децентрализации.

Идея потенциала Интернета (в воздействии на массовое сознание и поведение больших социальных групп общества) была поддержана российскими интеллектуалами (учеными, журналистами, общественными деятелями, российскими либералами).

Однако упования представителей российской интеллигенции на прогресс в России в связи с развитием Интернета были связаны с признанием ведущей роли Запада — США, государств Европы и ряда государств Азии. В то же время они надеялись, что для пользователей России Интернет принесет ряд выгод и в политическом, и в социальном плане (в социальной коммуникации и в сфере межличностных контактов). Идея «взаимности», прямой коммуникации между государственными структурами и гражданами вызвала наивные политические представления и ожидания среди российской интеллигенции (Овчинников, 2002; Виртуальные надежды: состояние и перспективы политического Рунета).

Вот ряд соображений о динамике интернет-аудитории в России:

- рост Интернета сформировал определенные позитивные ожидания среди российских интеллектуалов;
- основная аудитория Интернета в российском обществе на рубеже веков насчитывала порядка 3–5%.

Политическая информация, распространяемая по сетям Интернета, остается, как утверждает Е. Вартанова, под жестким контролем государственных структур России.

Следует отметить необходимость защиты в СМК и Интернете национальной культурной идентичности народа России.

Интернет в России взял на себя роль политического коммуникатора в стране. Для политической российской элиты (особенно оппозиционной) возникают новые возможности манипуляции общественным сознанием и поведением людей.

Одна из причин, почему российские граждане отнеслись к Интернету с таким энтузиазмом, объясняется просто: возможности личных коммуникаций и общения без идеологических ограничений.

Студенты, школьники и активные профессионалы являются основными пользователями новой информационной среды. Частный бизнес, особенно банки и сервисные компании, представляют активную силу продвижения информационных технологий.

Глава 11

Интернет-технологии и социальные движения за глобальную справедливость

Развитие интернет-технологий в конце XX — начале XXI в. кардинально изменило ситуацию взаимодействия властных структур государств и населения стран в мире. Возможности Интернета позволили большим массам рядового населения стран мира объединяться и выступать против несправедливой политики властей за свои права и интересы.

Информационные сети оказались на рубеже веков намного эффективнее традиционных вертикальных иерархических структур управления и взаимодействия. Это стало наиболее очевидно в сфере коллективных выступлений больших масс населения стран мира в так называемых социальных движениях¹.

Теоретики информационных технологий отмечают рост глобальных информационных войн (Arquilla, Ronfeld, 2001; Clever, 1995), возникновение «электронной борьбы». Перед исследователями (и социальными психологами в том числе) стоит задача изучения конкретных механизмов, с помощью которых эта децентрализованная логика протестных движений в Интернете возникает, воспроизводится и трансформируется активистами.

Динамика возникновения оппозиции в сетевом информационном пространстве

Динамику протестных движений за социальную справедливость в виртуально-сетевых структурах Интернета можно рассматривать в аналитическом плане с трех позиций (Juris, 2004, p. 342):

¹ Начиная с протестных выступлений в Сиэтле в США в 1999 г., протестные движения и акции против различных государственных структур, протестные форумы по всему миру (Прага, Квебек, Барселона, Порто-Аллегре и т.д.), антиглобализационные движения поставили под вопрос принцип социальной справедливости в капиталистическом мире. Протестные выступления в странах арабского мира также демонстрируют эту тенденцию.

- сетевые структуры Интернета как технологии, способствующие активности протестных движений;
- сетевые структуры Интернета как организационная форма активности социальных движений;
- и сетевые структуры Интернета как политическая модель взаимодействия между активистами социальных движений.

Проследим логику становления глобальных движений за социальную справедливость. Движения за глобальную социальную справедливость возникли в виртуальных сетях как альтернативный политический проект, основанный на выражении различных форм борьбы (локальных и глобальных) против разрушительных тенденций корпоративной глобализации.

Во-первых, эти движения действительно глобальны. Осуществляя координацию и коммуникацию через транснациональные сети, активисты этих движений смогли принять участие в различных сферах международной политики государств и организованных кампаниях протеста в различных регионах мира. Например, кампании против североамериканского договора о свободной торговле (NAFTA), против многостороннего договора об инвестировании (MAI), межнациональный форум за гуманизм против неолиберализма, движение за глобальное сопротивление в Каталонии и т. д. (см.: Juris, 2004, p. 341–345).

Во-вторых, движения за глобальную справедливость являются информационными. Различные протестные тактики, организованные активистами этих движений, продемонстрировали визуальные образы протеста: массовые представления уличного кукольного театра, уличные карнавалы, силовые сопротивления действиям полиции и т. д.

Силовое насилие является еще одной формой символической коммуникации, примеры таких тактик распространяются глобальными сетями: воспроизводятся, трансформируются и поддерживаются традиционными СМИ на различных уровнях.

В-третьих, глобальные протестные движения организуются вокруг гибких децентрализованных сетей, отражающих доминирующую логику информационной среды. Практически они составляют различные сетевые формы, включая иерархические «повторяющиеся» модели и более децентрализованные конфигурации (многоканальные) на локальных уровнях.

Виртуально-сетевые практики организационных форм протестных движений

Интернет предоставляет не просто технологическую структуру социальным движениям. Их сетевая структура подкрепляет организационную логику политической активности. Что это означает?

Их децентрализованные гибкие сети составляют доминирующие организационные формы движений за глобальную справедливость.

Теоретики «Нового социального движения» (NSM) давно утверждают, что в отличие от централизованных вертикально интегрированных движений рабочего класса, движения феминисток экономические и студенческие движения организованы вокруг гибких дисперсных сетей (Cohen, 1985; Cohen et al., 2000; Collins, Randall, 2001; Gerlach, 2001; Diani, 1995; McAdam, 2003; Hine, 1970). В целом социальные движения — это комплексные культурные явления социальной активности, проявляющиеся во внутренней дифференциации, спорах и противоречиях различных сетевых движений.

Культурные противоречия движений, выражающие идеологию (антиглобализм или антикапитализм), стратегии (организация саммитов или локальные движения), тактики (насилие или ненасилие), как и организационные формы принятия решений (структурные решения или неструктурные, согласие или голосование) — это и есть культурная политика сетевых структур протестных движений. Противоречивая логика социальных движений зачастую приводит «к борьбе на поражение» в рамках общего обозначения «социальные движения за глобальную справедливость» (Juris, 2004).

Самоорганизация виртуальных сетей: социальные движения как возникновение политического тренда и культурного идеала

Интенсивное развитие виртуальных сетей — это не просто конкретная организационная цель. Это также важная культурная цель сама по себе. Самовоспроизводящиеся, развивающиеся и автономно управляемые сети становятся в определенном смысле культурным явлением и идеалом.

Этот идеал обеспечивает не просто эффективную модель политической организации протестных движений, но выступает также как модель реорганизации общества в целом. Доминирующую тенденцию, лежащую в основе многих социальных движений, можно охарактеризовать как анархическую или «либертанскую» (см.: PGA¹ — Network Organizational).

Классические анархистские принципы, такие как автономия, самоуправление, федеративное устройство, прямое действие, прямая демократия, являются наиболее важными ценностями радикальных движений за социальную справедливость. Сторонники социальных движений за глобальную справедливость, используя новые сетевые технологии и практики коммуникации, координации и самоорганизации, создают новые организационные формы на основе сетевых структур, которые представляются в качестве символов возникающего политического и культурного идеала.

Вместе с тем социальные движения за глобальную справедливость являются исключительно противоречивым социально-политическим феноменом. Так, сторонники марксистских и социально-демократических взглядов ратуют за возврат к национальному государству как центру контроля над глобальной экономикой. Другие движения поддерживают интернациональную форму глобализации снизу (см., напр.: Breche et al., 2000).

В этом случае транснациональные движения представляют возникающее глобальное гражданское общество. Активисты движений либеральных сетей Интернета рассматривают социальные движения как политическую альтернативу государству.

Многие активисты экологических движений и воинствующие сторонники антикапитализма делают акцент на локальных проблемах.

Другие разделяют взгляд на успех децентрализованных интернет-сетей как глобально координированных, автономно самоорганизующихся движений (Juris, 2004, p. 356).

То, что объединяет различных представителей социальных движений, — это стремление помогать людям устанавливать

¹ PGA (People's Global Action) — «Глобальная Акция масс» — это международная сетевая структура, которая была основана в 1998 г. стихийными движениями, принимавшими участие в межконтинентальной встрече за гуманизм против неолиберализма (Intercontinental Encounters for Humanity and Against Neoliberalism), организованной в Испании годом ранее.

демократический контроль над своей повседневной жизнью (Melucci, 1989).

Социальные движения, переходя от сопротивления и противодействия к альтернативным политическим проектам, вращаются вокруг двух форм участвующей демократии.

Одна форма основана и связана с политическим представительством во властных структурах. Другая — на гибкой координации и прямом участии в децентрализованных сетевых формированиях. Политические партии, профсоюзы и формальные организации гражданского общества действуют на основе представительской логики, а социальные движения функционируют как лоббистские группы, используя стихийное массовое давление на институциональные структуры, которые, в конечном счете, вырабатывают и обеспечивают выполнение политических предложений.

В этом отношении Дж. Джурис, видный исследователь глобальных социальных движений, высказал императивное пожелание: «Движения, партии и профсоюзы должны действовать вместе, каждая сторона должна участвовать, занимая свою нишу и выполняя различные, но взаимодополняющие роли» (Juris, 2004, p. 356).

Некоторые сетевые движения формулируют более радикальный проект — преодоление и рынка, и государства.

Прямые демократические формы деятельности оппозиции были исторически связаны с локальными (национальными) контекстами, новые сетевые технологии и практики способствуют появлению инновационных экспериментов с массовой демократией, координируемой на локальном, региональном и глобальном уровнях.

В этом смысле можно согласиться с мнением Джуриса: «...низовые сетевые структуры и движения можно рассматривать как “демократические лаборатории”, продуцирующие политические нормы и формы, наиболее приемлемые для информационной эры» (Juris, 2004, p. 357).

Глава 12

Психологическая проблематика экологических движений в мире: новая культура природы

Подавляющее большинство ученых, занимающихся проблематикой экологии, согласны с тем, что деятельность человека на планете является одним из основных факторов, влияющих на глобальные климатические изменения в мире. Возникли движения «зеленых», выступающих за сохранение природы. ООН инициировала и спонсировала программу межгосударственных исследований климата планеты (IPCC), которая завершилась 2007 г. (Rosenthal, Revkin, 2007).

Анализ истории возникновения глобальных социальных движений за сохранение климата на планете рассмотрен в ряде источников (Cushman, 1998; Burnett, Marshall, 2003; Kanter, Revkin, 2007; Weart, 2007).

«Позеленение» СМК

Как подтверждают многочисленные исследования, население формирует свое отношение к экологическим проблемам на основе информации, почерпнутой из СМК. Так, например, исследование, проведенное М. Нисбетом и Т. Майерсом в 2007 г. в США (Nisbet, Myers, 2007), показало следующее.

В первой половине 1990-х годов только 39% респондентов слышали что-то об экологических проблемах. К концу 1990-х годов подавляющее число населения (80–90%) было знакомо с проблемой потепления планеты. Отношение населения США к экологическим проблемам — важный индикатор озабоченности жителей планеты экологическими проблемами (Krosnick et al., 2006).

СМК и Интернет являются важными коммуникаторами формирования представлений населения о важности, актуальности и необходимости изменения отношения к климату планеты.

Информационно-сетевые параметры социальных экологических движений: психологические установки населения

Экологические движения в целом и мобилизация населения против глобального использования ресурсов планеты транснациональными компаниями способствуют привлечению общественного сознания населения к этим проблемам. Это вызвало к жизни экологические глобальные движения в мире. Главная мотивация этих движений — остановить коллапс климата планеты (см.: Stop Climate Chaos, 2008).

Другим важным событием в жизни экологов явилась организация в 2007 г. движения «Жизнь на земле» (Gore, 2008). Сайт этого движения получил поддержку пользователей порядка 2,4 миллиона человек (Reuters, 2008).

Книги, научные издания, журналы, СМК и другие каналы коммуникации внесли свой вклад в формирование нового экологического сознания населения.

Экологическая политика и психология изменения массового сознания населения во взаимоотношении человека с природой

Политики и ученые хорошо понимают проблему климата на планете, хотя мнения по этому вопросу самые разные (Horsley, 2007; Kelly, 2008; Wintour, 2008).

Дискуссии об экологии, инициированные социальными экологическими движениями, изменяют наше мышление и представления о природе, пространстве и времени нашего пребывания на планете.

Отношение российского населения к экологическим проблемам во многом индифферентное, не считая немногих молодых людей, подверженных этой пропаганде. По-видимому, это связано с менталитетом русского народа: большая территория страны, возможность использования неограниченных ресурсов. «Высшие положительные свойства русского народа, его религиозность, искание абсолютного добра, чуткость к искажениям добра злом и способность к высшим формам опыта, составляют основное содержание русской души... перечисленные основные добрые свойства русского народа сохраняются в нем и потому

можно надеяться... христианские основы русской культуры возродятся. Тогда миссия русского народа, о которой говорили Достоевский и Вл. Соловьев, будет успешно осуществляться в жизни человечества» (Лосский, 1990).

Примеры таких массовых выступлений в современной России имеются (массовые выступления за изменение маршрута газовой магистрали в районе озера Байкал, протестные выступления населения в связи с прокладкой автомагистрали в районе Химок и др.).

Глава 13

Социальные движения, массовые стихийные выступления и перепрограммирование интернет-сетей общества: проблема властных взаимоотношений

Рассмотрим подробнее проблематику социальных движений (как проблему массового поведения) с позиции взаимоотношений власти и общества (см.: Castells, 2009, ch.5).

Власть и властные функции основаны на контроле за коммуникационными процессами и распространением информации, будь то глобальная власть государства и медиакорпораций или властные возможности частных организаций общества. Власть, как утверждает М. Кастельс, больше, чем коммуникация, а коммуникация больше, чем власть (Castells, 2009, p. 10–53). Однако власть опирается на контроль коммуникации и информации, а власть оппозиции (пользователи интернет-сетей) зависит от преодоления контроля официальных сетей.

В целом в сетевом обществе борьба представлений и ценностей (как борьба за сознание и души людей) происходит в мультимедийной коммуникации виртуальных сетей. Как утверждает М. Кастельс, процессы социальных изменений в публичном пространстве сформировали два различных типа социальных движений и два типа массовой стихийной политики:

- 1) это экологические массовые движения;
- 2) это протест против глобализации, вызвавший к жизни сетевые социальные движения во всем мире с использованием Интернета как среды для организации давления на правительства и корпорации;
- 3) спонтанные (стихийные) массовые движения сопротивления политическим действиям властных структур, нарушающих нормы социальной справедливости. Эти движения зачастую способны трансформировать возмущение населения в массовые стихийные выступления, учитывая универсальность и маневренность интернет-структур и мобильную телефонную связь (Castells, 2009, p. 303).

Глобальные движения против корпоративной глобализации: сетевые связи как коммуникация

Начиная с 1990-х годов глобальные оппозиционные движения бросили вызов ориентации на корпоративную глобализацию (см.: Juris, 2008). Корпоративная глобализация понимается как приоритет рынков над сообществами и народами в процессе асимметричной либерализации рынков во всем мире. Она была инициирована клубом G-8, Мировой торговой организацией (WTO), Международным финансовым фондом (IMF), Всемирным банком и другими международными финансовыми институтами (Stiglitz, 2002).

Эти протестные движения были направлены против односторонней глобализации без социального и политического контроля со стороны национальных государств, более того — против специфической формы глобализации как непреодолимого исторического тренда развития цивилизации.

Перепрограммирование коммуникационных интернет-сетей в социальных движениях. Многоуровневые компоненты социальных движений против корпоративной глобализации были и являются и локальными, и глобальными. В целом они опираются на воинственно настроенных представителей локальных сообществ (внутри национальных государств). В то же время эти организации, так же как и тысячи индивидуальных активистов, мобилизующих протестные кампании, связываются по Интернету для обсуждения и организации коллективных действий. Более того, если протестная акция планируется заранее, интернет-сети являются главным инструментом для созыва тысяч локальных организаций и их сторонников, которые превращают локальный форум в интернациональный.

Например, В. Беннет, известный исследователь социальных движений, приходит к следующему выводу: «Многообразие использования Интернета и других технологических возможностей... (позволяет утверждать. — В. С.), что успех стратегий сетевой коммуникации ... и динамика этих сетей зависит от анализа, в котором все другие уровни (организационные, индивидуальные, политические) могут анализироваться наиболее согласованно» (Bennett, 2003; см. также: Bennett, 2004, 2009).

Сетевая интернет-практика социальных движений включает не только координацию действий и планирование. Они функционируют на трех разных уровнях — стратегическом, организационном и нормативном (Juris, 2008; Himanen, 2002; Levy, 2001).

«Самовоспроизводящиеся и развивающиеся сети социальных движений в Интернете и их самоуправление становятся культурным идеалом, обеспечивающим не только эффективность политической организации социальных движений, но также и реорганизацию общества в целом» (Juris, 2008, p. 15).

Массовые стихийные движения: мобилизация сопротивления протестных движений и сетевая коммуникация

Гнев, раздражение и ненависть — это наиболее значимые эмоциональные состояния человека, лежащие в основе многих протестных движений, так как эти состояния уменьшают восприятие риска и увеличивают вероятность рискованного поведения. Более того, состояние гнева и раздражения увеличивает вероятность противоправных действий массовых стихийных движений.

Существование в мире 35 миллионов мобильных телефонов (на период 2008 г.) означает, что можно быстро организовывать связь с любым абонентом по всему миру в режиме реального времени.

Массовые стихийные движения и сетевой индивидуализм. Мобильная телефонная связь стала фундаментальной средой коммуникации современного общества и инструментом вмешательства в массовые стихийные движения протеста (Castells et al., 2006a, 2006b).

Существуют социальные движения, возникающие из столкновения двух культурных моделей: индивидуализм и групповая ориентация. Эти социальные движения в социальных сетях Интернета реагируют на нарушения социальной справедливости и трансформируют сетевой протест в актуальные действия (Tuomi, 2002; Wenger, 1999; Wenger, Synder, 2008).

Эти концепции позволяют понять практику сопротивления социальных движений как протест против нарушений социальной справедливости властными структурами.

Интернет-технологии и мобильная телефонная связь, воспринимающиеся как технологии свободы, в действительности не являются абсолютно свободными. Правительства, партии, корпорации, группы интересов, религиозные структуры, преступные организации имеют те или иные преимущества (того или иного масштаба) в коммуникационных процессах. Более того, несмотря на расхождение интересов этих социальных субъектов, существует общая цель — укреплять «либеральный потенциал» интернет-сетей.

Глава 14

Интернет

и политические процессы в обществе: от политики традиционных СМИ к психологии интернет-технологий

Интернет и проблема демократии — утопии и реалии

Никогда в истории человеческой цивилизации не были так сильно распространены в мире принципы демократического устройства общества, как в настоящее время. Однако имеющиеся свидетельства указывают на возрастающий кризис политического устройства государств. Это кризис легитимности правительств, парламентов и политических партий в большинстве стран современного мира, включая Соединенные Штаты и Западную Европу (Castells, 2004). Поскольку Интернет в настоящее время рассматривается многими аналитиками как основная технология свободы (хотя объективно это не так), его распространение среди рядовых граждан приветствовалось и считалось инструментом для «исправления» ограничений в выражении политических мнений рядового населения.

В то же время этот кризис обозначил и озабоченность трезво мыслящих ученых, политиков, общественных деятелей.

Взгляды на эту проблему были выражены еще в 1984 г. в работе одного из ведущих политических теоретиков — американского ученого Б. Барбера (Barber, 1984).

Спустя 14 лет он привлек внимание общественности к искажению качества публичных политических дебатов и демократическому принятию решений в пространстве новой информационной среды, «перенасыщенной» противоречивыми тенденциями (Barber, 1998).

Его аргументы сводились к следующему. Интернет действительно может быть платформой для интерактивного массового

участия рядовых граждан в политических процессах. С другой стороны, любая политическая (и социально-психологическая технология) — и это особенно справедливо для Интернета — зависит от ее использования, и от ее пользователей. Бюрократические политические структуры обычно стремятся использовать Интернет как «доску объявлений» или как «оповещение о программе» для односторонней коммуникации. Недовольство рядовых граждан политикой властей, как правило, проявляется в Интернете в издевательствах над политиками и призывах к выражению альтернативных политических ценностей. Кроме этого, активность граждан может находить в Интернете среду коммуникации для обхода фильтров официальной политики, подчеркивая свою коллективную автономию.

По мнению ряда аналитиков, влияние Интернета на политические процессы и на «качество демократических процедур» в обществе должно устанавливаться на основе реальной оценки политических интернет-процессов (см., напр.: Sey, Castells, 2004).

Во-первых, Интернет — это, конечно, мощный инструмент независимого массового выражения политических взглядов граждан за пределами формальной политической системы (см., напр.: Hague, Loader, 1999; Norris, 2001).

Во-вторых, исследования, проводимые по воздействию влияния Интернета на массовое политическое поведение масс населения, показывают, что большого эффекта интернет-процессы на политическое участие граждан в официальной политике (например, в голосовании) не оказывают (см., напр.: Vamber, 2003)¹.

В-третьих, исследователи высказывают обоснованное мнение, что существуют положительные корреляции между политическими заявлениями граждан в информационной среде Интернета и их участием в политических процессах (см., напр.: Norris, 2000).

И, наконец, в-четвертых, предлагаемые схемы электронной демократии и электронного голосования были почти повсеместно отвергнуты во всех странах.

Действительно ли Интернет играет существенную роль в процессах выборных кампаний и создает новые формы полити-

¹ Это, конечно, не означает, что пользование больших масс населения Интернетом не влияет на их мобилизацию и участие в протестных движениях разного толка.

ческих дебатов в обществе и массового участия граждан в этих процессах? Влияют ли интернет-процессы на реальное участие политиков в политических процессах? Появляются ли новые возможности массовой политической мобилизации граждан и другие формы политических дискуссий в Интернете в отличие от односторонней коммуникации традиционных СМИ?

Это вопросы, требующие содержательного объяснения исходя из новых социополитических трендов информационного общества.

Интернет и его использование в политических процессах

В начале XXI в. Интернет уже не является каким-то экзотическим инструментом для использования в политических процессах.

Первое, что делают кандидаты, объявляя свое участие в выборах кампаниях, – они заводят свой веб-сайт в Интернете. Парламенты и государственные структуры стран во всем мире постепенно двигаются в этом же направлении, устанавливая свою активность в режиме on-line.

Однако, несмотря на экспансию политической коммуникации в режиме on-line в Интернете, реальных изменений в поведении формальных политических структур оказалось не так много, как утверждают некоторые аналитики. Возникшие ожидания рядовых граждан в сфере взаимодействия с официальными государственными политическими структурами при возникновении Интернета оказались не совсем оправданными (Norris, 2000, 2001; Johnson, 2003; Levine, 2003). Пользователи Интернета, как считают некоторые аналитики, не способны найти нужную политическую информацию для принятия обоснованного политического выбора (см., напр.: Browning, 2001; Levine, 2003; Simon, Corraly, Wolsferberger, 2002).

Политики в целом также достаточно критично относятся к возможностям Интернета в организации своих выборных кампаний, хотя стремятся использовать возможности Интернета максимально. Но это во многом зависит от профессиональной компетенции советников кандидата, т. е. его политтехнологов.

Ограничения возможностей Интернета в официальных политических процессах

В целом не так много политиков считают Интернет достаточно эффективным инструментом для использования в своих политических целях (Browning, 2001, р. 13). Дело в том, что пользователей Интернета в России, как отмечалось выше, не так много. И это основное ограничение для использования Интернета в выборных кампаниях.

Проанализируем роль Интернета в следующих политических процессах:

- возрастающее использование прямых способов политического участия больших масс населения в Интернете;
- протестное выражение несогласия с официальными позициями властных структур;
- реальные протестные выступления граждан, озабоченных нарушениями процедур выборных кампаний;
- дисфункции межнациональной и межконфессиональной политики и т.д. (см., напр.: Соснин, 2012; Browning, 2001; Wolfensberger, 2002).

Существующие представления о влиянии Интернета на массовое поведение людей (и их политическое поведение) можно объяснить в целом, как утверждают аналитики, восприятием Интернета гражданами как инструмента получения независимой от властных структур информации для принятия самостоятельных решений (Agre, 2002; Anderson, 2003).

Политическая парадигма — модель управления типа «взаимодействие государства/граждан с односторонней коммуникацией сверху» — пока доминирует в политической практике официальных политических структур государства. И эта парадигма во многом определяет протестное поведение больших масс населения в принципе ввиду невозможности выражения своих самостоятельных суждений при формальной свободе выражения своих политических взглядов (см., напр.: Chadwick, May, 2003). Это мотивирует обращение населения к возможностям Интернета для выражения своих политических предпочтений. Более того, как показывают наблюдения, политики заранее просчитывают «...раздражающий обмен информацией среди своих политических конкурентов, между их штабами и рядовыми гражданами, которые объективно ограничены в своем выборе... и теряют способность делать независимые самостоятельные суждения» (Stromer-Galley, 2000).

И хотя дополнительные возможности Интернета состоят в его интерактивности и потенциале автономной коммуникации, политическая система государства, имеющая контроль над политическими посланиями обществу, будет использовать потенциал Интернета для контроля и проведения политических коммуникаций. С другой стороны, чем в большей степени политические процессы основываются на постулатах гражданской автономии, тем более Интернет способен дать гражданам возможность политической мобилизации и организации своего коллективного массового политического поведения.

Интернет как информационная среда политической и психологической активности населения

Потенциально Интернет предлагает два уровня автономии для граждан.

Во-первых, пользователи Интернета имеют доступ к более широкой информации независимо от традиционных СМИ. Интернет дает свободу своим пользователям формировать собственные информационные сети независимо от новостных сообщений традиционных СМИ (Sey, Castells, 2004, p. 369).

Во-вторых, Интернет дает возможность пользователям осуществлять взаимодействие/воздействие/коммуникацию между собою без вмешательства политиков. Тем самым Интернет обеспечивает каналы организации потенциальных политических действий для пользователей виртуальных сетей (Coleman, Hall, 2001).

В этой связи возникает вопрос: возможно ли эти тенденции изменять к более формальной политической активности, т.е. проводить взвешенную политику в поддержку официальных кандидатов, которые восприимчивы к on-line активности (Ishikawa, 2002, p. 331–345).

В целом Интернет дает возможность гражданам, стремящимся к автономии, использовать его как информационную среду, позволяющую высказывать свои политические взгляды и делать самостоятельный политический выбор. Если граждане не удовлетворены действиями политиков (и вообще политикой), то Интернет начинает использоваться политическими активистами

для самостоятельной политической репрезентации (Sey, Castells, 2004, p. 371–375).

Проблематика психологии массового поведения находится не стыке и политико-идейных проблем, и политологии, и социологии. Социальная психология массового поведения — это междисциплинарная проблема. В последнее десятилетие СМК превратились в основное информационное пространство. Основную социальную (в том числе и политическую) информацию рядовые граждане получают из СМК, особенно из ТВ и Интернета.

Граждане на основе своих политических представлений и мнений в сравнении с информацией, предоставляемой СМК, определяют мотивацию, решают и делают выбор своего социального и политического поведения (см., напр.: Dahlgren, Sparks, 1997).

Это не означает, что люди слепо следуют рекомендациям, которые излагаются в СМК. Они реагируют на информацию СМК, исходя из своих собственных восприятий, ценностей, интересов и представлений. Это известная парадигма поведения.

Однако тот факт, что СМК формируют основу политических взглядов населения и политических дебатов в обществе, несомненно, имеет важные следствия для динамики политических процессов в обществе.

Осуществление политики в информационном пространстве имеет свой собственный язык и правила:

- упрощение политических посланий,
- формирование социально-психологического образа политика,
- использование политических скандалов и компромата в политической борьбе (см., напр.: Соснин, 2012; Thomson, 2000).

Проявление протестных движений и их активность — это «основная территория» Интернета как политической информационной среды.

Когда политически активные рядовые граждане, члены общественных низовых организаций не находят позитивного отклика со стороны политических структур государства, они начинают искать альтернативные пути для выражения своих политических амбиций. И Интернет становится информационной политической платформой для автономных политических проектов и политического выбора граждан.

Интернет инструментален как информационная система. Политические интернет-сети организованы и ориентированы на действия, на практическое достижение политических целей. Естественно, во всех этих политических интернет-процессах

есть руководители (или «кукловоды»). Именно поэтому важно понимать, как эти интернет-процессы развертываются в двух направлениях, которые воздействуют на политическую систему государства: это деньги и политическая активность «спонсоров».

Эту тему схематично можно обозначить следующим образом с позиции западных «как бы независимых и объективных» сторонников информационного общества»¹. Традиционная схема политических выборов в СМК очень затратная в финансовом аспекте. А политические кампании в информационном интернет-пространстве, наоборот, по мнению сторонников информационного общества, не так затратны для потенциальных кандидатов, поскольку возникает масса индивидуальных пожертвований. Интернет — это технология и инструмент развития современной цивилизации, вступившей в информационную эпоху. И он может эффективно использоваться и в политических процессах².

Но нельзя считать Интернет только современным позитивным изобретением человечества.

В то же время Интернет — это арена геополитической борьбы. И если забывать об этом, Россия окажется проигравшим субъектом истории.

¹ Интернет можно рассматривать как инструмент геополитической борьбы субъектов исторического процесса.

² Хотя возможности Интернета позволяют использовать его не только в политических целях. Это так называемая проблематика “crowdsourcing” — современная технология использования потенциала массового поведения в позитивных целях — решения многих проблем современного общества.

Глава 15

Массовые групповые образования подросткового поколения: Интернет и современные исследования

Интернет оказывает значительное влияние на массовое сознание подрастающего населения и на формирование его ценностных представлений, в том числе на его массовое поведение. Существуют групповые образования подросткового поколения, в том числе протестные, на которые необходимо реагировать, в частности, правоохранительным структурам (Cross, 2008; Cross, Fletcher, 2009).

Влияние Интернета на психологию подрастающего поколения: психологические следствия воздействия виртуальной среды на психику человека

В Институте психологии РАН в 2008–2009 гг. проведено исследование «Информационное пространство личности в современном мире: психологические тенденции и вызовы времени» по программе фундаментальных исследований «Россия в глобализирующемся мире». Были получены следующие результаты.

Очевидно, что глобальное информационное пространство современных сообществ таит в себе не только преимущества, но и определенные угрозы. И по мере его развития эти угрозы могут усиливаться. Именно эти особенности в соотношении с источниками информационно-психологических угроз должны учитываться при анализе форм, феноменов и последствий (в первую очередь негативных) процесса информатизации и виртуализации повседневности, характерных для информационного общества.

В каких же формах реализуются информационно-психологические угрозы? В самом общем виде эти угрозы могут быть представлены в следующем виде:

- причинение вреда здоровью человека;

- блокирование на неосознаваемом уровне свободы волеизъявления человека, искусственное привитие ему синдрома информационной зависимости;
- утрата способности к политической, культурной, нравственной самоидентификации человека;
- манипуляция общественным сознанием;
- разрушение единого информационного и духовного пространства государства, традиционных устоев общества и общественной нравственности, а также нарушение иных жизненно важных интересов личности, общества и государства.

Рассмотрим примеры влияния информационной технологий и виртуальной среды на психику человека в контексте указанных форм негативных воздействий на примере телевидения, мобильных телефонов, Интернета, компьютерных игр. Данные о роли телевидения и его влиянии на здоровье и психику человека в целом представлены в книге М. Спитцера «Берегитесь телевизионных экранов». Автор утверждает, что обнаружил прямую корреляцию между временем, которое пациенты проводят у телевизора, и уровнем смертности от ожирения, повышенного давления, диабета и повышенного уровня холестерина. У людей, привязанных к телевидению, не хватает времени для того, чтобы заниматься спортом или какой-либо двигательной деятельностью. У них вырабатывается привычка есть перед экраном, что приводит к ожирению и преждевременной смерти. По подсчетам М. Спитцера, ежегодно в Германии, население которой составляет около 80 млн. человек, 20 тыс. любителей телевидения гибнут из-за приобретенных болезней.

Телевизор для современного человека стал практически основным источником информации, познания окружающей действительности. По данным ряда специалистов, в среднестатистической семье телевизор работает до 7 часов в сутки (Дроздов, 2001). Люди часто сами оценивают свою погруженность в СМИ как чрезмерную, иногда вредную. Проводимые исследования однозначно фиксируют, что значение влияние книг и особенно школьных учителей упало именно в последние годы. Книгу все чаще заменяют компьютер и телевизор. В то же время за нравственный контроль над содержанием телепрограмм выступают около 80% опрошенных молодых людей, а 59% считают, что современные российские СМИ не способствуют формированию качеств гражданина и патриота. По их мнению, СМИ, в первую

очередь, пропагандируют деньги (59%), а ценности семьи (22%), справедливости (8%) и веры (7%) — в последнюю (Семенов, 2004).

Статистические исследования М. Спицера основаны на изучении ежедневных привычек 15 000 детей в странах Европейского Сообщества. Хотя большинство его респондентов живут в Германии, кризис аналогичного масштаба наблюдается и в других европейских странах.

Профессор М. Спицер пишет и о разрушающем воздействии телевидения на ментальные способности людей, особенно детей. «У детей, которые постоянно смотрят телевизор, очень ограниченный кругозор. У них нет никакого стимула к развитию, отсутствует такое необходимое в реальной жизни качество, как гибкость ума. Когда дети становятся взрослыми, у них атрофируются все чувства, они совсем иначе ощущают вкус и запах. Как результат, такие люди покупают нездоровые продукты из того разряда, которые постоянно рекламируются по телевидению. Привычка с раннего детства смотреть телевизор в более позднем возрасте приводит также к рассеянности, депрессии, а иногда и к немотивированной агрессивности» (Spitzer, 2005).

Потенциальная опасность мобильных телефонов для человеческого здоровья стала предметом дискуссий с тех пор, как это средство связи было изобретено, поскольку излучение, создаваемое ими, воздействует на мозг и область шеи. В конце 2006 г. ученые получили данные, что использование мобильного телефона, по крайней мере, не может быть причиной онкологических заболеваний. Такой вывод был сделан по итогам крупнейшего исследования, проведенного датскими специалистами. Они обследовали 420095 пользователей сотовой связи, которые впервые приобрели мобильники с 1982 по 1995 гг.

Однако никакой связи между длительностью использования телефона и риском возникновения опухолей ученые не обнаружили. Вместе с тем новостные ленты в сентябре 2007 г. сообщили: исследования, проведенные ТЕС (Telecom Engineering Centre), показали, что частое использование мобильной связи влечет за собой замедление интеллектуального развития детей.

Руководствуясь этими результатами, правительство индийского штата Карнатака издало закон, запрещающий использование сотовой связи лицами, не достигшими 16 лет. Кроме того, салонам мобильной связи теперь не разрешается продавать подросткам мобильные телефоны, а учителям разрешается безвозвратная конфискация телефонов при их обнаружении у школь-

ников. Отметим, что, по мнению учителей, мобильные телефоны отвлекали учащихся от учебного процесса.

Психологи выявили феномен «постоянной связи», состоящий в потребности человека долговременно быть на связи с помощью мобильного телефона. Люди, подверженные подобному «коммуникационному недугу», не расстаются с мобильным телефоном ни на секунду. Они или сами постоянно звонят, или принимают звонки от других абонентов в инициативном порядке (например, навязывая общение по типу: «Освободишься — позвони», даже если этот звонок не является необходимостью).

Подобные влияния имеют и виртуальные игры.

Так, гоночные симуляторы (автомобильные компьютерные игры и подобные им) способны оказывать сильное влияние на наше поведение за рулем в реальной жизни, утверждают исследователи. Был проведен опрос тысячи молодых людей, проходящих обучение в BSM (крупнейшая автошкола Великобритании) и увлекающихся компьютерными играми. Выводы оказались неутешительными. 27% респондентов в возрасте от 16 до 24 лет согласилась, что, сев за руль после сеанса игры, они водят автомобиль менее аккуратно, а треть из всех, принявших участие в опросе, ездит на повышенной скорости.

Достаточно много данных свидетельствуют о том, что виртуальность все чаще замещает реальную действительность. Например, все больше общественных организаций переходит в Интернет. В Сети можно почитать книгу, не ходя в библиотеку, посмотреть фильм, не посещая кинотеатр, и даже получить консультацию врача.

Вот еще более шокирующие данные. В январе 2007 г. появилась информация об исследованиях, проведенных компанией Kelton Research в США. В соответствии с полученными результатами, компьютеры и мобильные телефоны постепенно приходят на смену общения между членами семьи. Так, из 1001 опрошенного 65% признались, что больше времени проводят в компании своего ПК, а не с супругами. При этом 84% респондентов заметили, что за последние три года стали больше зависеть от компьютера.

Происходит своего рода персонификация компьютера в качестве не просто собеседника, но и как одушевленного собеседника, такого же, как реальный человек. Таким образом, можно говорить не просто о зависимости человека от техники, но о фор-

мировании своеобразной формы аддикции (психологической зависимости).

Новейшие информационные технологии и устройства оказывают влияние и на систему социальных отношений в обществе. Так, согласно исследованию, проведенному GfK NOP и опубликованному в начале 2007 г., ультрасовременные гаджеты являются настоящей угрозой для личных отношений.

Доказательством значительного влияния информационных технологий на поведение человека являются данные, опубликованные в конце 2006 г. исследовательской компанией 72 Point. Проведенный опрос показал, что около 75% людей хотя бы раз в день говорят по телефону неправду, лгут в SMS-сообщениях или e-mail. Больше половины опрошенных респондентов отметили, что им просто легче соврать по телефону, чем при личном общении. Из 1487 участников исследования в этом признались 67% респондентов. Причем больше всего люди любят притворяться больными (43%). Еще 23% респондентов говорят начальству, что работа выполнена, хотя на самом деле это не так, а 18% лгут, чтобы скрыть свою ошибку.

По результатам опроса, проведенного аналитиками из Jupiter Research на выборке более 5000 тыс. жителей Великобритании, Франции, Германии, Италии и Испании, оказалось, что время, которое они тратят на путешествия по всемирной паутине, превосходит время, которое они посвящают чтению газет. Если на печатные издания уходит около 3 часов в неделю, то на Интернет — около 4.

В США складывается еще более удручающая картина. По данным той же компании, американские респонденты проводят в Сети по 14 часов в неделю, т. е. почти два рабочих дня, столько же они смотрят телевизор, а вот газеты читают только 3 часа в неделю.

Таким образом, в современной науке накоплен достаточно большой массив данных, подтверждающих, что современная информационная среда не только свидетельствует о торжестве разума человека, его творческих, технологических прорывах, но и представляет собой потенциальную опасность для психики человека, особенно для подрастающего поколения.

Если такие потенциальные угрозы психическому благополучию и психосоматическому здоровью человека содержатся непосредственно в самих современных информационных технологиях, то их опасность во много раз возрастает в случае целенаправ-

ленного использования. Соответственно, их манипулятивные возможности превосходят все традиционные способы манипулирования индивидуальным и общественным сознанием.

Групповые образования подрастающего поколения: история и современные тенденции

Данные исследований свидетельствуют о том, что в школьной среде (Brown, Lohr, 1987; Downs, Rose, 1991; Kinney, 1999; Schwendinger, Schwendinger, 1985) образуются и функционируют неформальные группы, которые исследователи обозначают как подростковые толпы (adolescent crowds).

В исследовательской литературе существуют большие разногласия, как определять понятие «подростковая толпа».

Некоторые исследователи определяют ее «как групповое неформальное образование подростков (школьников), идентифицирующих себя как группу на основе интересов, установок, способностей и/или общих психологических характеристик» (Brown, Mory, Kinney, 1994).

Другие авторы определяют подростковую толпу «как объединение школьников, идентифицирующих себя на основе взаимодействия и социальной активности» (Dunphy, 1969).

Третьи отстаивают позицию, что формирование подростковых неформальных школьных групп основано на понятии школьного авторитета (Urberg, 1992; Urberg et al., 1995; Urberg et al., 2000).

Поскольку проблема определения неформальных групповых образований школьников освещается исследователями достаточно противоречиво, С. Суссман с соавт. предложил для обозначения «подростковой толпы» использовать термин «идентификация подростковой группы сверстников» (Sussman et al., 2007).

В целом проблема определения групповых неформальных объединений в школьной среде — это серьезная проблема для исследователей в сфере педагогической психологии (см.: Cross, Fletcher, 2009).

Выделим проблематику возможного массового поведения подрастающего молодого поколения, которая должна стать предметом анализа для социальных психологов и правоохранительных структур.

Исследования свидетельствуют о том, что подростки (школьники) в различных неформальных групповых образованиях (подростковых толпах) имеют ряд характеристик:

- поведение с риском для жизни и здоровья (Dolcini, Adler, 1994);
- использование наркотиков и предпочтений агрессивного группового поведения (Sussman et al., 2000; Sussman et al., 2007);
- психологическое приспособление к условиям жизни (Barber et al., 2001; Heaven et al., 2008);
- влияние и давление на окружающих сверстников (Clasen, Brown, 1985);
- ориентации на успехи в своем образовании (Brown et al., 1993; Heaven et al., 2008);
- особые формы поведения и психологические характеристики (Heaven et al., 2005; Stone, Brown, 1998; Strouse, 1999).

Подростковые групповые образования типа толпы являются важным аспектом жизни подростков, и членство в таких образованиях имеет важные последствия для их психологического и физического здоровья. Например, М. Делсинг с коллегами (Delsing et al., 2007) обнаружил важные корреляции между членством в таких подростковых группах и депрессией, тревожностью, отклоняющимся поведением и агрессией.

В обзоре 44 работ по проблеме «групповой идентификации подростков» С. Суссман с коллегами представил данные о взаимосвязи «девиантного группового членства подростков» и повышенным использованием наркотиков (Sussman et al., 2007).

В подростковой среде существует феномен лидера и соответствующего поведения, ориентированного на поведение лидера (феномен подражания). Исследования подтверждают, что подростки в различных групповых неформальных объединениях типа толпы существенно различны в своем реальном поведении (Dolcini, Adler, 1994; Sussman et al., 2000; Barber et al., 2001; Heaven et al., 2008).

Необходимо внимательно анализировать психологическую среду подрастающего поколения школьников, в том числе неформальные групповые объединения подростков, в которых формируются их ценностные ориентации. И главное — оказывать психологическое воздействие на возникновение протестных социальных движений в среде подрастающего поколения как со стороны педагогических структур (в этом плане нужны программы для педагогов), так и со стороны властных структур.

Геополитические тенденции развития современной цивилизации, глубокое проникновение Интернета и мобильной телефонной связи в социальную жизнь современных сообществ стали источником новых моделей взаимоотношения общества и государства.

Возникшие политические практики воздействия на массовое сознание и поведение больших социальных групп общества, связанные со спецификой Интернета (возможность прямой коммуникации, минуя контроль властных структур), кардинально изменяют роль государства в методах и способах управления массовым поведением людей.

В этих условиях полицейские структуры (в широком смысле), с одной стороны, становятся одним из основных государственных институтов, обеспечивающим нормальное функционирование общества, с другой — определенной угрозой для социальных движений, организующих свою жизнь «в отрыве» от государственных структур и коридоров власти.

Специфика формирования социальных движений в сетях Интернета, особенностей мотивации и мобилизации их поведения остается важнейшей проблемой и объектом профессионального внимания представителей отечественной социальной психологии.

Раздел III

ПСИХОЛОГИЯ МАССОВОГО ПОВЕДЕНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Введение

Интернет в начале XXI в. ставит перед человечеством новые проблемы, с которыми оно сталкивается впервые, и их осмысление пока не дает однозначных ответов. Влияние Интернета на массовое сознание и поведение больших социальных групп населения велико во всех регионах мира. Как правило, сетевая организация массовых выступлений людей (социальных движений) связана с политико-идеологическими, экономическими и религиозными проблемами взаимодействия людей с властными структурами своих государств.

И базовой психологической мотивацией таких выступлений, как правило, является нарушение принципа справедливости в идеологической, экономической и национальной политике властных структур государств.

Глава 16

Информационное общество, интернет-технологии и психология массового поведения: перспективы развития научного направления

Теоретико-методологический анализ проблематики психологии массового поведения и классических представлений о поведении индивида в массовом групповом образовании позволил:

а) доказать неадекватность классических представлений о массовом поведении, т.е. психологии поведения толп в соответствии с представлениями классиков — Г. Лебона, Г. Тарда, З. Фрейда и их последователей;

б) выделить новое направление исследований данной проблематики с позиции положений теории социальной идентичности.

Развитие информационных технологий в конце XX — начале XXI в. привело к фактическому образованию глобального информационного общества. В этом процессе главную роль играют СМК и Интернет. Анализ возникающих с развитием Интернета новых политических возможностей коммуникации и воздействия с его помощью на сознание и поведение создал новую информационную ситуацию.

Хроника протестных движений в мире наглядно иллюстрирует тенденции:

- крушение мультикультурной политики западных государств;
- необходимость введения новых законов, требующих учета национальной специфики в многонациональном государстве с приоритетом культурных традиций основного населения стран, принимающих мигрантов;
- требование учета диалога с протестными движениями (особенно диалога правоохранительных структур с массовыми социальными движениями на основе новых тенденций);
- протесты населения против засилья транснациональных компаний и устройства мира по капиталистическому образцу.

Протестные выступления в современной России обозначили основные мотивации массовых оппозиционных выступлений в стране:

- межнациональные и межконфессиональные отношения в стране;
- критически увеличивающийся уровень обнищания основных масс населения (проблема ЖКХ, рост налогов и т.д.);
- разъедающая страну коррупция;
- нарушения принципа справедливости в выборных кампаниях при формальном соблюдении этих принципов.

Фундаментальные исследования

В первую очередь необходимо проводить исследования психологии восприятия виртуального пространства и психологических последствий нахождения человека в этом пространстве.

В России такие исследования пока отсутствуют, а в международной практике они есть. Представляется оправданным проводить такие исследования социальным психологам совместно с психофизиологами и со специалистами других общественных дисциплин (по аналогии с исследованиями проблем наркомании; см.: Соснин, 2012).

Кроме этого, необходимо проводить масштабные исследования мотивации пользователей Интернета, их социопсихологической таксономии как групповых образований. Данные этих исследований будут давать ориентиры психологического управления массовыми групповыми процессами в стране в практическом плане.

Естественно, необходимо проводить мониторинговые исследования отношения населения к различным сферам социальной жизни общества в связи с новыми реалиями социальной жизни страны. Эти исследования пересекаются с исследованиями социологов. Социально-психологические исследования способствуют более глубокому пониманию мотивации массового поведения людей, в том числе массового протестного поведения больших социальных групп.

Интернет и перспективы

прикладных социально-психологических исследований

Прикладные социально-психологические исследования — пока не разработанная область науки, которая требует участия психологов и представителей правоохранительных структур

(включая соответствующий тренинг представителей правоохранительных органов в соответствии с новыми реалиями). В целом прикладная проблематика — это разработка системы социально-психологического сопровождения, воздействия и влияния на социальное поведение больших социальных групп (социальный контроль, психологическая поддержка, обратная связь, противодействие и т.д.). Особенно важно наметить проблематику психологии взаимодействия правоохранительных структур с массовыми выступлениями населения.

Во-первых, это анализ массового поведения в экстремальных ситуациях с риском для жизни, его объяснение и понимание с позиции новых подходов. Это эффекты повышения групповой солидарности и трансформации групповой идентичности в условиях угрозы жизни. Показано, что коллективное поведение в экстремальных ситуациях в большей степени характеризуется социальностью (взаимопомощью, сохранением порядка, уважением к детям, старикам и женщинам), а не индивидуальной инстинктивной конкуренцией (в соответствии с классическими теориями).

Во-вторых, это анализ деятельности правоохранительных структур государства с позиции новых подходов в выполнении своих профессиональных функций в обеспечении общественного порядка.

Академические социальные психологи проанализировали и обобщили научную исследовательскую информацию по проблематике взаимодействия правоохранительных структур государства с социальными движениями, с экстремальными ситуациями массовых выступлений населения и проблематикой управления массовыми процессами в новых условиях.

Проведение прикладных исследований в этой сфере главным образом зависит от аналитических структур правоохранительных органов.

Исследования с позиции теории социальной идентичности имеют большие перспективы для разработки прикладных аспектов воздействия на массовое поведение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теоретико-методологический анализ проблематики психологии массового поведения и классических представлений о поведении индивида в массовом групповом образовании позволил:

- доказать неадекватность классических представлений о массовом поведении;
- выделить как новое направление исследований данной проблематики с позиции положений теории социальной идентичности.

Хроника протестных движений в мире наглядно выявила мотивационные тенденции социальных движений:

- крушение мультикультурной политики государств;
- необходимость введения новых законов, требующих учета национальной специфики в любом многонациональном государстве с приоритетом культурных традиций основного населения стран, принимающих мигрантов;
- необходимость учета диалога с протестными движениями (особенно диалога правоохранительных структур с массовыми социальными движениями на основе новых тенденций).

Протестные выступления в современной России обозначили основные мотивации массовых оппозиционных выступлений в стране:

- дисфункция политики государства в межнациональных и межконфессиональных отношениях в стране;
- продолжающийся критический уровень обнищания основных масс населения (проблема ЖКХ, постоянно растущие налоги и т.д.);
- разъедающая страну коррупция;
- нарушения принципа справедливости в выборных кампаниях при формальном соблюдении этих принципов.

Развитие информационных технологий в конце XX — начале XXI в. привело к фактическому образованию глобального информационного общества. В этом процессе главную роль играют СМК и Интернет. Анализ возникающих с развитием Интернета новых политических возможностей коммуникации для рядового населения и воздействия с его помощью на его сознание и поведение создал новую информационную ситуацию.

Значимым прикладным направлением исследованием является анализ взаимодействия правоохранительных структур с массовыми социальными движениями с позиции новых тенденций в социальной психологии (социокультурный подход).

Особого анализа требует разработка системы социально-психологического сопровождения, воздействия и влияния на социальное поведение больших социальных групп (социальный контроль, психологическая поддержка, обратная связь, противодействие и т. д.).

Эти прикладные направления требуют отдельного анализа с привлечением специалистов по разным областям науки, занимающихся данной проблемой (главным образом — представителей правоохранительных органов, включая тренинг представителей правоохранительных органов в соответствии с новыми реалиями).

В монографии не рассмотрены важные аспекты возможности положительного влияния массового поведения на решение задач общества (см., напр.: Журавлев, Нестик, 2010; Нестик, Журавлев, 2012; Surowiecki, 2005; Ling, 2008).

Решение конкретных проблем предлагается обычным гражданам общества (рядовому массовому населению) и экспертным группам. И оказывается, что по эффективности решение проблем с массовым участием рядового населения более успешно, чем с привлечением экспертных групп.

Мир вступил в новую эпоху — эпоху глобального информационного общества.

Интернет, с его возможностями прямой коммуникации «без границ», минуя контроль властных структур, является одним из основных инструментов в духовно-идеологической борьбе за сознание и души людей, за формирование ценностных представлений (естественно, включая традиционные методы борьбы — дипломатические, экономические, силовые) между основными историческими субъектами мирового развития.

Россия не должна оказаться проигравшим субъектом исторического развития в этом цивилизационном противостоянии. И для этого у нее есть все возможности. Все зависит от политической воли властных структур государства, от понимания глобальных национальных интересов страны в грядущем развитии России.

ПРИЛОЖЕНИЕ

*Статистические данные
о состоянии общественного сознания
и психологических установках народов стран мира
в современной геополитической ситуации*

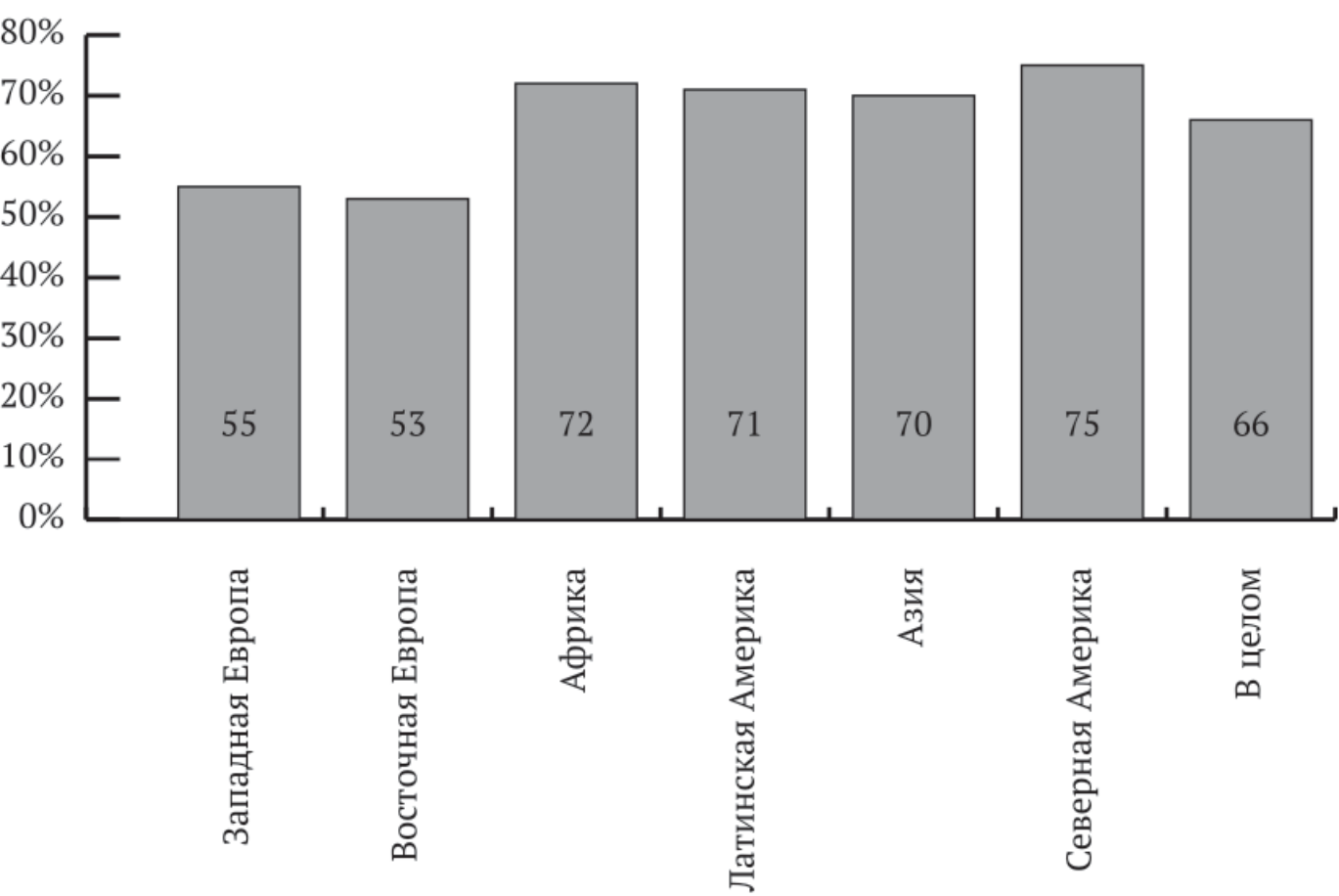

Рис. 2. Процент респондентов, которые считают, что национальные политические партии являются коррумпированными или тотально коррумпированными

(Источник: Глобальный барометр коррупции по данным, собранным по международному опросу 60 стран мира организацией «Гэллапа» (2007))

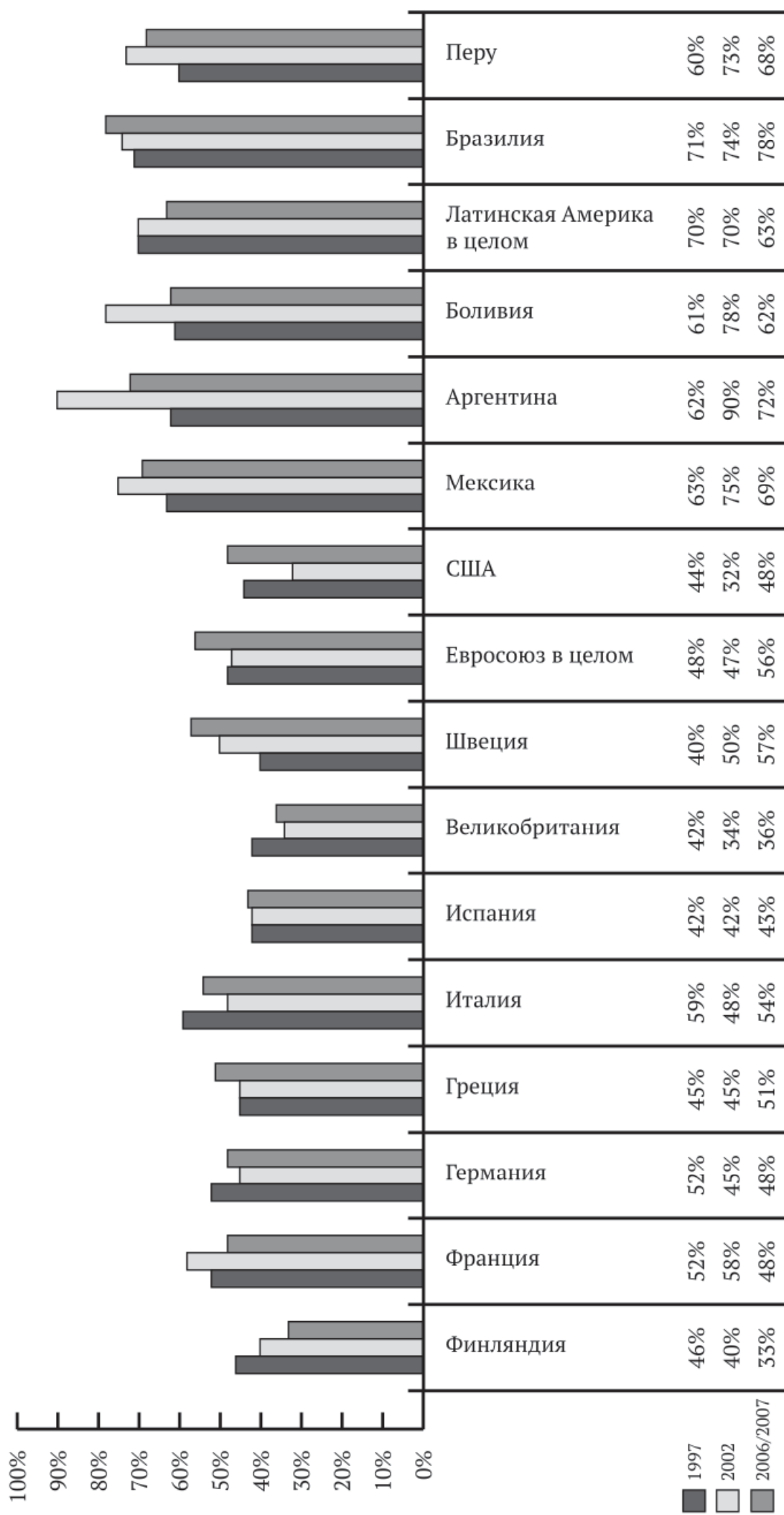

Рис. 3. Процент граждан, мало доверяющих и не доверяющих своим правительствам, 1996–2007 гг.

Вопросы «Евробарометр»: Вы доверяете или нет своему правительству?

«Гэллап»: Насколько часто вы доверяете действиям правительства и считаете, что оно действует правильно? Приведенные цифры отражают ответы «Только иногда» и «Никогда».

«Латинобарометр»: вопросы аналогичные.

(Источники: «Евробарометр» — опросы 1997, 2002, 2007 гг; «Гэллап пулз» — опросы 1997, 2002, 2007 гг;

«Латинобарометр» — опросы 1996, 2002, 2006 гг.)

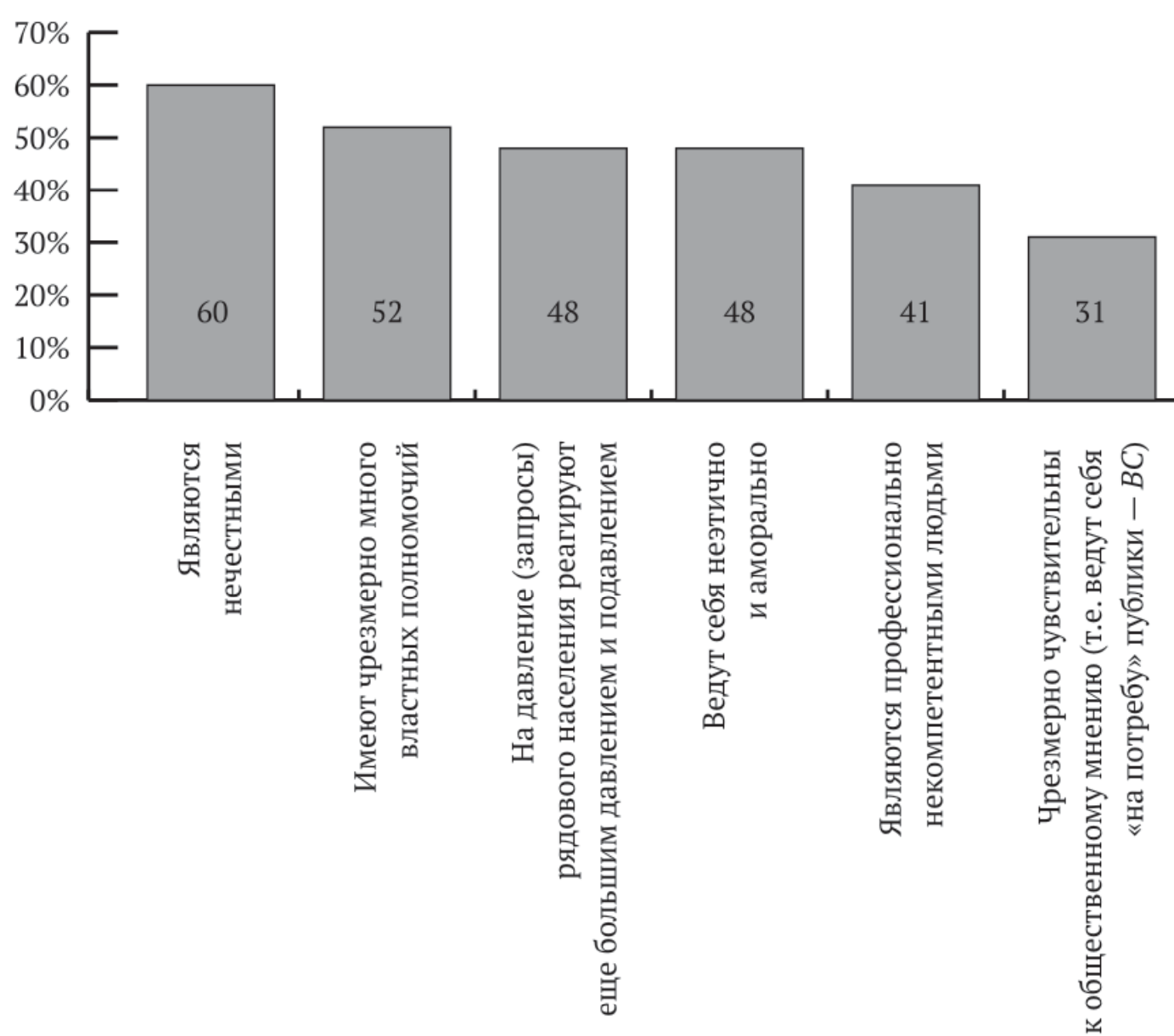

Рис. 4. Процент респондентов, выражающих различные взгляды к своим политическим лидерам в 60 странах мира

(Источник: Международный опрос организации «Гэллапа» в 60 странах мира (2007))

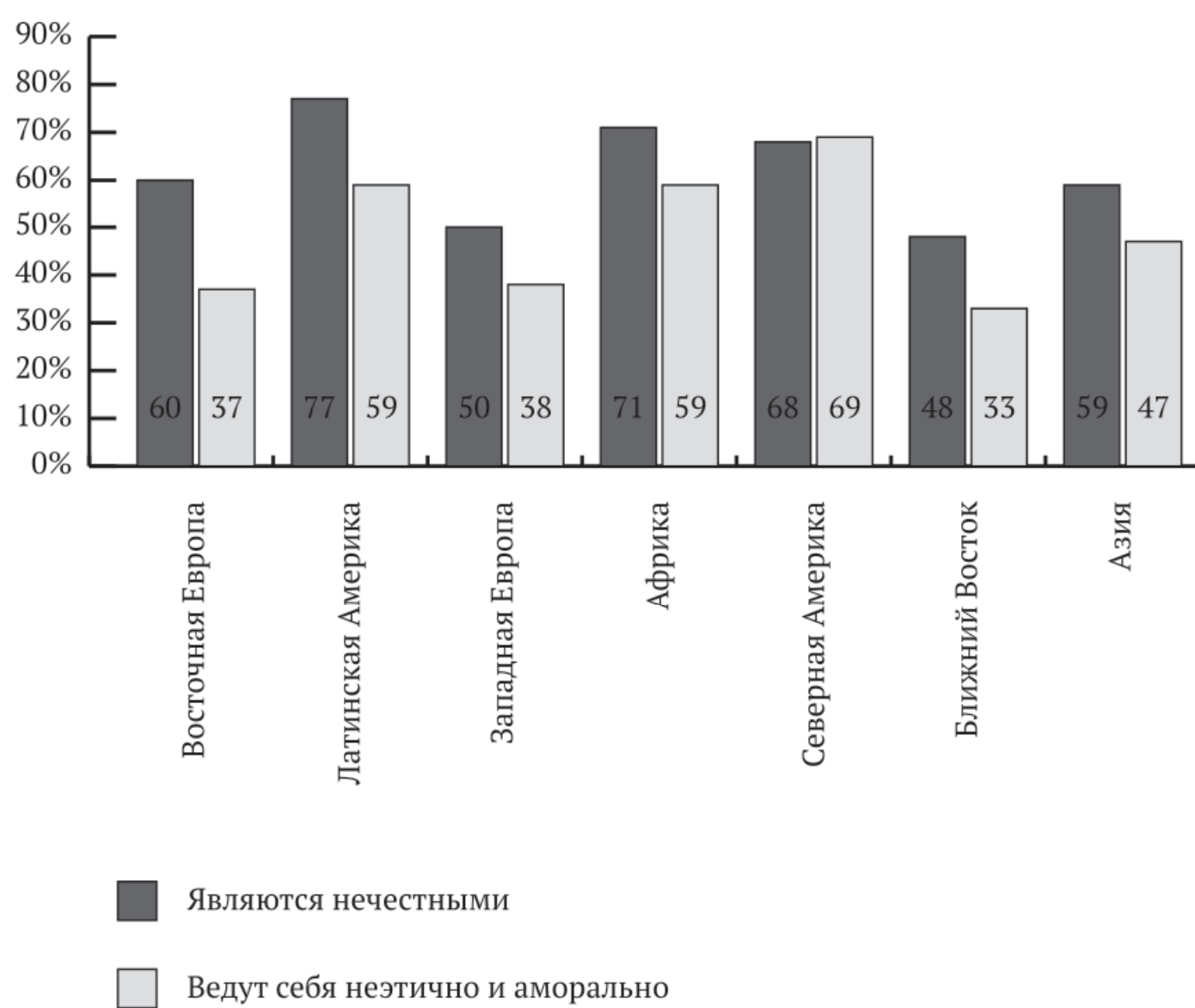

Рис. 5. Процент респондентов, уверенных, что их политические лидеры являются нечестными и аморальными

(Источник: Международный опрос организации «Гэллапа» в 60 странах мира (2007))

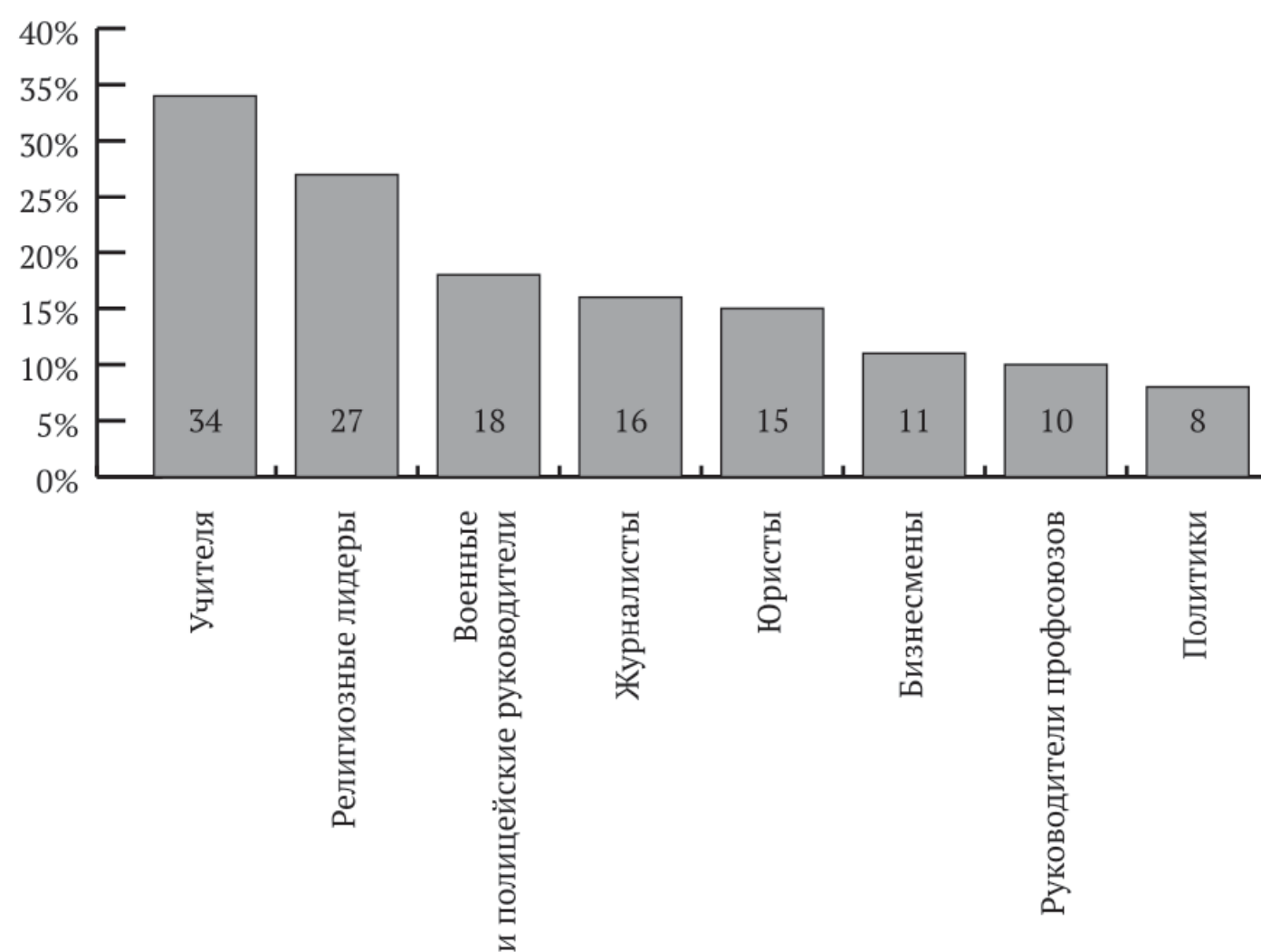

Рис. 7. Процент респондентов в 60 странах мира, выражающих доверие или недоверие к разным категориям граждан в своих странах (2007)

(Источник: Международный опрос организации Гэллапа в 60 странах мира (2007))

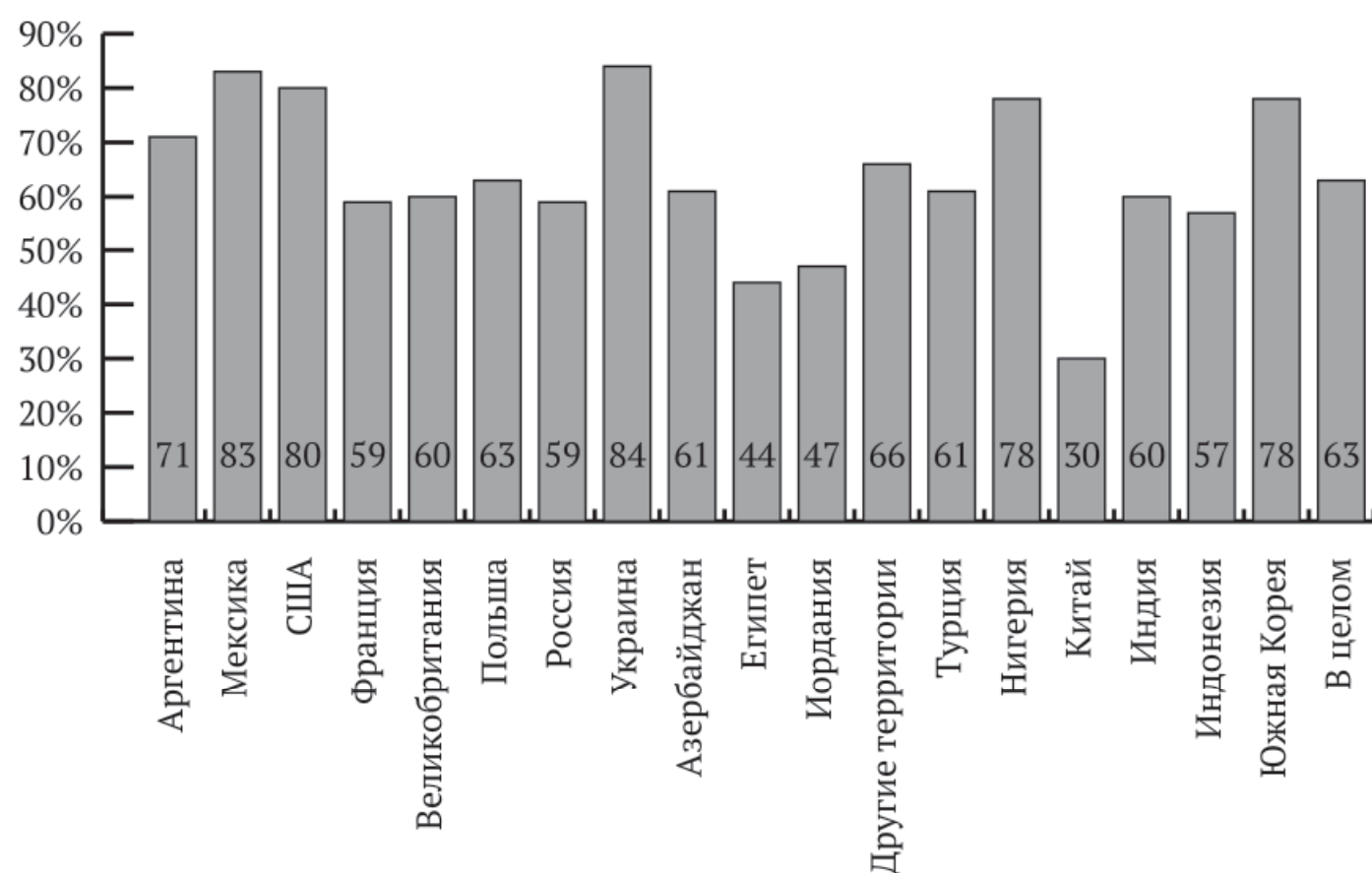

Рис. 6. Процент респондентов, убежденных, что их страна находится во власти интересов небольшого числа глобальных международных экономических субъектов (2008)

(Источник: Международный опрос общественного мнения 19 стран (2008))

Выводы по статистическим данным

Во-первых, доверие населения стран мира к своим правительствам, политическим лидерам, партиям и проводимой ими политике находится в целом на уровне 30 % и ниже.

Во-вторых, народы мира убеждены в том, что политика властных структур государств находится в значительном противоречии с национальными интересами населения государств.

В-третьих, приведенные статистические данные являются убедительным основанием для понимания процесса формирования мотиваций массовых социальных движений разной направленности — протестных движений больших масс населения против нарушений социальной справедливости и против развития цивилизации по мировоззренческим постулатам капиталистической цивилизации.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аннотированный указатель трудов сотрудников Института психологии Российской академии наук (1971–2006). Выпуск 1 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Т.И. Артемьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Аронсон Э. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.

Артюхин А.С., Снигирев С.Ф. Геополитика как наука в России: история и современность // Геополитика и безопасность. 2009. № 4(8). С. 56–67.

Барабанщиков В.А., Журавлев А.Л., Кольцова В.А. Системное исследование психического в работах Б.Ф. Ломова // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 3. С. 5–13.

Бахтуридзе З. Манипуляция массами в политическом процессе: URL: <http://vapp.ru/docs/massmani/31> (дата обращения: 15.03.2014).

Бедрицкий А.В. Реализация концепции информационной войны военно-политическим руководством США на современном этапе: Дис. ... канд. политич. наук. 2007.

Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа // Бодрийяр Ж. Поэтика и политика. М., 1999.

Бодров В.А., Дикая Л.Г., Журавлев А.Л. Основные направления и результаты инженерно-психологических исследований в Институте психологии РАН // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 2 / Под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 15–34.

Бодров В.А., Дикая Л.Г., Журавлев А.Л. Психологическая адаптация к профессиональной деятельности: Основные направления и результаты современных исследований // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 3 / Под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Бодров В.А., Журавлев А.Л. Методологические принципы и результаты фундаментальных исследований профессиональной деятельности // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2003. Вып. 2 (23). С. 64–69.

Вахин А.А., Журавлев А.Л. Особенности исследования динамики социальной напряженности по материалам СМИ // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 101–108.

Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе. СПб., 2001.

Виртуальные надежды: состояние и перспективы политического Рунета // Polis. Политические исследования. URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2002/1/5.htm> (дата обращения: 15.03.2014).

Воловикова М.И. Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.

Воловикова М.И. Нравственная психология: задачи, методы и современное состояние // Проблемы нравственной и этической психологии в современной России / Отв. ред. М.И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 21–39.

Воловикова М.И., Борисова А.М. Психологическое значение праздника для личности // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 241–245.

Глоточкин А.Д., Журавлев А.Л., Кольцова В.А. Жизнь и научное творчество К.К. Платонова (к 100-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 3. С. 117–126.

Гостев А.А., Соснин В.А., Степанов Е.И. На путях становления отечественной конфликтологии // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 2. С. 110–128.

Грачев А.А. Психологическое проектирование производственной организации. СПб.: Ин-т практической психологии, 2008.

Делягин М. Падение в смуту: опасения и надежды // Наш современник. 2013. № 6. С. 190–219.

Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.

Дмитриев А.В. Скандал: исследовательские задачи // Скандал как форма коммуникации. М.: Изд-во СГУ, 2012.

Дробышева Т.В., Журавлев А.Л. Детерминация экономической социализации детей и подростков: теоретический анализ // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия «Психология и педагогика». 2009а. № 2. С. 16–21.

Дробышева Т.В., Журавлев А.Л. Детерминация экономической социализации детей и подростков: экспериментальное исследование // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Психология и педагогика». 2009б. № 3. С. 6–12.

Дробышева Т.В., Журавлев А.Л. Ценностные ориентации формирующейся личности в разные периоды развития российского общества // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 5. С. 5–16.

Дружинин В.Н. Психология способностей: Избранные труды / Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.А. Холодная, В.Д. Шадриков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Емельянова Т.П., Журавлев А.Л. Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 5–15.

Журавлев А.Л. Коммуникативные качества личности руководителя и эффективность руководства коллективом // Психологический журнал. 1983. Т. 4. № 1. С. 57–67.

Журавлев А.Л. Роль системного подхода в исследовании психологии трудового коллектива // Психологический журнал. 1988. Т. 9. № 6. С. 53–64.

Журавлев А.Л. Социально-психологическая динамика в изменяющихся экономических условиях // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 3. С. 3–16.

Журавлев А.Л. Психологические факторы физического и психического здоровья человека (по материалам исследований ИП РАН) // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 3. С. 107–117.

Журавлев А.Л. Социально-психологический анализ исполнительской деятельности // Психологический журнал. 2007а. Т. 28. № 1. С. 6–16.

Журавлев А.Л. Основные тенденции развития психологических исследований в Институте психологии РАН // Психологический журнал. 2007б. Т. 28. № 6. С. 5–18.

Журавлев А.Л. Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

Журавлев А.Л., Зинченко Ю.П., Ковалева Ю.В., Сергиенко Е.А. V Съезд Российского психологического общества // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 82–91.

Журавлев А. Л., Нестик Т.А. Психология управления совместной деятельностью: новые направления исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

Журавлев А. Л., Нестик Т.А., Соснин В.А. Психологические аспекты стратегической стабильности и ядерного сдерживания // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 5–24.

Журавлев А. Л., Нестик Т.А., Соснин В.А. Социально-психологические аспекты стратегической стабильности и ядерного сдерживания в современном мире: постановка проблемы и практика исследований // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 116–123.

Журавлев А.Л., Позняков В.П. Социально-психологические трудности становления малого бизнеса в России (анализ группового мнения предпринимателей) // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 6. С. 23–34.

Журавлев А.Л., Позняков В.П., Титова О.И. Гендерные особенности конкуренции и партнерства // Наука. Культура. Общество. 2008. № 4. С. 102–115.

Журавлев А.Л., Соснин В.А., Красников М.А. Социальная психология: Учебное пособие для студентов вузов. М.: ФОРУМ, 2011.

Журавлева Н.А. Ценностные ориентации предпринимателей в изменяющемся российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Психология и педагогика». 2008. № 1. С. 46–49.

Журавлева Н.А. Ценностные ориентации личности в современном российском обществе // Современная личность: Психологические исследования / Отв. ред. М.И. Володинова, Н.Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 200–228.

Журавлева Н.А. Психология социальных изменений: ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

Журавлева Н.А., Журавлев А.Л. Новые тенденции в ценностных ориентациях личности в современном российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Психология и педагогика». 2004. № 2. С. 20–39.

Интеллект, творчество и формирование личности в современном обществе: сборник трудов Всероссийской школы молодых ученых «Педагогические, психологические и культурологические принципы и методы воспитания молодых исследователей в условиях высокотехнологичной экономики» (29 сентября – 3 октября 2010 г., Москва) / Науч. ред. А.Л. Журавлев, Т.Н. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

Кабанес О., Насс Л.Р. Революционный невроз. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; Изд-во КСП+, 1998.

Казинцев А. Поезд упирается в тупик // Наш современник. 2013. № 2.
Казинцев А. Поезд упирается в тупик // Наш современник. 2013. № 6.

Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000.

К.К. Платонов – выдающийся отечественный психолог XX века: материалы юбилейной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения К.К. Платонова (22 июня 2006 г.) / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Т.И. Артемьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Кольцова В.А., Журавлев А.Л. Введение: Уникальность научного подхода Б.Г. Ананьева // Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 9–13.

Кольцова В.А., Журавлев А.Л. Борис Федорович Ломов – Ученый, Руководитель, Человек (к 85-летию со дня рождения) // Развитие психологии в системе комплексного человекознания: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 40-летию Института психологии РАН и 85-летию его основателя Б.Ф. Ломова. Часть 1 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012а. С. 11–15.

Кольцова В.А., Журавлев А.Л. К 40-летию ИП РАН и 85-летию со дня рождения Б.Ф. Ломова // Психологический журнал. 2012б. Т. 33. № 1. С. 4–6.

Кольцова В.А., Журавлев А.Л. 40-летие создания Института психологии РАН и 85-летие со дня рождения его основателя Б.Ф. Ломова: итоги пройденного пути и перспективы развития // Развитие психологии в системе комплексного человекознания: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 40-летию Института психологии РАН и 85-летию его основателя Б.Ф. Ломова: Часть 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012в. С. 15–19.

Кольцова В.А., Соснин В.А. Социально-психологические проблемы патриотизма и особенности его воспитания в современном российском обществе // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 4. С. 89–97.

Королев А.А., Журавлев А.Л., Кольцова В.А. История и психология: неумолчный диалог. Учебное пособие / Под ред. А.А.Королева. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011.

Купрейченко А.Б. Нравственно-психологическая детерминация экономического самоопределения личности и группы: Автореф. дис ... докт психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2010.

Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л. Отношение современных российских предпринимателей к морально-этическим нормам делового поведения // Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства / Отв. ред. А.Л.Журавлев, Е.В.Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. С. 8–109.

Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л. Самоопределение, адаптация и социализация: соотношение и место в системе социально-психологических понятий // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 62–95.

Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л. Структура и личностные детерминанты экономического самоопределения субъекта // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 2. С. 5–15.

Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л. Роль нравственной элиты в российском обществе: постановка проблемы и возможности исследования // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 2. С. 5–19.

Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л. Психологическое и социально-психологическое пространство личности и группы: понимание, виды и тенденции исследования // Психологический журнал. 2011а. Т. 32. № 4. С. 45–56.

Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л. Проблемы формирования и выявления нравственной элиты: итоги дискуссии // Психологический журнал. 2011б. Т. 32. № 5. С. 97–99.

Лайнбарджер П. Психологическая война. М.: Военное изд-во МО СССР, 1962.

Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995.

Лебон Г., Тард Г. Психология толп. Мнение и толпа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; Изд-во КСП+, 1998.

Левицкий Р., Сондерс Д., Барри Б., Мийнтон Дж. Самое главное о переговорах. М.: Форум, 2006.

Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А.В. Брушлинского, 15–16 октября 2008 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.В. Знаков, З.И. Рябикина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

Лобза Е.В. Специфика образования образов политиков в Интернете // Психология восприятия власти. Вып. 1 / Под ред. Е.Б. Шестопал. М.: Изд-во «СЕ МЫСЛЬ», 2002. С. 217–233.

Ломов Б.Ф., Журавлев А.Л. Психология и управление. М.: Знание, 1978.

Лосский Н. Ф. Характер русского народа. Изд-во «Посев», 1957. Ре-принт, книга вторая, изд-во «Ключ». М., 1990.

Макропсихология современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Марков А.П. Основы социокультурного проектирования. СПб., 1997.

Мельницкая Т.Б. Информационно-психологическая безопасность населения в условиях риска радиационного воздействия: концепции, модели, технологии: Дис. ... докт. психол. наук, 2009.

Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996.

Назаретян А.П. Психология стихийного массового поведения: Лекции. М.: ПЕР СЭ, 2001.

Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Управление совместной деятельностью: новые направления исследований в зарубежной психологии // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 4. С. 5–15.

Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Обмен знаниями, групповая рефлексивность и корпоративная память как объекты социальной психологии // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 3. С. 5–16.

Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Совместное творчество как ресурс деятельности организации: состояние и перспективы исследований // Психологический журнал. 2011а. Т. 32. № 1. С. 3–21.

Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Формы организации и стимулирования совместного творчества в современных компаниях // Знание. Понимание. Умение. 2011б. № 1. С. 190–196.

Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы исследований // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 27–37.

Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Общая теория безопасности (актуальные методологические и социально-политические проблемы). М., 1994.

Овчинников Б.В. Виртуальная надежда: состояние и перспективы политического Рунета // Полис. Политические исследования. 2002. № 1. С. 46–65.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1990.

Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб.: Питер, 2001.

Островский Е. Менеджер смотрит под ноги, а лидер – на горизонт // Top manager, 2000. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/725> (дата обращения: 20. 03. 2014).

Павлова Н.Д., Журавлев А.Л. К междисциплинарной проблематике дискурса // Ситуационная и личностная детерминация дискурса / Под ред. Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 6–11.

Панарин И.Н. Психологическая безопасность военнослужащих // Ориентир. 1995. № 8. С. 48–51.

Панарин И.Н. Информационно-психологическое обеспечение национальной безопасности России. М., 1998.

Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Т.В. Корнилова, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Позняков В.П., Журавлев А.Л. Динамика межгрупповых отношений в условиях изменения форм собственности // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 4. С. 24–32.

Российские предприниматели в современной социальной структуре // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 61–68.

Позняков В.П., Журавлев А.Л. Деловая активность предпринимателей: методы оценки и воздействия. М.: Институт психологии РАН, 1995.

Позняков В.П., Журавлев А.Л. Экономическая психология: теоретические проблемы и направления эмпирических исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 3. С. 46–64.

Позняков В.П., Журавлев А.Л. Социальная психология российского предпринимательства: концепция психологических отношений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Почепцов Г. Г. Психологические войны. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2000.

Преступная толпа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; Изд-во КСП+, 1998.

Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности / Под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Проблемы экономической психологии. Том 1 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.

Проблемы экономической психологии. Том 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.

Прогресс психологии: критерии и признаки / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Д. Марцинковской, А.В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

Психологические исследования интеллекта и творчества: Материалы научной конференции, посвященной памяти Я.А. Пономарева и В.Н. Дружинина. ИП РАН, 7–8 октября 2010 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.А. Холодная, Д.В. Ушаков, Т.В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

Психологические исследования нравственности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

- Психологические операции и противодействие им. М., 1993.
- Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.И. Ляшенко, Н.Е. Иноземцева, Д.В. Ушаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Психология XXI века: Учебник для вузов / Под ред. В.Н. Дружинина. М.: ПЕР СЭ, 2003.
- Психология интеллекта и творчества: традиции и инновации / Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.А. Холодная, Д.В. Ушаков, Т.В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Психология и психоанализ власти. Личность, государство, власть: политическая и социальная психология лидерства: Хрестоматия. Т. 1, 2 / Сост. Д.Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 1999.
- Психология масс: Хрестоматия. Самара: Бахрах, 1998.
- Психология нравственности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Психология сегодня: Теория, образование и практика / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко, А.В. Карпова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Изд-во «Социум»; «Институт психологии РАН», 2001.
- Психология: современные направления междисциплинарных исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти члена-корреспондента РАН А.В. Брушлинского, 8 октября 2002 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Психология способностей: современное состояние и перспективы исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти В.Н. Дружинина, 19–20 сентября 2005 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.А. Холодная. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Психология управления в современной России: Теория, эмпирические исследования, практика: Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. А.Л. Журавлева и др. Тверь: Тверской гос. ун-т и др., 2010.
- Психология человека в современном мире. Том 1. Комплексный и системный подходы в исследованиях психологии человека. Личность как субъект жизненного пути: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев,

В.А. Барабанщиков, М.И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Психология человека в современном мире. Том 5. Личность и группа в условиях социальных изменений: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна (15–16 октября 2009 г.) / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Психология человека в современном мире. Том 6. Духовно-нравственное становление человека в современном российском обществе. Проблема индивидуальности в трудах отечественных психологов: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна (15–16 октября 2009 г.) / Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.И. Воловикова, Т.А. Ребеко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Развитие психологии в системе комплексного человекознания: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 40-летию Института психологии РАН и 85-летию его основателя Б.Ф. Ломова: Часть 1 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Развитие психологии в системе комплексного человекознания: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 40-летию Института психологии РАН и 85-летию его основателя Б.Ф. Ломова: Часть 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Райх В. Психология масс и фашизм. 1933. URL: <http://lib.aldebarai.ru> (дата обращения: 15.03.2014).

Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.

Россия в XXI веке. М.: Академия геополитических проблем, 2012.

Рубцов В.В., Журавлев А.Л., Марголис А.А., Ушаков Д.В. Образование одаренных — государственная проблема // Психологическая наука и образование. 2009. № 4. С. 5–14.

Рубцов В.В., Журавлев А.Л., Марголис А.А., Ушаков Д.В. Развитие системы образования одаренных детей: приоритетные направления // Нижегородское образование. 2010. № 4. С. 7–14.

Саватеев А.Д. Антиавторитарные выступления и исламская культура // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. М., 2012.

Святейший Патриарх Кирилл. Русский народ — главный творец нашей цивилизации (из выступления патриарха Московского и всея Руси КИРИЛЛА на XVII Всемирном русском народном соборе) // Завтра. 2013. Ноябрь. № 45.

Скандал как форма коммуникации. М.: Изд-во СГУ, 2012.

Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.

Совместная деятельность: Методология, теория, практика / Отв. ред. А.Л. Журавлев, П.Н. Шихирев, Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1988.

Современная психология: состояние и перспективы: Тезисы докладов на юбилейной научной конференции ИП РАН, 28–29 января 2002 года. Том 1 / Отв. ред. А.В. Брушлинский, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.

Современная психология: состояние и перспективы: Тезисы докладов на юбилейной научной конференции ИП РАН, 28–29 января 2002 г. Том 2 / Отв. ред. А.В. Брушлинский, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.

Современные проблемы психологии управления / Отв. ред. Т.П. Емельянова, А.Л. Журавлев, Г.В. Телятников. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.

Соина И.А., Журавлев А.Л. Роль ценностных ориентаций личности в формировании ее социально-психологического пространства // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 218–226.

Соснин В.А. Перспективы урегулирования этно-политического конфликта // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 6. С. 23–34.

Соснин В.А. Урегулирование и разрешение конфликтов: проблема посредничества в прикладной исследовательской практике Запада // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 5. С. 130–141.

Соснин В.А. Культура и межгрупповые процессы: этноцентризм, конфликты и тенденции национальной идентификации // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 1. С. 50–60.

Соснин В.А. Терроризм начала XXI в.: проблема интерпретации и источников терроризма (о социально-психологических и идейных источниках современного терроризма) / Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2005. № 6. С. 3–36.

Соснин В.А. Психология современного терроризма. Учебное пособие для вузов. М.: ФОРУМ, 2010а.

Соснин В.А. Современный терроризм и проблема мотивации террористов-смертников // Прикладная юридическая психология. 2010б. № 4. С. 43–50.

Соснин В.А. Психология суицидального терроризма: исторические параллели и современные геополитические тенденции в XXI веке. М.: ФОРУМ, 2012.

Соснин В.А. Психологические аспекты противодействия немедицинскому употреблению наркотиков: современная проблематика и тенденции // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 1. С. 132–144.

Соснин В.А. Феномен коррупции в России как социополитическая, социокультурная и социально-психологическая проблема // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 3.

Соснин В.А., Журавлев А.Л. Коррупция в России как политическая и социально-психологическая проблема // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2013а. № 4 (67). С. 6–16.

Соснин В.А., Журавлев А.Л. Феномен коррупции в России как социополитическая и психологическая проблема // Прикладная юридическая психология. 2013б. № 2. С. 8–24.

Соснин В.А., Журавлев А.Л. Психология массового поведения: истоки и современные тенденции исследования // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 49–61.

Соснин В.А., Нестик Т.А. Современный терроризм: социально-психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: ПЕР СЭ, 2002.

Социальная психология труда. Том 1, 2 / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

Социальная психология экономического поведения / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1999.

Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.

Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.

Социальные технологии: Толковый словарь, 1995.

Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Сумарокова В.А., Журавлев А.Л. Доверие предпринимателей к разным видам организаций: региональные особенности // Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. С. 258–272.

Сумарокова В.А., Журавлев А.Л. Региональные и половые различия доверия предпринимателей к разным видам организаций // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 36–45.

Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009а.

Сухарев А.В. Этнофункциональная информационная безопасность в условиях кризиса культуры // Психологический журнал. 2009б. Т. 30. № 4. С. 100–101.

Сэмуэлс Э. Тайная жизнь политики. М.: Гуманитарная академия, 2002.

Тард Г. Общественное мнение и толпа. М., 1902.

Тенденции развития современной психологической науки: Тезисы юбилейной научной конференции, 31 января – 1 февраля 2007 г.

Часть 1 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Тенденции развития современной психологической науки: Тезисы юбилейной научной конференции, 31 января — 1 февраля 2007 г.

Часть 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Тукмаков Д. Твиттерреволюции // Завтра. 2011. Апрель.

Ушаков Д.В., Журавлев А.Л. Образование и конкурентоспособность нации: психологические аспекты // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1. С. 5–13.

Ушаков Д.В., Журавлев А.Л. Практична ли фундаментальная психология? // Знание. Понимание. Умение. 2011а. № 2. С. 42–49.

Ушаков Д.В., Журавлев А.Л. Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011б. Т. 32. № 3. С. 5–16.

Ушаков Д.В., Журавлев А.Л. Теория и практика: взгляды с разных сторон (ответ на комментарии) // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 2. С. 127–132.

Ушаков Д.В., Журавлев А.Л. Исследование психологической практики как путь ее сближения с фундаментальной психологией // Вестник практической психологии образования. 2011. № 3. С. 17–21.

Феномен и категория зрелости в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Харламенкова Н.Е., Журавлев А.Л. Психология личности как открытой и развивающейся системы (к юбилею Л.И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 6. С. 30–39.

Хашченко В.А. Экономико-психологические модели субъективного экономического благополучия. Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 4. С. 5–19.

Хашченко В.А. Субъективная шкала благосостояния и субъективное экономическое благополучие // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 27–42.

Хашченко В.А. Социально психологическая детерминация субъективного экономического благополучия: Дис. ... докт. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2012.

Чередняк Ю., Журавлев А.Л. Совместная жизнедеятельность трудового коллектива в условиях частичного сокращения персонала // Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Изд-во «Социум»; «Институт психологии РАН», 2001. С. 178–201.

Чугунов А.В. Социологические аспекты формирования информационного общества в России: Обзор исследований аудитории Интернета. СПб., 2000.

Шестопад Е.Б. Теоретико-методологические проблемы исследования образов власти // Психология восприятия власти. М.: Изд-во «СЕМЫСЛЬ», 2002.

Юревич А.В. К проблеме базовых компонентов национального менталитета // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 4. С. 89–100.

Юревич А.В., Журавлев А.Л. Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 137–140.

Юревич А.В., Журавлев А.Л. Психологические аспекты коррупции // Наука. Культура. Общество. 2013а. № 2, 3. С. 81–92.

Юревич А.В., Журавлев А.Л. Психология нравственности как область психологического исследования // Психологический журнал. Т. 34. 2013. № 3. С. 5–14.

Юревич А.В., Журавлев А.Л. Коллективные смыслы как предпосылка личного счастья // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 5–15

Юревич А.В., Журавлев А.Л., Юревич М.А. Избыточное неравенство доходов как угроза национальной безопасности // ВВ: Национальная безопасность. 2013б. № 2. С. 182–202.

Adang O.M.J. Stott, C.J. Preparing for Euro 2004: Policing international football matches in Portugal. Unpublished report for the Portuguese Public Security Police. 2004.

Agre P.E. Real-time Politics: The Internet and the Political Process // The Information Society. 2002. № 18. P. 311–331.

Aguirre B.T. Commentary on 'understanding mass panic and other collective responses to threat and disaster': Emergency evacuations, panic, and social psychology // Psychiatry. 2005. № 68. P. 121–129.

Allen P.D. Information Operation Planning. London: Artech House, 2007.

Anderson D.M. Cautious Optimism about Online Politics and Citizenship // D.M. Anderson, M. Cornfield (eds.). The Civic Web: Online Politics and Democratic Values. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2003a. P. 19–34.

Anderson D., Cornfield M. (eds.). The Civic Web: Online Politics and Democratic Values. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2003б.

Arbon P. The development of a Web-based algorithm for the prediction of patient presentation rates at mass gatherings. Australian Journal of Emergency Management. 2002. № 17(1). P. 60–64.

Arbon P. The development of conceptual models for mass-gathering health // Peribostial Disast Mtd. 2004. № 9. P. 208–212.

Arquilla J., Ronfeld D. Networks and Netwars. Santamonica, CA: Rand, 2001.

Australia EM: Manual 2—Safe and Healthy Mass Gatherings. A Health, Medical and Safety Planning Manual for Public Events. Commonwealth of Australia: Dickson ACT, 1999.

Baker C. E. Media Concentration and Democracy: Why Ownership Matters. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Barber B. Strong Democracy. Berceley, CA: University of California Press, 1984.

Barber B. The New Telecommunications Technology: Endless Frontier or End of Democracy // G. Roger, P. Monroe (eds.). *Communications Cornutopia*. Washington, DC: Brookings Institution, 1998. P. 72–98.

Barber B.L., Eccles, J.S., Stone, M.R. Whatever happened to the Jock, the Brain, and the Princess? Young adult pathways linked to adolescent activity involvement and social identity // *Journal of Adolescent Research*. 2001. № 16(5). P. 429–455.

Bennett W. L. Communicating global activism // *Information, Communication, and Society*. 2003. № 6 (2).

Bennett W. L. Global media and politics: transnational communication regimes and civic cultures // *Annual Review of Political Science*. 2004. № 7 (1). P. 125–48.

Bennett W. L. *News: The Politics of Illusion*, 8th ed. New York: Longman, 2009.

Bernstein A.H. Political Strategies in Coercive Diplomacy and limited War // *Political Warfare and Psychological Operations* ed. by C. Lord and F.R. Barnett. Washington, DC: National Defense University Press, 1989.

Bimber B. *Information and American Democracy: Technology in the evolution of Political Power*. N.Y.: Cambridge University Press, 2003.

Brecher J., Costello T., Smith B. *Globalization From Below: The Power of Solidarity*. Cambridge, MA: South End Press, 2000.

Brown B.B., Lohr M.J. Peer-group affiliation and adolescent self-esteem: An integration of ego-identity and symbolic-interaction theories // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. № 52. P. 47–55.

Brown B.B., Mory M.S., Kinney D. Casting adolescent crowds in a relational perspective: Caricature, channel and context // R. Montemayor, G.R.Adams & T.P.Gulotta (Eds.). *Personal relationships during adolescence*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1994. P. 123–167.

Brown B.B., Mounts N., Lamborn S.D., Steinberg L. Parenting practices and peer group affiliation // *Child Development*. 1993. № 64. P. 467–482.

Browning G. *Electronic Democracy: Using the Internet to Transform American Politics*. 2nd ed. Medford, NJ: Cyber Agebooks, 2001.

Burnett R., Marshall P. D. *Web Theory: An Introduction*. London: Routledge, 2003.

California Internet Voting Task Force. *A Report on the Feasibility of Internet Voting*. Sacramento: Office of Californian Secretary of State, 2000.

Canter D.S. Studing the experience of fires // D. Canter (ed.). *Fires and human behavior*. London, David Fultron, 1990. P. 1–14.

Capuzzo M. Unsportsmanlike conduct // *Philadelphia Inquirer*. 1990. December. 7. P. C1, C5.

Castells M. *Communication Power*. Oxford Univresity Press. 2009. P. 10–53, 194–240.

Castells M. (Ed). *The Network Society. A Cross-cultural Perspective*. Edward Elgar: Cheltenham, UK Northampton, MA, USA, 2004.

Castells M. *The Power of Identity*. 2nd ed. Oxford: Blackwell, 2004. Ch.

Castells M. et al. Electronic communication and socio-political obilization: a new form of civil society // A. Helmut, G. Marlies, K. Mary (eds.). *Global Civil Society 2005/6*. Ch. 8. London: Sage, 2006a.

Castells M. et al. *Mobile Communication and Society: A Global Perspective*. A Project of the Annenberg Research Network on International Communication. Cambridge, MA: MIT Press, 2006b.

Chadwick A., May C. Interaction between States and Citizens in the Age of the Internet: "E-government" in the United States, Britain, and the European Union // *Governance: An International Journal of Policy, Administration and Institutions*. 2003. № 16 (2). P. 271–300.

Chen X. The last order of the emperor: production of emperor's will, power, succession, and historical riting // *National Taiwan University History Annals*, Taipei. 2004. June. P. 161–213.

Chertkoff J.M., Kushigian R.H. *Don't panic: The psychology of emergency egress and ingress*. Westpoint, C.T, Praeger, 1999.

Clasen D. R., Brown B. B. The multidimensionality of peer pressure in adolescence // *Journal of Youth and Adolescence*. 1985. № 14(6). P. 451–468.

Clever H. Zapadistas and electronic Fabric of Struggle. 1995. URL: <http://www.eco.utexas.edu/faxstaff/Clever/zaps.html> (дата обращения: 15.03.2014).

Cohen J.L. *Strategy of Identity: New Theoretical Paradigms and Contemporary Social Movements* // *Social Research*. 1985. № 52. P. 663–716.

Cohen R., Rai, Shirin M. (eds.). *Global Social Movements*. New Brunswick: The Athlone Press, 2000.

Coleman S., Hall N. *Spinning on the Web: E-campaigning and Beyond* // S. Coleman (ed.). 2001. *Cyber Space Odyssey. The Internet in the UK Election* – retrieved October 31, 2003 from www.hansardsociety.org.uk.

Collins R. Social Movements and the Focus of Emotional Attention // J. Goodwin, M. J. James, F. Polletta (eds.). *Passionate Politics: Emotions and Social Movements*. Chicago: University of Chicago Press, 2001. P. 27–44.

Comstock G. (Ed.). *Public communication and behavior*. New York, Academic Press, 1986. Vol. 1. P. 173–257.

Corteen R.S., Williams T.M. Television and reading skills // T.M. Williams (Ed.). *The impact of television: A natural experiment in three communities*. Orlando, FL: Academic Press, 1986. P. 39–86.

Cronin P., Reicher S. A study of the factors that influence how senior officers police crowd events: On SIDE outside the laboratory // *British Journal of Social Psychology*. 2006. № 45. P. 175–196.

Cross J.R. The influence of family and peer socialization on adolescent beliefs about intergroup relations. Unpublished doctoral dissertation, Ball State University, Muncie, IN, 2008.

Cross J.R., Fletcher K.L. The Challenge of Adolescent Crowd Research: Defining the Crowd // *Journal of Youth Adolescence*. 2009. № 38. P. 747–764.

Curran J. *Media and Power*. London: Routledge, 2002.

Cushman J.H. Industrial group plans to battle climate treaty // *The New York Times*. 1998. April 26.

Dahlgren P., Sparks C. *Communication and Citizenship*. London: Routledge, 1997.

Dee J.L. Media accountability for real-life violence: A case of negligence or free speech? // *Journal of Communication*. 1987. № 37(2). P. 106–138.

Delsing M., TerBogt T., Engels R., Meeus W. Adolescents' peer crowd identification in the Netherlands: Structure and associations with problem behaviors // *Journal of Research on Adolescence*. 2007. №17(2). P. 467–480.

Deutsch M. The resolution of conflict. New Haven, CT: Yale University Press, 1973.

Diani M. Green Networks: A Structural Analysis of the Italian Environmental Movement. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1995.

Dolcini M. M., Adler N. E. Perceived competencies, peer group affiliation, and risk behavior among early adolescents // *Health Psychology*. 1994. №13(6). P. 496–506.

Donald I., Canter D. Intentionality and fatality during The King's cross underground fire // *European Journal of Social Psychology*. 1992. №22. P. 203–218.

Donnerstein E., Slaby R.G., Eron L.D. The mass media and youth aggression // L.D.Eron, J.H.Gentry, & P.Schlegel (Eds.). Reason to hope: A psychological perspective on violence & youth. Washington, DC: American Psychological Association, 1994. P. 219–250.

Dooley B., Baron S. (eds.). The Politics of Information in Early Modern Europe. London: Routledge, 2001.

Doosje B., Spears R., Ellemers N. Social identity as both cause and effect: The development of group identification in response to anticipated and actual changes in the intergroup status hierarchy // *British Journal of Soc. Psychology*. 2002. №41. P. 57–76.

Downs W.R., Rose S.R. The relationship of adolescent peer groups to the incidence of psychosocial problems // *Adolescence*. 1991. №26(102). P. 473–492.

Druitt D.G., Rubins J.Z. Social conflict: Escalation, Stalemate and settlement. N.Y.: Random House, 1986.

Drury J. When the mobs are looking for witches to burn nobody's safe: Talking about the reactionary crowd // *Discourse and Society*. 2002. №13. P. 41–72.

Drury J., Cocking C., Beale J., Hanson C., Rapley F. The phenomenology of empowerment in collective action // *British Journal of Soc. Psychology*. 2005. №44. P. 309–328.

Drury J., Cocking Ch., Reicher S. Everyone for themselves? A comparative study of crowd solidarity among emergency survivors // *British journal of Social Psychology*. 2009. №48. P. 487–506.

Drury J., Reicher S. Collective action and psychological change: The emergence of new social identities // *British Journal of Soc. Psychology*. 2000. №39. P. 579–604.

Drury J., Reicher S. Explaining enduring empowerment: A comparative study of collective action and psychological outcomes // *European Journal of Soc. Psychology*. 2005. №35. P. 35–58.

Drury J., Stott C. "Bias" as a research strategy in participant observation: The case of intergroup conflict // *Field Methods*. 2001. №13. P. 47–67.

Drury J., Stott C. J., Farsides T. The role of police perceptions and practices in the development of 'public disorder' // *Journal of Applied Social Psychology*. 2003. №33. P. 1480–1500.

Dunphy D. C. Cliques, crowds, and gangs. Melbourne, Australia: Cheshire, 1969.

Dvery J., Reicher S. Collective action and psychological change: The emergence of new social identities // *British Journal of Social Psychology*. 2000. № 39. P. 579–604.

Dyer R.G. et al. Consensus decision making in human crowds // *Animal Behavior*. 2008. № 75. P. 461–470.

Funk J. Video games // *Adolescent medicine: State of the Art Reviews*. 1993. № 4. P. 589–598.

Gaining Wisdom from Crowds // *Communications of the ACM*, march. 2012. V. 55. № 3.

Gerlach L. P. The Structure of Social Movements: Environmental Activism and its Opponents // J. Arquilla and D. Ronfeldt (eds.). *Networks and Netwars*. Santa Monica, CA: Rand, 2001. P. 289–310.

Global Corruption Barometer from data collected by Gallup International's Voice of the People Survey of 60 countries. 2007.

Goldman K., Reilly P.M. Untold story: Media's slow grasp of hurricane's impact helped delay response // *Wall Street Journal*. 1992. September 10. P. A1, A9.

Graber D.A. *Mass media and American politics* (3rd ed.). Washington, DC: Congressional Quarterly Press, 1989.

Greenhalgh L. *Sloan Management Review*. Summer, Sloan Management Review Association, 1986. P. 45–51.

Gunaranta R. *Inside Al-Queda: Global Networks of Terror*. N.Y.: Columbia University Press, 2002.

Gunter B. *Media sex: What are the issues?* Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2001.

Gunter B. *News and the net*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2003.

Gunter B., Furnham A., Griffiths S. Children's memory for news: A comparison of three presentation media // *Media Psychology*. 2000. № 2. P. 119–146.

Hague B., Loader B. (eds.). *Digital Democracy: Discourse and Decision Making in Information Age*. London: Routledge, 1999.

Harris R.J.A. *Cognitive psychology of mass communication*. Mahwah, New Jersey, London: Lawrence erlbaum associates, publishers, 2004. P. 262–291.

Harris R.J., Scott C.L. Effects of sex in the media // J. Bryant & D. Zillmann (Eds.). *Media effects: Advances in theory and research*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2002. P. 307–331.

Haslam S.A. *Psychology in organizations: The social identity approach*. London: Sage, 2004.

Haslam S.A. et al. Taking the strain: Social identity, social support, and the experience of stress // *British Journal of Social Psychology*. 2005. № 44. P. 355–370.

Health and Safety Executive: *The Event Safety Guide (A Guide to Health, Safety and Welfare at Music and Similar Events)*. London: Her Majesty's Stationery Office, 1999.

Hearold S. A synthesis of 1043 effects of television on social behavior // G. Comstock (Ed.). *Public communication and behavior*. Orlando, FL: Academic Press, 1986. Vol. 1. P. 65–133.

Heaven P., Ciarrochi J., Vialle W. Self-nominated peer crowds, school achievement, and psychological adjustment in adolescents: A longitudinal analysis // *Personality and Individual Differences*. 2008. № 44. P. 977–988.

Heaven P., Ciarrochi J., Vialle W., Cechavicuite I. Adolescent peer crowd self-identification, attributional style and perceptions of parenting // *Journal of Community and Applied Social Psychology*. 2005. № 15. P. 313–318.

Helbing D., Farkas I., Vicsek T. Simulating dynamical features of escape panic // *Nature*. 2000. № 407. P. 487–490.

Himanen P. *The Hacker Ethic and the Spirit of the Information Age*. New York: Random House, 2002.

Hine V.H. *People, Power, Change: Movements of Social Transformation*. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1970.

Hogg M.A. Social identity and group cohesiveness // J.C. Turner et al. (Eds.). *Rediscovering the social group: A self-categorization theory*. Oxford, UK: Blackwell, 1987. P. 89–116.

Hollingshead A.B. *Elmtown's youth and elmtown revisited* (revised edition). New York: Wiley, 1975.

Hornik R. Television access and the slowing of cognitive growth // *American Educational Research Journal*. 1978. № 15. P. 1–15.

Horsley S. Interest in climate change heats up in 2008 race // *National Public Radio*, morning edition. 2007. June 8.

Huston A.C., Donnerstein E., Fairchild H.H., Feshbach N.D., Katz P., Murray et al. *Big world, small screen: The role of television in American society*. Washington, DC, American Psychological Association, 1992.

Inozemtsev V. *New Postindustrial Wave – in the West*. M.: Academia, 1999. P. 3–64.

Internet Policy Institute. 2001. Report of the National Workshop on Internet Voting: Issues and Research Agenda. URL: www.netvoting.org (дата обращения: 15.03. 2014).

Ishikawa Y. Calls for Deliberative Democracy in Japan // *Rhetoric and Politics*. 2002. № 5(2). P. 331–345.

Jardin A., Tudesq A. J. *La France des Notables*. Paris, 1973.

Johnson N.R. Fire in a crowd theatre: A descriptive investigation of the emergence of panic // *International Journal of mass Emergencies and disaster*. 1988. № 6. P. 7–26.

Johnson D.G. Reflections Campaign Politics. The Internet and Ethics // D.M. Anderson, M. Cornfield (eds.). *The Civic Web: Online Politics and Democratic Values*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2003. P. 9–18.

Johnson L.K., Wirtz J.J. "Introduction" in Part II: Intelligence Collection // *Strategic Intelligence, Windows Into a Secret World: An Anthology*. Los Angeles, CA: Roxbury Publishing Company, 2004.

Johnston R.W. Negotiation strategies: different strokes for different folks. *Personnel*. 2002. March-April. 59. P. 36–45.

Juris J.S. Networked social movements: global movements for global justice // Castells M. (ed.). *The Network Society: A cross-cultural perspective*. Massachusetts, Edward Elgar Publishing. Inc., 2004. P. 341–362.

Juris J.S. *Networking Futures: The Movements against Corporate Globalization*. Durham, NC: Duke University Press, 2008.

Kanter J., Revkin A. C. Last-minute wrangling on global warming report // *International Herald Tribune*. 2007. February 1 (retrieved 2008. May 1. URL: <http://www.ihrt.com> – дата обращения: 15.03.2014).

Kelly E. Senate poised to take up sweeping global warming bill // *USA Today*. 2008. May 17 (retrieved 2008. May 24. URL: <http://www.usatoday.com> (дата обращения: 15.03.2014).

Kemp C. Public lecture: Safety and crowd management. Cultural, universal and partisan tensions in mass crowd gatherings. URL: http://www.acem.uts.edu.au/pdfs/chris_kemp_lecture.pdf. Accessed 04 October, 2006 (дата обращения: 15.03.2014).

Kinney D. A. From “headbangers” to “hippies”: Delineating adolescents’ active attempts to form an alternative peer culture // *New Directions for Child and Adolescent Development*. 1999. №84. P. 21–35.

Kop N., Euwema M., Schaufeli W. Burnout, job stress and violent behavior among Dutch police officers // *Work & Stress*. 1999. №13. P. 326–340.

Krosnick et al. The origins and consequences of democratic citizens’ policy agendas: a study of popular concern about global warming // *Climatic Change*. 2006. №77. P. 7–43.

Kugihara N. Effects of aggressive behavior and group size on collective escape in an emergency: A test between a social identity model and de-individuation theory // *British Journal of Social Psychology*. 2001. №40. P. 575–598.

Ladeneva A. Now Russia Reality // *Open Democracy*. URL: <http://www.opendemocracy.net/themes/articale-6-253.jps> (дата обращения: 15.03.2014).

Lash S., Lury C. *Global Culture Industry: The Mediation of Things*. Cambridge: Polity Press, 2007.

Levine P. Online Campaigning and the Public Interest // D.M. Anderson, M. Cornfield (eds.). *The Civic Web: Online Politics and Democratic Values*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2003. P. 47–62.

Levine M. et al. Identity and emergency intervention. How group membership and inclusiveness of group boundaries Shape Helping behavior // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2005. №31. P. 443–453.

Levy P. *Cyberculture*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2001.

Liebert R.M., Sprafkin J. *The early window: Effects of television on children and youth*. New York: Pergamon, 1988.

Ling R. *New Tech, New Ties. How Mobile Communication Is Reshaping Social Cohesion*. Cambridge, Massachusetts London, England. Massachusetts Institute of Technology, 2008.

Mares M. The role of source confusions in television’s cultivation of social reality judgments // *Human Communication Research*. 1996. №23. P. 278–297.

Maslach C., Schaufeli W.B., Leiter M. P. Job burnout // *Annual Review of Psychology*. 2001. № 52. P. 397–422.

Mawson A.R. Understanding mass panic and other collective responses to threat and disaster // *Psychiatry*. 2005. № 68. P. 95–113.

McAdam D. (eds.). *Social Movements and Networks: Relational Approaches to Collective Action*. Oxford: Oxford University Press, 2003.

McClelland J.S. *The crowd and the mob: From Plato to Canetti*. London, UK: Unwin Hyman, 1989.

McDougall W. *The group mind*. NY: G.P. Putnam's Sons, 1920.

McGuire W.J. *The myth of massive media impact: Savagings and salvaging*. 1986.

McLeod D.M., Perse E.M. Direct and indirect effects of socioeconomic status on public affairs knowledge // *Journalism Quarterly*. 1994. № 71. P. 433–442.

Mc Phail C. Blumer's theory of collective behavior: The development of a non-symbolic interaction explanation // *Sociol Q.* 1989. № 30(3). P. 401–423.

Mc Phail C. *The Myth of the Madding Crowd*. New York: Aldine De Gruyter; 1991.

McQuail D. *Mass communication theory* (3rd ed.). London: Sage, 1994.

McQuail D., Windahl S. *Communication models: For the study of mass communication* (2nd ed.). New York: Longman, 1993.

Melucci A. *Nomads of the Present: Social Movements and Individual Needs in Contemporary Society*. Philadelphia: Temple University Press, 1989. P. 75–76.

Milsten A.M., Maguire B.J., Bissell R.A., Seaman K.G. Mass-gathering medical care: a review of the literature // *Prehospital Disast Med*. 2002. № 17. P. 151–167.

Mintz A. Non-adaptive group behavior // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1951. № 46. P. 150–159.

Morgan M., Shanahan J. Two decades of cultivation research: An appraisal and meta-analysis // B.R. Burleson (Ed.). *Communication yearbook*. № 20. P. 1–45. Thousand Oaks, CA: Sage, 1997.

Monge P.R., Contractor N.S. *Theories of communication Networks*. Oxford: Oxford University Press, 2003.

Morstein-Marx R. *Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Nathanson A.I. Identifying and explaining the relationship between parental mediation and children's aggression // *Communication Research*. 1999. № 26. P. 124–143.

National Television Violence Study. Vols. 1–2. Thousand Oaks, CA: Sage, 1997.

Nisbet M. C., Myers T. The polls – trends: twenty years of public opinion about global warming // *Public Opinion Quarterly*. 2007. № 71 (3). P. 444–470.

Norris P. *A Virtuous Circle: Political Communications in Post industrial Societies*. N.Y.: Cambridge University Press, 2000.

Norris P. Digital Divide: Civic Engagement. Information Poverty and the Internet Worldwide. Cambridge University Press, 2001.

Paddock A. Jr. Military Psychological Operations // Political Warfare and Psychological Operations / Ed. by C. Lord and F.R. Barnett, Washington, DC: National Defense University Press, 1989.

Perse E.M. Media effects and society. Mahwah, New Jersey, London: Lawrence Erlbaum associates, publishers, 2001. P. 1, 188–216.

Pines A., Maslach C. Experiencing Social Psychology. New York: McGraw-Hill, 1993.

Prati G., Pietratori L. Elaborating the police perspective: The role of perceptions and experience in the explanation of crowd conflict // European Journal of Social Psychology. 2009. № 39. P. 991–1001.

Provenzo E.F. Video kinds: Making sense of Nintendo. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991.

Quantelli E.L. Panic sociology // N.J. Smelser, P.B. Baltes (eds), International encyclopedia of the social and behavioral sciences. NY: Pergamon Press, 2001. P. 11020–11023.

Quinn J.B. Strategies for change // Mintzberg H., Quinn J.B. The strategy process: Concepts, contexts, cases (2nd ed.). Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1991.

Reicher S. "The Crowd" century: Reconciling practical success with theoretical failure // Br. J. Soc. Psychol. 1996a. 35(4). P. 535–553.

Reicher S.D. The Battle of Westminster": Developing the social identity model of crowd behavior in order to explain the initiation and development of collective conflict // Eur. J. Soc. Psychology. 1996b. № 26. P. 115–134.

Reicher S. The psychology of crowd dynamics // M. Hogg, R.S. Tyndale (Eds.). The Blackwell handbook of social psychology: Group processes. Oxford: Blackwell, 2001. P. 182–208.

Reicher S. Rethinking the paradigm of prejudice // South African Journal of Psychology. 2007. № 37. P. 820–834.

Reicher S., Potter J. Psychological theory as intergroup perspective: A comparative analysis of "scientific" and "lay": Accounts of crowd events // Human Relations. 1985. № 38. P. 167–189.

Reicher S., Stott C., Cronin P., Adang O. An integrated approach to crowd psychology and public order policing // Policing: An International Journal of Police Strategies and Management. 2004. № 27. P. 558–572.

Reuters. The world turns out for World Wildlife Fund's Earth Hour. 2008. March 30.

Ripley A. How to get out alive // Time. 2005. 16th May. P. 48–52.

Robinson H. M., Sigman M. R., Wilson J. P. Duty-related stressors and PTSD symptoms in suburban police officers // Psychological Reports. 1997. № 81. P. 835–845.

Rosenthal E., Revkin A.C. Global warming called 'unequivocal' // International Herald Tribune. 2007. February 2 (retrieved 2008. May 24. URL: <http://www.ihb.com> — дата обращения: 15.03.2014).

Rubin J., Purrit D., Kim S.H. Social conflict Escalation, Stalemate and Settlement (2nd ed.). McGraw-Hills Companies, 1994.

Schramm W. Communication in crisis // B.S. Greenberg, E.B. Parker (Eds.). *The eneedy assassination and the American public: Social communication in crisis*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1965. P. 1–25.

Schwendinger H., Schwendinger J.R. *Adolescent subcultures and delinquency*. New York: Praeger, 1985.

Semenov I. (ed). *The Internet and Russian Society*. M.: Gendalf, 2002.

Sennet R. *The Fall of Public Man*. New York: Vintage Books, 1978.

Sey A., Castells M. *From media Politics to networked Politics: The Internet and the political process* // M.Castells (Ed.). *The Network Society. A Cross-cultural Perspective*. Edward Elgar: Cheltenham, UK Northampton, MA, USA, 2004.

Shrum L.J. The role of source confusion in cultivation effects may depend on processing strategy: A comment on Mares (1996) // *Human Communication Research*. 1997. № 24. P. 349–358.

Simon L.D., CorralyJ., Wolsferberger D.R. (eds.). *Democracy and the Internet: Allies or Adversaries?* Washington, DC: Woodrow Wilson Press, 2002. P. 67–102.

Slepicka P. *Psychology of the Sport Spectator* // S.J. Biddle (ed.). *European Perspectives on Exercise and Sport Psychology*. England: Human Kinetics Publishers, 1995.

Smelger N.J. *Theory of collective behavior*. London: Routledge and Kegan Pau, 1962.

Spitzer M. Beware of the TV Screen. 2005. URL: <http://n-t.org/nv/2005/03042.htm> (дата обращения: 10.03.2014).

Stearns G.M., Moore R.J. The physical and psychological correlates of job burnout in the royal Canadian mounted police // *Canadian Journal of Criminology*. 1993. № 35. P. 127–148.

Stein G.J. *Information Attack: Information Warfare In 2025*, research paper presented to «Air Force 2025», August 1996.

Still K. *Crowd dynamics*. PhD dissertation, Department of Mathematics, University of Warwick, UK (Retrieved September 15, 2007. URL: <http://www.crowddynamics.com> – дата обращения: 15.03.2014).

Stone M.R., Brown B.B. In the eye of the beholder: Adolescents' perceptions of peer crowd stereotypes // R. Muuss (Ed.). *Adolescent behavior and society: A book of readings* (5th ed., pp. 158–169). Boston: McGraw-Hill, 1998.

Stromer-Galley J. Online Interaction and Why Candidates Avoid it // *Journal of Communication*. 2000. № 50(4). P. 111–132.

Strouse D. L. Adolescent crowd orientations: A social and temporal analysis // *New Directions for Child and Adolescent Development*. 1999. № 84. P. 37–54.

Stop Climate Chaos // Manifesto (retrieved July 1, 2008. URL: http://www.stopclimatechaos.org/about_us/8.asp – дата обращения: 15.03.2014).

Stott C., Adang O., Livingstone A., Schreiber M. Variability in the collective behaviour of England fans at Euro 2004: Intergroup relations, identity content and social change // *European Journal of social psychology*. 2007. № 37. P. 75–100.

Stott C., Drury J. The intergroup dynamics of empowerment: A social identity model // P. Bagguley, J. Hearn (Eds.). *Transforming politics: Power and resistance*. New York, NY: Macmillan, 1999. P. 32–45.

Stott C., Drury J. Crowds, context, and identity: Dynamic categorization processes in the “poll tax riot” // *Human Relations*. 2000. № 53. P. 247–273.

Stott C., Hutchison P., Drury J. ‘Hooligans’ abroad? Intergroup dynamics, social identity, and participation in collective disorder at the 1998 World Cup finals // *British Journal of Social Psychology*. 2001. № 40. P. 359–384.

Stott C., Pearson G. *Football ‘hooliganism’: Policing and the war on the ‘English disease’*. London: Pennant Books, 2007.

Stott C., Reicher S.D. Crowd action as intergroup process: Introducing the police perspective // *European Journal of Social Psychology*. 1998. № 28. P. 509–529.

Strasburger V.C., Wilson B.J. *Children, adolescents, and the media*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2002.

Sussman S., Dent C. W., McCullar W. J. Group self-identification as a prospective predictor of drug use and violence in high-risk youth // *Psychology of Addictive Behaviors*. 2000. № 14(2). P. 192–196.

Sussman S., Pokhrel P., Ashmore R. D., Brown B. B. Adolescent peer group identification and characteristics: A review of the literature // *Addictive Behaviors*. 2007. № 32. P. 1602–1627.

The Concept of the State Informational Policy, 1998.

The Rise of Populism in Europe. The new Face of Digital Population by L. Burtiett, D.J. Birdwell, M. Litter, 2011.

Thompson J. B. *Political Scandal: Power and Visibility in the Media Age*. Cambridge: Polity Press, 2000.

Tierney K.J., Bevc C., Kuligowski E. Metaphors matter: Disaster myths, media and their consequences in Hurricane Katrina // *ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2006. № 604. P. 57–81.

Tjosvold D. *Working Together to get Things Done: Managing for Organizational Productivity*. Lexsintong Books, 1986.

Thompson J. *Political Scandals*. Cambridge: Polity Press, 2000.

Tuomi I. *Networks of Innovation: Change and Meaning in the Age of the Internet*. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Turner J.C., Oakes P.J., Haslam S.A., McGarty C. Self and collective: Cognition and social context // *Personality Soc. Psychol. Bulletin*. 1994. № 20. P. 454–463.

Urberg K.A. Locus of peer influence: Social crowd and best friend // *Journal of Youth and Adolescence*. 1992. № 21(4). P. 439–450.

Urberg K.A., Degirmencioglu S. M., Tolson J. M., Halliday-Scher K. The structure of adolescent peer networks // *Developmental Psychology*. 1995. № 31(4). P. 540–547.

Urberg K.A., Degirmencioglu S.M., Tolson J.M., Halliday-Scher K. Adolescent social crowds: Measurement and relationship to friendships // *Journal of Adolescent Research*. 2000. № 15(4). P. 427–445.

Vartanova E. The Russian network society // Castells, The Network Society: A Crosscultural Perspective. Elgal Publishing Corp. Inc. 2004. P. 84–98.

Vider S. Rethinking crowd violence: Self-categorization theory and the Woodstock, 1999 // Journal for the Theory of Social Behavior. 2004. № 34. P. 141–166.

Waddington D., Jones K., Critcher C. Flashpoints of Public Disorder // Gaskell G., Benewick R. (eds.). The Crowd in Contemporary Britain. London: Sage Publications, 1987.

Waltz E. Information Warfare: Principles and Operations. Boston, London: Artech House, 1998.

Weart S. (2007). Discovery of global warming (available online at <http://www.aip.org/history/climate/index.html>) which supplements the book Discovery of Global Warming (2003). Cambridge, MA: Harvard University Press.

Weber S. The Success of Open Source. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.

Wenger D.E. A few empirical observations concerning the relationship between the mass media and disaster knowledge: A research report // Disasters and the mass media: Proceedings of the Committee on Disasters and the Mass Media Workshop. Washington, DC: National Academy of Sciences, 1980. P. 241–266.

Wenger E. Communities of Practice: Learning, Meaning and Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Wenger E., Synder W. Communities of practice: the organizational frontier // Harvard Business Review. 2008. № 21. P. 332–349.

Winock M. Las Voces de la libertad. Barcelona: Edhasa, 2004 (French edition – Paris: Seuil, 2001).

Wintour P. Ministers bow to pressure for climate bill // Guardian. 2006. October 25 (retrieved May 24, 2008. URL: <http://www.guardian.co.uk/> (дата обращения: 15.03.2014).

Wolfensberger D.R. Congress and the Internet: Democracy's Uncertain Link // L.D. Simon, J. Corrales, D.R. Wolfensberger (eds.). Democracy and the Internet: Allies or Adversaries? Washington, DC: Woodrow Wilson Press, 2002. P. 67–102.

Wu I.S. Information, identity, and institutions: How technology transforms power in the world, research paper. Washington, DC: Georgetown University, Institute for the Study of Diplomacy, 2008.

Young K. Standard deviations: An update on North American sports crowd disorder // Sociology Sport Journal. 2002. № 19. P. 237–275.

Zeitz K., Bolton S., Dippy R., Dowling Y., Francis L., Thorne J., Butler T., Zeitz C. Measuring emergency services workloads at mass gathering events // Australian Journal of Emergency Management. 2007. № 22(4). P. 4–30.

Zeitz K.M., Tan H.M., Grief V., Zeitz Ch.J. Crowd Behavior at Mass Gatherings: A Literature Review // Personal and Disaster Medicine. 2009. Vol. 24. № 1. P. 32–38.

Zeitz K.M., Zeitz C.J., Arbon P. Forecasting medical work at mass-gathering events: predictive model versus retrospective review // *Prehospital Disast Med.* 2005. № 20. P. 164–168.

Zhuravlev A.L. Economic psychology: its place and function in modern science // *Российский психологический журнал.* 2005. Т. 2. № 1. С. 126–135.

Zhuravlyov A. The main tendencies in psychological investigations conducted by the Institute of psychology of the Russian academy of sciences (RAS) // *Social Sciences.* 2008. Т. 39. № 2. P. 109–128.

Zhuravlyov A., Drobysheva T. Value orientations of the formative personality in Russia's historical dynamics // *Social Sciences.* 2011. Т. 42. № 2. P. 95–111.

Zhuravlev A., Pozniakov V. Russian entrepreneurs in today's social structure // *Russian Social Science Review.* 1995. Т. 36. № 5. P. 5–23.

Zhuravlev A., Zinchenko Y.P., Kovaleva Y.V., Sergienko E.A. The V Congress of the Russian psychological society // *Psychology in Russia: State of the Art.* 2012. Т. 5. С. 11–30.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
------------------------------	---

Раздел I

Психология массового поведения:

история изучения и современные тенденции	5
---	---

Глава 1. Формирование направления, классические работы и современные исследования: краткий исторический обзор	8
Глава 2. Проблема типологии массовых групповых образований	11
Глава 3. Тенденции исследований массового поведения в современной психологической науке	17
Глава 4. Современные технологии воздействия на массовое сознание людей: эпоха пропаганды	28
Глава 5. Влияние СМК на психологию массового поведения: как СМК изменяют массовую психологию и ценностные представления людей.	49
Глава 6. Технологии использования скандалов и провокаций в массовой психологии	55
Глава 7. Каждый за себя или групповая солидарность: проблема солидарности в массовых ситуациях риска для жизни.	64
Глава 8. Проблема взаимодействия полиции и массовых групповых образований: роль психологических установок представителей полицейских структур в понимании, объяснении массовых процессов и возникновении массового конфликта.	69

Раздел II

Интернет-технологии и массовое поведение

групповых социальных образований 77

- Глава 9. Геополитические условия проявления
мотивации массового поведения и использования
интернет-технологий в современном мире 81
- Глава 10. Интернет-технологии, сетевое общество
и Россия в медиaprостранстве. 88
- Глава 11. Интернет-технологии и социальные движения
за глобальную справедливость 93
- Глава 12. Психологическая проблематика экологических
движений в мире: новая культура природы 98
- Глава 13. Социальные движения, массовые стихийные
выступления и перепрограммирование интернет-сетей
общества: проблема властных взаимоотношений 101
- Глава 14. Интернет и политические процессы в обществе:
от политики традиционных СМИ
к психологии интернет-технологий 104
- Глава 15. Массовые групповые образования
подросткового поколения:
Интернет и современные исследования 111

Раздел III

Психология массового поведения:

перспективы психологических исследований 119

- Глава 16. Информационное общество, интернет-технологии
и психология массового поведения:
перспективы развития научного направления 120

Заключение 123

Приложение 126

Библиография. 132